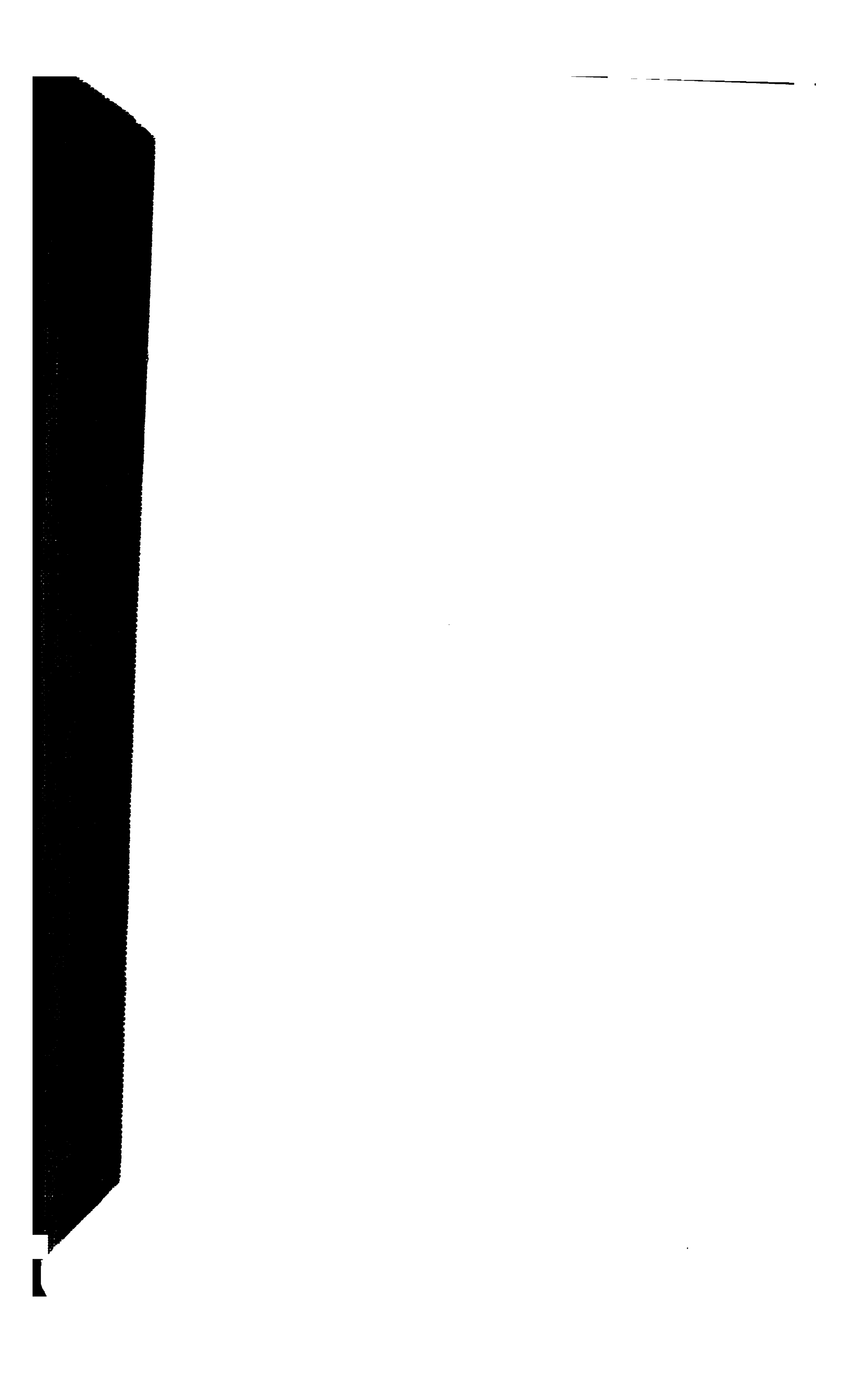
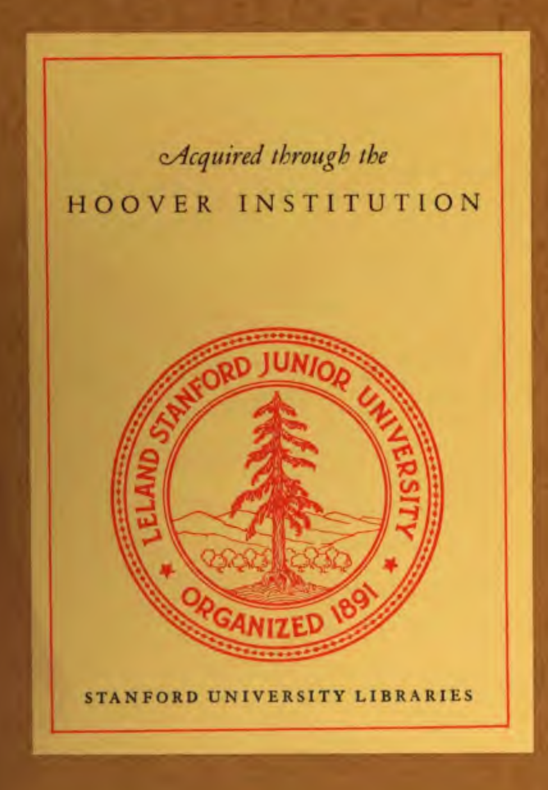
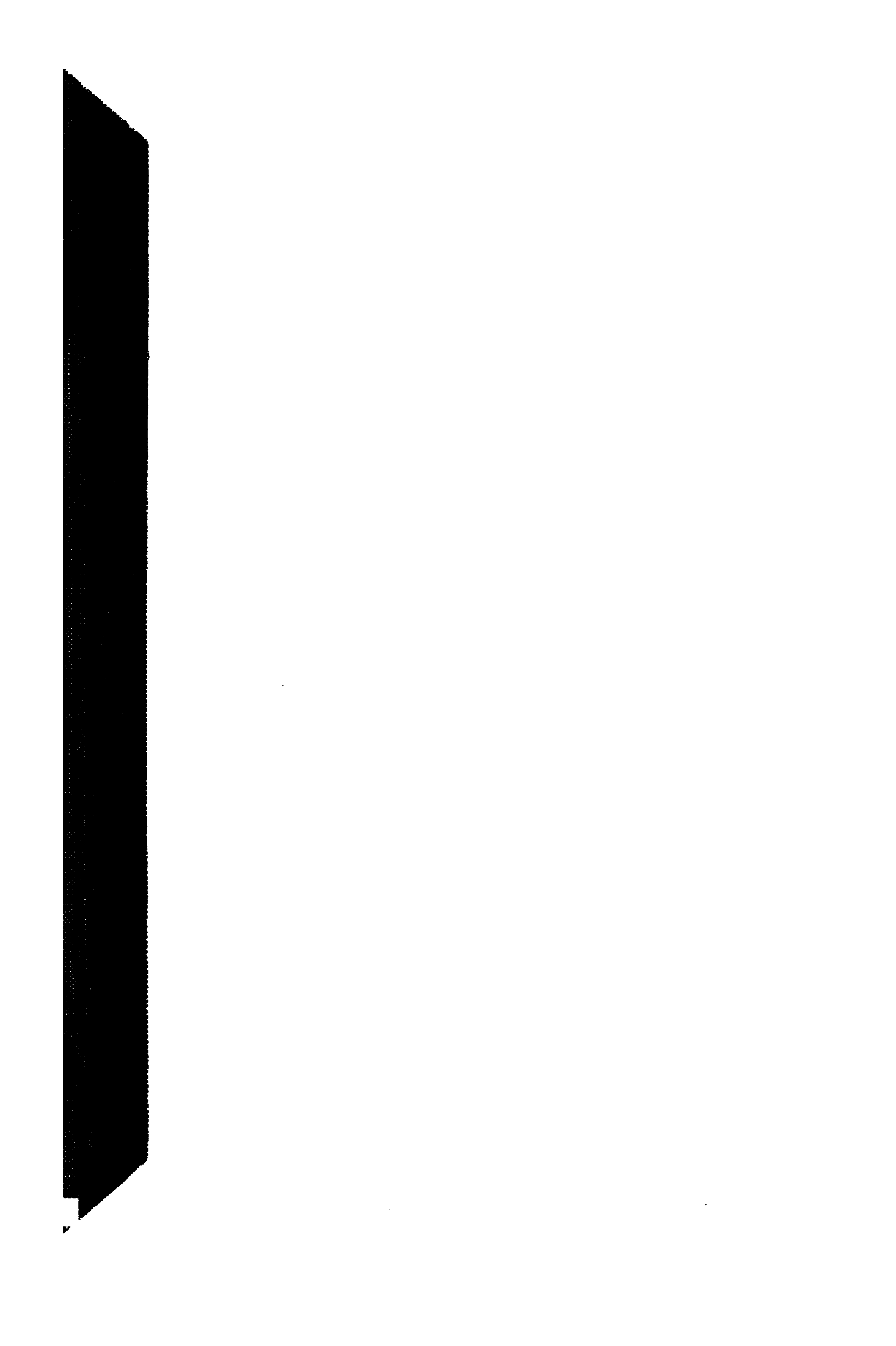
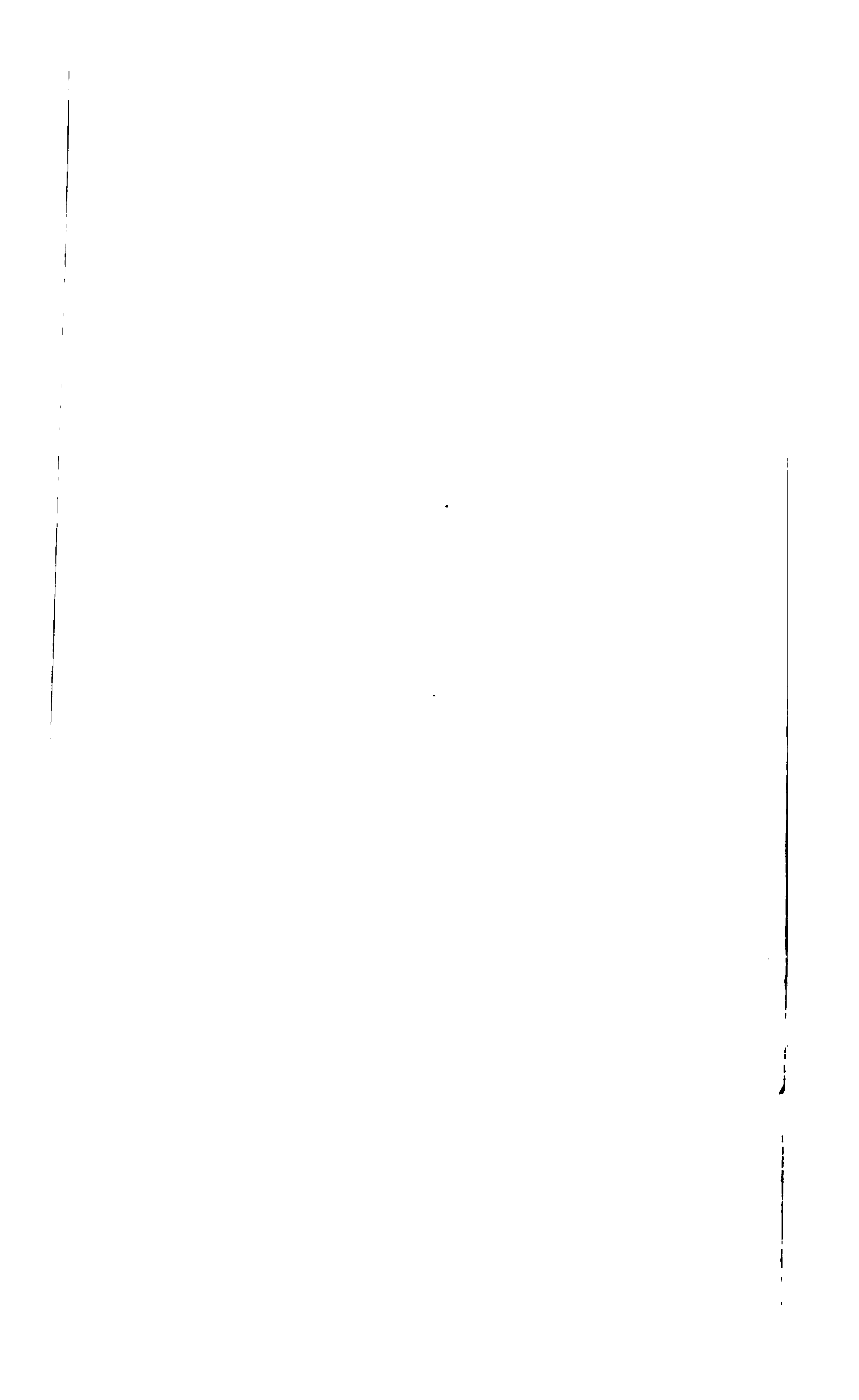




Acquired through the
HOOVER INSTITUTION
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES





В. Фриче,

приватъ-доцентъ московскаго университета.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА и КАПИТАЛИЗМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(АНГЛІЯ; ГЕРМАНІЯ; АВСТРІЯ; СКАНДИНАВІЯ).

ИЗДАНІЕ
С. СКИРМУНТА.

по-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовск. ул., с. д.

Москва — 1906.

Англія.

ГЛАВА I.

Буржуазія и пролетаріатъ въ первой половинѣ XIX в.

Промышленный переворотъ, происшедшій въ Англіи, выдвинулъ на первый планъ классъ крупныхъ капиталистовъ.

Буржуазія, ставшая уже въ 30-хъ годахъ истекшаго столѣтія господствующей экономической силой, своей первой задачей поставила завоеваніе политической власти.

Старый избирательный законъ, отражавшій въ себѣ еще въ значительной степени общественныя отношенія феодальной старины, давалъ лэндлордамъ, землевладѣльцамъ, огромный перевѣсъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Между тѣмъ какъ какое-нибудь захолустное мѣстечко, въ которомъ хозяйничалъ самодержавнымъ царькомъ богатый помѣщикъ, посылало въ палату своего депутата, недавно возникшіе крупные фабричные центры, цитадели капитализма, какъ Бирмингамъ или Манчестеръ, не имѣли въ палатѣ ни одного представителя.

Опираясь на мелкую буржуазію и на рабочій классъ, капиталисты подняли шумную агитацію въ пользу измѣненія стараго избирательнаго закона, подняли на ноги всю страну и заставили лэндлордовъ пойти на уступки.

Побѣду „народа“ надъ аристократіей крупная буржуазія сумѣла очень ловко использовать въ своихъ собственныхъ интересахъ: новая избирательная система (цензовая), лишавшая пролетаріатъ политическихъ правъ, передала законодательную власть изъ рукъ верхней палаты въ

нижнюю, а въ нижней палатѣ хозяевами положенія были капиталисты. Упрочивъ свою позицію, крупная буржуазія рѣшила нанести рѣшительный ударъ своему старому врагу—землевладѣльческой аристократіи.

Лэндлорды только что провели свои знаменитые „хлѣбные законы“ (corn-laws).

Желая обезопасить себя отъ конкуренціи иностраннаго зерна, они обложили его высокими пошлинами. Ложась тяжестью на всѣ классы общества, эти хлѣбные законы были особенно непріятны крупной буржуазіи не только потому, что поднимали цѣны на рабочія руки; а также и потому, что усиливали власть землевладѣльческаго класса. Капиталисты и направили всѣ свои силы — а къ ихъ услугамъ былъ цѣлый штатъ политико-экономовъ и публицистовъ, цѣлая свита поэтовъ и ораторовъ—на то, чтобы уничтожить эти ненавистные „законы“. Возникаетъ „лига противъ хлѣбныхъ законовъ“, тысячами печатаются воззванія и прокламаціи, дождемъ сыплются воинственныя стихотворенія (напр. „Corn-law rhymes“ Эбенезера Элліота). Какъ прежде во время кампаніи за избирательную реформу, такъ теперь въ своей агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ крупная буржуазія выставляла себя защитницей общенародныхъ и, въ частности, пролетарскихъ интересовъ. Теоретики и публицисты капитализма доказывали рабочимъ, что всѣ ихъ страданія—длинный рабочій день, нищенская заработная плата, ужасныя жилищныя условія—являются въ сущности результатомъ дороговизны жизни, а послѣдняя вызвана покровительственными пошлинами на хлѣбъ; не капиталисты, не знающіе удержу въ эксплоатаціи, а землевладѣльцы, въ своихъ интересахъ удорожающіе хлѣбъ,—вотъ истинные враги народа.

Въ дѣйствительности крупная буржуазія преслѣдовала свои собственные интересы: отмѣна хлѣбныхъ законовъ обѣщала капиталистамъ дешевыя рабочія руки, паденіе ренты, слѣдовательно высокую прибыль.

Въ серединѣ XIX в. фритредеры — сторонники свободной торговли—торжествовали по всей линіи надъ протекціонистами: буржуазія окончательно побѣдила лэндлордовъ.

Вмѣстѣ съ новымъ классомъ воцарилось и новое міросозерцаніе; его носителями были доктора политической экономіи.

Въ основѣ этого буржуазнаго міропониманія лежало убѣжденіе, что „эгоизмъ“ является главной пружиной человѣческой дѣятельности, а ея главной цѣлью—„увеличеніе богатства страны“.

Оба эти положенія были блестяще развиты въ классическомъ трудѣ А. Смита („О богатствѣ народовъ“).

Наилучшимъ способомъ накопленія національнаго богатства являлась въ глазахъ буржуазнаго общества свободная конкуренція между отдѣльными государствами (фритредерство), а внутри государства - свободная конкуренція между отдѣльными классами и индивидуумами (манчестерство). Всякое вмѣшательство государства во взаимныя отношенія между капиталомъ, землей и трудомъ различныхъ націй, классовъ и индивидуумовъ признавалось имъ вредными тормозами прогресса.

„Только всеобщая свобода торговли поставитъ Англію на такую высоту, что она не будетъ имѣть соперниковъ. Она сдѣлаетъ Англію не только мастерской всего міра, но и складомъ произведеній всѣхъ націй“ (Алисонъ. „Всеобщая свободная торговля“).

На своемъ знамени капиталистическая буржуазія написала такимъ образомъ извѣстныя слова — laissez faire.

Хотя теоретики капитализма въ своихъ трудахъ постоянно толковали о „національномъ богатствѣ“, но подразумѣвали подъ этимъ словомъ богатство не всей націи, а опредѣленнаго класса—буржуазіи.

Какъ Сеньоръ, а впослѣдствіи Фаусетъ, они доказывали, что капиталисты имѣютъ полное право присваивать себѣ значительную часть этого „національнаго богатства“ подъ видомъ прибыли, какъ вознагражденіе за „воздержаніе“ отъ радостей жизни, которое наложили на себя какъ они, такъ въ особенности ихъ предки, чтобы накопить необходимые для дѣла капиталы.

На долю рабочаго класса отъ всего этого „національнаго богатства“ оставались однѣ жалкія крохи, недостаточныя даже для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей,—такъ называемая заработная плата.

Ученые политико-экономы доказывали пролетаріату, что низкій уровень этой заработной платы вовсе не зависитъ отъ жадности капиталистовъ, а отъ „желѣзныхъ“ законовъ, противъ которыхъ безсильны и сами капиталисты.

Заработная плата, говорилъ Рикардо, не можетъ подняться надъ „минимумомъ средствъ существованія“ пролетаріата, ибо если бы она поднялась надъ этимъ уровнемъ, улучшилось бы положеніе рабочаго, увеличилось бы число браковъ, предложеніе труда превзошло бы спросъ, и она бы немедленно же снова понизилась.

Если, пояснялъ въ свою очередь Мальтусъ, изъ капитала, ежегодно назначаемаго на производство, вычесть всѣ расходы по оборудованію машинъ, закупкѣ сырья и т. д., то останется нѣкоторая постоянная величина—„заработный фондъ“, который и распредѣляется между рабочими въ зависимости отъ ихъ количества: если рабочіе будутъ воздерживаться отъ производства на свѣтъ большого потомства, то ихъ заработная плата естественно увеличится; ея высота зависитъ не отъ состоянія промышленности, не отъ доброй воли капиталистовъ, а исключительно отъ половой воздержанности самихъ рабочихъ. Искоренить на землѣ нищету и бѣдность никакое общество не въ состояніи.

„Народонаселеніе,—доказывалъ Мальтусъ,—растетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства существованія увеличиваются только въ прогрессіи ариѳметической“.

Таковъ „желѣзный“ законъ „природы“, который есть въ то же время и законъ „Божій“. При такихъ условіяхъ нищета на землѣ неизбѣжна: въ ея существованіи виноваты сами бѣдняки, производящіе слишкомъ большое потомство.

„Если,—прорицалъ Мальтусъ,—бѣднякъ произвелъ большую семью, то онъ совершаетъ преступленіе. Пусть онъ жалуется на самого себя. Ему слѣдуетъ отказать во всякой помощи. Если же къ нему протянется рука благотворителя, пусть она будетъ какъ можно болѣе скупа“.

Если рабочій не нашелъ себѣ заработка, то онъ лишній въ обществѣ: „за богатымъ пиршественнымъ столомъ природы для него нѣтъ свободнаго прибора,—пусть онъ убирается“.

Крупная буржуазія, не стѣсняясь и не краснѣя, примѣняла на практикѣ эту теорію своихъ вѣрныхъ ученыхъ защитниковъ, оправдывавшую законность эгоизма и эксплоатаціи, необходимость дѣленія общества на классъ, присваивающій себѣ „національное богатство“, и классъ, для котораго нѣтъ мѣста „за пиршественнымъ столомъ природы“.

Капиталисты непомѣрно растягивали рабочій день, платили нищенскую плату, эксплоатировали женскій и дѣтскій трудъ, пользовались и системой „выжиманія пота", и системой „уплаты продуктами", отмѣняли старые законы объ общественной благотворительности, превращали работные дома, т.-е. дома для безработныхъ, въ настоящія тюрьмы, „бастильи", какъ ихъ прозвалъ народъ.

Такъ рѣшала соціальный вопросъ буржуазія.

Какъ же отвѣчали рабочіе на эту безсовѣстную эксплоатацію?

Въ средѣ англійскаго пролетаріата въ первой половинѣ XIX в. можно подмѣтить три разныхъ теченія.

Одни видѣли въ организаціи профессіональныхъ союзовъ наиболѣе надежное средство борьбы съ капиталистической системой. Послѣ того какъ въ 1824 г. парламентъ отмѣнилъ старый законъ (1799 г.), запрещавшій всякія органазаціи ремесленниковъ, профессіональные союзы стали очень быстро расти. Буржуазія дала свободу союзовъ не потому, конечно, что раскаялась въ своемъ эгоизмѣ, а потому, что учащавшіеся въ этотъ періодъ кризисы дѣлали эти союзы для нея почти безвредными. Неудачный исходъ цѣлаго ряда стачекъ вызвалъ въ средѣ профессіоналистовъ мысль о необходимости объединенія въ одинъ всеохватывающій трэдъ-юніонъ, который всеобщей стачкой разрушилъ бы капиталистическую систему эксплоатаціи: всеобщая стачка не удалась.

Другая часть рабочихъ усматривала единственный выходъ изъ своего тяжелаго положенія въ устройствѣ производительныхъ ассоціацій, какъ знаменитые „рочдельскіе піонеры": рабочая артель очень скоро превратилась въ обычную акціонерную компанію капиталистическаго типа.

Наконецъ, третья часть рабочихъ пыталась путемъ борьбы за всеобщее избирательное право, путемъ захвата политической власти постепенно подготовить соціальное освобожденіе пролетаріата.

Такъ возникло чартистское движеніе.

Начавшись шумными демонстраціями, оно затѣмъ перешло въ шестимѣсячную всеобщую стачку и завершилось вооруженнымъ возстаніемъ: побѣда осталась за командующими классами (1839 г.). Послѣ февральской революціи

механичны не только въ области „труда“, но также въ сферѣ „духа“. Мораль и метафизика вытѣсняются точными науками, химіей, физикой, физіологіей; философія строится не на „духѣ“, а на „матеріи“, политическими реформами хотятъ уврачевать соціальное зло, въ государствѣ видятъ уже не „отца“, призваннаго воспитывать подданныхъ, а „городового“, обязаннаго охранять собственность и собирать налоги.

Въ этомъ обществѣ, изъ тѣла котораго улетѣла душа, господствуютъ, совершенно естественно, грубо-матеріальные инстинкты, животные идеалы.

Буржуазное общество похоже на стадо свиней, стоящихъ вокругъ корыта, наполненнаго всевозможными отбросами, и говорящихъ:

„Вселенная, насколько мы ее знаемъ, не болѣе какъ огромное корыто, наполненное жидкой и твердой пищей, отчасти доступной, отчасти же недоступной, при чемъ послѣдней для большинства гораздо больше первой.

„Хорошо все то, что облегчаетъ добываніе пищи, дурно все то, что его затрудняетъ.

„Задача жизни заключается въ томъ, чтобы увеличить количество доступной и уменьшить количество недоступной пищи“.

Если каждая свинья имѣетъ свое мѣсто у корыта, не отнимая его у другой, то такой порядокъ вещей называется „справедливымъ“.

Если корыто въ порядкѣ, то что это, какъ не „поэзія“?

Было время—„золотымъ вѣкомъ“ оно называется,—увы! теперь оно миновало,—когда „свиньи могли пользоваться всѣми отбросами и удовлетворять всѣ свои свинскія желанія“.

Для этихъ „мыслящихъ свиней“, всецѣло поглощенныхъ заботами о пищѣ, потустороннiй міръ потерялъ всякое значеніе. Онѣ смотрятъ не „вверхъ“, а „внизъ“. Религія перешла изъ „сердца“ въ „желудокъ“ и „кошелекъ“. Мѣсто Библіи занялъ „учебникъ по политической экономіи“, символа вѣры —„табличка умноженія“, а богослуженіе состоитъ въ „благоговѣйномъ накопленіи капиталовъ“. Такъ стоятъ люди по горло въ „болотѣ“, и нѣтъ ни одной путеводной „звѣзды“, которая сіяла бы имъ сверху, съ небесъ.

Какъ религія, такъ и искусство потеряли всякое серьез-

ное значеніе въ этомъ обществѣ, занятомъ исключительно увеличеніемъ „національнаго богатства".

Поэзіей древнихъ народовъ была Библія, повѣствовавшая о „дѣяніяхъ Божества", или эпосъ, гласившій о „подвигахъ героевъ". Теперь искусство стало простымъ „придаткомъ" къ хорошей квартирѣ и хорошей кухнѣ, „послѣобѣденнымъ развлеченіемъ". Музы, „безстыдныя баядерки", пошли на содержаніе къ „лѣнивымъ магнатамъ" и „сладострастнымъ набобамъ", помогая имъ „лучше переваривать пищу". „Остряки, скоморохи и въ особенности балерины, хорошо знающія свое ремесло,—вотъ на кого большой спросъ у этихъ прожорливыхъ, лѣнивыхъ чудовищъ капитала".

Героями этого новаго общества являются уже не великіе цивилизаторы, изобрѣтатели письменъ, колонизаторы пустынь и организаторы труда, а желѣзнодорожные короли, владѣльцы акцій, рыцари индустріи, какъ „индѣйцы за скальпами", охотящіеся за „купонами", газетные писаки, купающіеся въ сплетняхъ, агитаторы-политики, произносящіе рѣчи съ высоты пивной бочки. Если таковы „вожди", то каково же должно быть общество? „Скажи мнѣ, кого ты почитаешь героемъ, и я скажу тебѣ, кто ты!"

Правительственная система, политическіе идеалы новаго „демократическаго" общества покоятся на двухъ словахъ: laissez faire—пусть каждый дѣлаетъ, что хочетъ. Это значитъ другими словами: правительство „добровольно подаетъ въ отставку". Въ обществѣ воцаряется „анархія". Разрушивъ всѣ старыя связи, демократія ставитъ на ихъ мѣсто „пустоту". Результаты этого „невмѣшательства" у всѣхъ на глазахъ: „застой въ дѣлахъ, картофельные неурожаи, голодающія швеи, невоздѣланныя поля, полуразвалившіяся хаты, чартистское движеніе, провозглашеніе красной республики"—словомъ, возвращеніе „хаоса".

Изъ этого всеобщаго „распада" демократія мечтаетъ выйти путемъ политической реформы, путемъ всеобщаго избирательнаго права: всѣ должны равно участвовать въ управленіи страной.

Но Божество построило вселенную не на принципѣ „равенства", а на основѣ взаимнаго „подчиненія". Если люди будутъ уклоняться отъ этого „вѣчнаго и справедливаго" закона, то они неминуемо погибнутъ. Большинство обязано слу-

шаться меньшинства, ибо „послушаніе есть первая обязанность человѣка“, непремѣнное условіе „порядка“. Одни должны „управлять“ (аристократія), другіе—„просвѣщать“ (интеллигенція), остальные (народъ)—„подчиняться“. Такъ общество было устроено въ средніе вѣка, когда во главѣ его стояли рядомъ „феодалы и духовенство“. Буржуазное общество, провозгласившее принципъ политическаго равенства, уклонилось отъ этого единственно нормальнаго типа соціальной организаціи и потому превратилось въ „заблудившееся стадо“, руководимое „анархистами“, увлекаемое ими „къ мятежамъ и распаденію“.

Единственное спасеніе для Англіи—это возстановить старый порядокъ господства однихъ, подчиненія другихъ. Вопросъ, отъ котораго все „зависитъ“, заключается въ томъ, найдется ли въ Англіи еще „истинная аристократія“, классъ „непобѣдимыхъ aristoi (Αριστοι), готовыхъ сражаться за общее дѣло“?

Нечего говорить: дворянство, которое, благодаря своему соціальному положенію въ качествѣ класса землевладѣльцевъ, лучше другихъ могло бы выполнить эту серьезную общественную функцію, вырождается, на его лицѣ явственно лежитъ печать „Гиппократа“.

Къ счастью, кромѣ этой родовой знати, есть еще другая аристократія—„прирожденная“, „получившая свой дворянскій патентъ прямо отъ Бога“.

Въ составъ этого класса входятъ какъ тѣ, которые „говорятъ и пишутъ“ (интеллигенція), такъ и люди, занятые „промышленнымъ трудомъ“ (капиталисты).

И тѣмъ и другимъ придется еще не мало поработать надъ собой, чтобы стать истинной аристократіей.

Интеллигенція въ огромномъ большинствѣ случаевъ посвящаетъ свои силы и способности совершенно непроизводительному труду—занятіямъ литературой. Она не хочетъ понять, что поэзія, „сестра лжи“, нужна лишь тѣмъ, кто живетъ въ „роскоши и нѣгѣ“, тогда какъ пока общество еще должно бороться съ „страшнымъ хаосомъ“. Она не желаетъ сознаться, что люди нуждаются не въ „сладкозвучныхъ пѣсняхъ“, а въ „серьезномъ и мудромъ краснорѣчіи“. Общественная функція интеллигенціи заключается не въ томъ, чтобы „развлекать“, а въ томъ, чтобы „воспитывать“. Истинный „аристосъ“ не долженъ заниматься

литературой. Пусть онъ съ гордостью скажетъ: „За всю свою жизнь я не написалъ ни одной строчки".

Отъ многихъ предразсудковъ должны отказаться и капиталисты.

Изъ „индѣйцевъ, охотящихся за скальпами", они обязаны превратиться въ „вождей промышленности". Если они поймутъ наконецъ, что существованіе Англіи зависитъ вовсе не отъ дешевизны хлопка или отъ обилія товаровъ, что спросъ и предложеніе—вовсе не единственный законъ природы, а заработная плата—не единственное связующее звено между людьми, тогда они станутъ въ самомъ дѣлѣ организаторами труда. Вмѣсто обычнаго договора о наймѣ, не способнаго духовно сблизить предпринимателя и работника, они введутъ долгосрочный контрактъ, который свяжетъ ихъ, какъ въ старину барина и крѣпостного, ремесленника и подмастерьевъ, крѣпкими нравственными узами. Не быть „дикарей-кочевниковъ", которые сегодня живутъ вмѣстѣ, а завтра расходятся въ разныя стороны, будетъ тогда прообразомъ для взаимныхъ отношеній между работодателями и тружениками, а семейный домъ, гдѣ мужъ и жена, господа и прислуга на всю жизнь соединены въ тѣсный кружокъ. Капиталисты сдѣлаютъ своихъ рабочихъ участниками въ прибыляхъ предпріятія, такъ что самое предпріятіе получитъ до извѣстной степени характеръ „соціальный". Такимъ „вождямъ" охотно подчинятся рабочіе: не нужны имъ будутъ ни всеобщее избирательное право, ни чартистская революція, ни красная республика — они будутъ счастливы тѣмъ, что нашли, наконецъ, своихъ законныхъ руководителей.

При такой „организаціи труда", гдѣ промышленники предпочтутъ быть „отцами" своихъ подчиненныхъ, вмѣсто того чтобы только думать о „купонахъ", стихнетъ бѣшеная конкуренція, рѣже станутъ періоды безумнаго грюндерства, не такъ часто будутъ повторяться эпохи промышленнаго кризиса. Геній англійскаго народа сосредоточится не на „изобрѣтеніи новыхъ машинъ, удешевляющихъ продукты труда", а на „изобрѣтеніи болѣе справедливой системы распредѣленія жизненныхъ благъ".

Во главѣ общества, успокоеннаго и примиреннаго, рядомъ съ истинной интеллигенціей, которая будетъ не „развлекать", а „воспитывать", станутъ истинные „вожди про-

мышленности“, „борцы противъ хаоса“, великіе цивилизаторы, которымъ „звѣзды будутъ улыбаться“, „дѣла которыхъ благословятъ земля и небо“.

Въ лучшемъ изъ своихъ произведеній, озаглавленномъ „Прошлое и настоящее“, Карлайль рѣзко противополагаетъ современному буржуазному обществу, основанному на погонѣ за прибылью и за равенствомъ, средневѣковую жизнь, построенную на принципѣ добровольнаго подчиненія большинства „мудрому и храброму“ меньшинству, которое видѣло свое назначеніе въ томъ, чтобы „управлять“ и „воспитывать“.

Карлайль переносится мысленно въ „счастливое“ XIII столѣтіе.

„Никто еще не занимался торговлей хлопкомъ. Не дымятся фабричныя трубы. Желѣзо и уголь еще лежатъ спокойно въ нѣдрахъ земли. Демонъ пара еще не пробудился. Въ Глазго хозяиномъ жизни является еще миссіонеръ, св. Мунго, а не Джемсъ Уаттъ. Въ Манконіумѣ, нынѣ Манчестерѣ, еще не ткутъ шерсть. Маммона еще не провозглашенъ божествомъ, продолжая быть простымъ чортомъ“.

Во главѣ общества стояли *феодалы* въ родѣ помѣщика Эдмунда. Они „смотрѣли за работой крестьянъ“, „улаживали аграрныя недоразумѣнія“, „командовали и примиряли“. Арендаторы никогда на нихъ не „жаловались“. Эти помѣщики были настоящими борцами противъ тьмы и хаоса. Съ помощью „Бога“ они старались превратить ввѣренную имъ землю въ „рай“, вмѣсто того чтобы во имя „Маммоны“ ее сдѣлать „адомъ“. Неожиданно къ берегамъ пристали датскіе пираты, способные, подобно современнымъ „реакціонерамъ“ и „соціалистамъ“, только разрушать, а не строить. Они убили помѣщика. На мѣстѣ ихъ преступленія былъ потомъ воздвигнутъ монастырь въ честь св. Эдмунда. *Монахи* продолжали цивилизаторскую дѣятельность феодала. Проникнутые сознаніемъ своей отвѣтственности передъ „Богомъ и людьми“, скованные желѣзной дисциплиной, какъ на „военномъ кораблѣ“, безусловно подчиняясь избраннымъ ими „лучшимъ людямъ“ (idonei), они неусыпными стараніями на благо окружающихъ превращали обступившій ихъ со всѣхъ сторонъ „хаосъ“ въ благоустроенный „космосъ“, доказывая всей своей жизнью, что человѣкъ рожденъ не для „анархіи“, а для „порядка“,

что онъ „слуга не Діавола, а Бога“. Такъ гласитъ старая монастырская хроника!

ГЛАВА III.

Критика капиталистическаго строя съ мелкобуржуазной точки зрѣнія. Диккенсъ.

Наиболѣе выдающіеся англійскіе беллетристы первой половинѣ XIX в. видѣли, подобно Карлайлю, свое писательское призваніе не въ томъ, чтобы „развлекать“, а въ томъ, чтобы „воспитывать“. Подвергая чисто *моральной* критикѣ современное буржуазное общество, они точно такъ же ставили своей задачей не его коренное переустройство, а только его „реформу“. Критеріемъ оцѣнки и руководящимъ идеаломъ служило имъ точно такъ же болѣе или менѣе отдаленное „прошлое“, которое они противополагали „настоящему“ и которое они мечтали снова возродить,—очищенная отъ всѣхъ своихъ историческихъ недостатковъ смѣсь отношеній, свойственныхъ нѣкогда феодально-ремесленному укладу жизни.

Наиболѣе выдающимся представителемъ этого теченія въ художественной литературѣ былъ Диккенсъ.

Какъ Карлайль, такъ и Диккенсъ жилъ своими симпатіями и своимъ вдохновеніемъ скорѣе въ „прошломъ“, чѣмъ въ „настоящемъ“. Его мысль постоянно обращалась назадъ къ „доброму старому времени“.

Въ его романахъ оживаетъ старая Англія конца XVIII вѣка.

Какъ живыя встаютъ маленькія средневѣковыя мѣстечки, плохо мощеныя, тускло освѣщенныя, съ скромными домиками, населенныя мелкимъ трудящимся людомъ—ремесленниками, торговцами, рыбаками. Не дымятся еще фабричныя трубы. Нѣтъ желѣзныхъ дорогъ. На всей жизни лежитъ печать спокойствія, благодушія, старосвѣтскости.

Только изрѣдка вдругъ станетъ во весь ростъ современный фабричный городъ, наполнененный грохотомъ машинныхъ колесъ, съ его лихорадочной борьбой за существованіе и богатство, его классовыми противорѣчіями и классовой борьбой.

И въ такихъ случаяхъ Диккенсъ не жалѣетъ темныхъ

красокъ для изображенія ненавистной ему новой жизни.

Въ романѣ „Тяжелыя времена“ онъ сдѣлалъ собственно единственную попытку изобразить картину родной страны, преобразованной крупно-капиталистическимъ машиннымъ производствомъ.

Дѣйствіе происходитъ въ фабричномъ городѣ; выстроенный изъ краснаго кирпича, наполненный копотью и дымомъ, онъ грязенъ, шуменъ и некрасивъ. Вся „жизнь“ въ городѣ сводилась къ тому, чтобы „переработать опредѣленное количество сырья, сжечь опредѣленное количество угля, использовать опредѣленное количество рабочей силы и нажить какъ можно больше денегъ“.

Предприниматели относились къ рабочимъ свысока и жестоко. Они негодовали, когда была назначена фабричная инспекція, негодовали, когда указывали на антисанитарныя условія ихъ заводовъ, негодовали, когда хотѣли сдѣлать ихъ отвѣтственными за жизнь и здоровье ихъ служащихъ. Всѣ они были ярыми манчестерцами, требовавшими невмѣшательства государства во взаимныя отношенія между трудомъ и капиталомъ, и страстными мальтузіанцами, видѣвшими главную причину нищеты рабочаго класса въ его половой невоздержанности. Своихъ рабочихъ они ругали „бунтовщиками“ и „сволочью“.

Изъ среды этой богатой буржуазіи выдѣляются два типа.

Одинъ—мистеръ Бендерби — воплощаетъ карьеристическія и эксплоататорскія наклонности своего класса.

Дитя улицы, своими силами выбившійся изъ нищеты, онъ всѣми мѣрами старается скрыть свое темное происхожденіе. Почтенная дама, изъ разорившагося дворянскаго рода, должна своими изящными манерами и благовоспитанной рѣчью скрасить его вульгарную обстановку милліонера-выскочки. Мать не имѣетъ права его навѣщать, и бѣдная старушка разъ въ годъ приходитъ въ городъ, чтобы издали посмотрѣть на освѣщенныя окна квартиры сына.

Къ рабочимъ мистеръ Бендерби относится какъ истый предприниматель. Для него совершенно непонятно, почему они вѣчно недовольны, вѣчно волнуются: вѣдь работа на фабрикѣ одна изъ самыхъ „легкихъ, пріятныхъ и хорошо оплаченныхъ“. Весь такъ называемый рабочій вопросъ возникъ, по его мнѣнію, просто потому, что рабочіе пожелали

„хлебать черепашій супъ золотыми ложками и разъѣзжать въ экипажахъ, запряженныхъ шестерней“.

Другой капиталистъ, его тесть мистеръ Грэдгриндъ, воплощаетъ въ свою очередь сухую разсудочность, свойственную его классу.

Воображеніе и сердце въ его глазахъ не имѣютъ никакой цѣны. Для него существовали только голая дѣйствительность и голый интересъ. Все на свѣтѣ должно оплачиваться; каждый шагъ человѣка отъ колыбели и до гроба долженъ быть простой торговой сдѣлкой; чувство благодарности должно быть устранено изъ житейскаго обихода—таковы были „основныя мысли“ его „философіи“. Въ его глазахъ постоянно мелькали не люди, а „цифры“. Великій статистикъ, онъ былъ „глухъ, слѣпъ и мертвъ“ для всего, кромѣ цифръ. Онъ и соціальный вопросъ мечталъ рѣшить не при помощи сердца, а при помощи цифръ.

Таковы представители крупной буржуазіи.

Диккенсъ стремится показать своимъ читателямъ, какъ ненадежно мѣщанское счастье этихъ сухихъ, разсудочныхъ эгоистовъ: между тѣмъ какъ дѣти мистера Грэдгринда покрываютъ его сѣдую голову несмываемымъ позоромъ (сынъ похищаетъ чужія деньги, дочь расходится съ мужемъ), мистеръ Бендерби теряетъ все свое состояніе и снова опускается въ ту темную безвѣстность, изъ которой такъ чудесно поднялся на свѣтъ Божій.

Этимъ разсудочнымъ и безсердечнымъ богачамъ Диккенсъ противопоставляетъ своихъ всегдашнихъ любимцевъ, бѣдныхъ, необразованныхъ, зато добрыхъ и отзывчивыхъ людей—въ данномъ случаѣ труппу акробатовъ и наѣздниковъ.

„Въ этихъ людяхъ,—нарочно подчеркиваетъ Диккенсъ, — было что-то дѣтское, нѣжное. Они были совершенно неспособны содрать шкуру съ ближняго. Напротивъ, они были проникнуты постояннымъ желаніемъ помогать другъ другу, утѣшать другъ друга“.

И въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Слюри, содержатель цирка, относится къ своимъ собакамъ и лошадямъ гуманнѣе, нежели мистеръ Бендерби къ своимъ рабочимъ, а мистеръ Грэдгриндъ — къ своимъ дѣтямъ.

Въ трудную минуту именно эта труппа бѣдныхъ акробатовъ спасаетъ честь и жизнь сына милліонера.

Диккенсъ заглядываетъ и въ міръ пролетаріата.

Какъ его учитель Карлайль, онъ не сочувствуетъ самостоятельнымъ выступленіямъ пролетаріата, его попыткамъ профессіональнаго объединенія, его борьбѣ за политическія права.

„Агитаторъ“ Слэкбриджъ, призывающій рабочихъ къ борьбѣ съ капиталистами, является въ глазахъ Диккенса просто „озлобленнымъ“ и „нечестнымъ“ человѣкомъ, а его классовая тактика — не болѣе, какъ „заблужденіямъ“.

Въ лицѣ Стефенса Диккенсъ показываетъ, какимъ *долженъ* быть рабочій.

Стефенсъ видитъ въ капиталистахъ естественныхъ руководителей пролетаріата и самъ идетъ къ хозяину (Бендерби) совѣтоваться въ серьезныхъ случаяхъ жизни. Не вѣря въ возможность политическими мѣрами улучшить соціальное и моральное положеніе рабочаго класса, онъ наотрѣзъ отказывается вступить въ профессіональный союзъ. Терпѣливо переноситъ онъ и насмѣшки товарищей, бойкотирующихъ его за отказъ бороться рядомъ съ ними противъ капиталиста, и низость хозяина, объявляющаго его воромъ за его отказъ служить ему шпіономъ противъ своихъ товарищей.

Кротость и послушаніе—таковы главныя добродѣтели „идеальнаго“ рабочаго,—добродѣтели, цѣнныя главнымъ образомъ съ точки зрѣнія предпринимателей.

Передъ смертью Стефенсъ восклицаетъ,—а его устами здѣсь говоритъ, повидимому, самъ авторъ: „Все вокругъ меня темно и неясно. Хозяева не знаютъ рабочихъ. Рабочіе не понимаютъ другъ друга. Тысячи ни въ чемъ неповинныхъ тружениковъ погибаютъ отъ плохого воздуха и плохихъ жилищъ. Одно я знаю: мы должны быть снисходительны и терпѣливы. Я молюсь объ одномъ: пусть люди поближе сойдутся и получше узнаютъ другъ друга“.

Соціальный вопросъ и для Диккенса, какъ видно,—вопросъ прежде всего моральный.

Онъ обращается къ крупной буржуазіи съ проповѣдью не быть разсудочными эгоистами, какъ мистеръ Грэдгриндъ и мистеръ Бендерби, а къ рабочему классу—съ совѣтомъ быть терпѣливыми и послушными, какъ Стефенсъ, и тогда въ обществѣ воцарятся миръ и согласіе.

Своими „соціальными“ повѣстями Диккенсъ и думалъ

пробудить въ богатыхъ классахъ чувство состраданія къ бѣднякамъ.

Съ этой цѣлью онъ пишетъ, напр., свой извѣстный разсказъ „Рождественскіе колокола".

Разсыльный Тоби хочетъ единственную свою дочь Маргариту выдать замужъ за рабочаго Ричарда. Ученые буржуа, поклонники Мальтуса, доказываютъ молодымъ людямъ, что, если они вступятъ въ бракъ, у нихъ будетъ большое потомство, и имъ всѣмъ придется умереть съ голоду. Потрясенный этими рѣчами рабочій отказывается отъ любимой дѣвушки и съ горя спивается. Онъ теряетъ свое мѣсто и въ довершеніе всего заболѣваетъ чахоткой. Желая хоть чѣмъ-нибудь скрасить его безпріютную жизнь, Маргарита изъ жалости отдается ему, и становится матерью хилаго, больного ребенка. Ричардъ умираетъ отъ чахотки, а Маргарита съ ребенкомъ топится въ рѣкѣ...

На одной изъ улицъ столицы Тоби встрѣчаетъ крестьянина Вилльяма Ферна, пришедшаго въ городъ искать работы. Нужда заставляетъ его красть, и онъ попадаетъ въ тюрьму. Выпущенный на свободу, онъ участвуетъ въ аграрномъ бунтѣ, поджигаетъ господскіе амбары съ хлѣбомъ и, схваченный, ссылается на каторжныя работы. Его дочь, одинокая, безъ поддержки и безъ крова, становится проституткой и кончаетъ въ больницѣ.

Вотъ двѣ трагедіи изъ жизни трудящихся классовъ.

Все, что здѣсь изложено, не происходитъ, однако, въ дѣйствительности. Диккенсъ не хочетъ разстроить нервы своей мѣщанской публики. Все это *можетъ* случиться, если богачи будутъ упорствовать въ своемъ эгоизмѣ, все это не случится, если они пожалѣютъ бѣдняковъ.

Передъ взоромъ Диккенса все еще носилась картина старой Англіи, когда общество не раскололось еще на два враждебныхъ лагеря, когда совмѣстный трудъ ремесленника и подмастерья, подъ одной кровлей и не ради прибыли, значительно смягчалъ классовыя притиворѣчія, когда еще возможно было доброе отношеніе между работодателями и тружениками, когда раны нищеты еще можно было залѣчивать благотворительностью...

Съ этой мелкобуржуазной точки зрѣнія Диккенсъ и „рѣшалъ" соціальную проблему современнаго капиталистическаго общества.

Въ повѣсти „Рождественскіе вечера“ старый скряга, богатый холостякъ-купецъ Скруджъ, видитъ сонъ. Вся жизнь сызнова проходитъ передъ нимъ. Вотъ добрый хозяинъ, у котораго онъ началъ свою коммерческую карьеру, всегда такъ гуманно относившійся къ своимъ подчиненнымъ. Вотъ его невѣста,—которую онъ бросилъ, потому что она была бѣдна,—такая честная и преданная. Вотъ его приказчикъ— онъ ему сегодня отказалъ въ прибавкѣ — обремененный многочисленной семьей и все же счастливый въ этотъ рождественскій вечеръ. Вдругъ онъ видитъ, по улицамъ несутъ чей-то гробъ. Не видно ни одного провожатаго. Онъ слышитъ, кто-то спрашиваетъ: „кого хоронятъ?“—„Да этого скрягу Скруджа“, раздается пренебрежительный отвѣтъ.

Подъ звонъ рождественскихъ колоколовъ Скруджъ просыпается, просыпается обновленнымъ человѣкомъ. Щедрой рукой разсыпаетъ онъ теперь кругомъ радость и довольство — вѣдь нужно такъ мало, чтобы людей сдѣлать счастливыми.

Такъ можно было рѣшать „соціальный“ вопросъ въ эпоху господства мелкаго производства, когда богатство однихъ еще не покупалось цѣной неоплаченнаго труда другихъ, когда благо работниковъ въ самомъ дѣлѣ въ значительной степени зависѣло отъ добраго къ нимъ отношенія работодателей.

Не даромъ въ разсказѣ изображается типическая мелкобуржуазная среда (купечество, приказчики, служащіе). Когда духъ, сопровождающій мистера Скруджа въ его скитаньяхъ въ рождественскую ночь, проносится съ нимъ надъ хатой углекоповъ, они только „на мгновеніе“ заглядываютъ въ окно и сейчасъ же мчатся дальше.

Тамъ, гдѣ начинается противоположность между трудомъ и капиталомъ въ томъ видѣ, какъ она обнаруживается въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, вдохновеніе Диккенса испаряется.

Диккенсъ былъ типическій мелкобуржуазный утопистъ.

Закрывая глаза на непримиримую противоположность между интересами капитала и интересами труда, онъ мечталъ перенести черты, свойственныя эпохѣ мелкаго производства, эпохѣ домашне-ремесленнаго хозяйства, въ современную жизнь, до неузнаваемости видоизмѣненную машиной и капиталомъ, возстановить семейно-нравственныя отно-

шенья между предпринимателями и работниками, когда первые уже давно успѣли превратиться изъ тружениковъ въ эксплоататоровъ и вовсе не въ силу ихъ личнаго (плохого) характера, а въ силу новыхъ условій производства, а рабочіе уже не жили съ ними, какъ въ былые годы подмастерья и ученики, подъ одной кровлей, связанные съ ними лишь формальнымъ договоромъ, какъ двѣ другъ другу чуждыя и враждебныя силы.

ГЛАВА IV.

Критика капиталистическаго строя съ христіанской (церковной) точки зрѣнія. Кингсли.

Между тѣмъ какъ одна часть англійской интеллигенціи мечтала передать рѣшеніе соціальнаго вопроса въ руки просвѣщенныхъ капиталистовъ, другая часть думала поставить во главу соціальнаго движенія церковь Христа.

Расходясь съ Карлайлемъ въ вопросѣ о томъ, кому ввѣрить отвѣтственное дѣло общественнаго воспитанія, на кого возложить охрану общественнаго мира, эта интеллигенція раздѣляла его убѣжденіе, что соціальный вопросъ есть прежде всего вопросъ моральный и что его рѣшеніе должно итти сверху, а ни въ коемъ случаѣ не снизу.

Это теченіе среди англійской интеллигенціи извѣстно подъ названіемъ „христіанскаго соціализма“.

„Мы не можемъ и не должны,—говоритъ одинъ изъ теоретиковъ этого движенія, Людлоу,—предоставить судьбу націи въ руки тѣхъ, чья наука имѣетъ своимъ предметомъ богатство, а не людей, трудъ, а не самихъ работниковъ“ (т.-е. въ руки буржуазіи).

Но и церковь должна предварительно очиститься отъ своихъ грѣховъ, проникнуться духомъ Евангелія.

Вмѣсто того чтобы обслуживать интересы господствующихъ классовъ, церковь обязана посвятить себя всецѣло на служеніе народу.

Библія,—говоритъ обыкновенно духовенство,—написана спеціально съ цѣлью „обузданія бѣдняковъ“. Нѣтъ,—возражаетъ Кингсли,—съ начала до конца она преслѣдуетъ какъ разъ противоположную цѣль — „обуздать богачей“.

Библія,—говорятъ священники,—проповѣдуетъ намъ объ „обязанностяхъ труда“ и „правахъ собственности“. Нѣтъ,—возражаетъ Кингсли,—совсѣмъ напротивъ, она говоритъ намъ объ „обязанностяхъ собственниковъ“ и о „правахъ тружениковъ“.

Кингсли, священникъ эверслійскаго прихода, и былъ наиболѣе яркимъ выразителемъ христіанскаго соціализма.

Онъ нападалъ на современную ему буржуазную „науку“ не менѣе страстно, чѣмъ его учитель Карлайль.

Между тѣмъ какъ политическая экономія считаетъ эгоизмъ, этотъ „основный законъ природы“ вмѣстѣ съ тѣмъ и „основнымъ закономъ человѣческаго общества“, христіанство учитъ, что не „себялюбіе“, а „самопожертвованіе“ является тѣмъ камнемъ, на которомъ должно строиться общежитіе людей. Между тѣмъ какъ христіанство твердитъ: „люби ближняго, какъ самого себя“, политическая экономія учитъ, что все спасеніе въ свободной конкуренціи („ей поютъ гимны писаки по пятаку за строчку и философы такого же сорта“), принципъ которой гласитъ: „человѣкъ пожираетъ человѣка и въ свою очередь пожирается человѣкомъ“; и при этомъ общество приходитъ въ ужасъ, когда слышитъ о людоѣдахъ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ,—оно, которое возвело каннибализмъ на степень цѣлой научно обставленной доктрины.

Изъ этого принципа свободной конкуренціи буржуазія логически вывела свой знаменитый манчестерскій девизъ: laissez faire, возвращающій общество назадъ къ временамъ первобытныхъ язычниковъ, „подчинявшихся природѣ, вмѣсто того чтобы ее побѣждать“, „благоговѣйно склонявшихся передъ громомъ и молніей“.

Наконецъ, развѣ не верхомъ безсердечія является столь излюбленная въ богатыхъ классахъ теорія Мальтуса, требующая отъ бѣдняка отреченія отъ любви и семьи въ то самое время, когда „большая часть земного шара населена еще дикими животными и дикими звѣроловами“, когда „земля, даже при самой примитивной обработкѣ, способна прокормить населеніе, во много разъ превышающее современное“. (Подобно Карлайлю, Кингсли думалъ зло перенаселенія парализовать переселеніемъ.)

Горячій противникъ буржуазнаго общества, такъ далеко уклонившагося отъ завѣтовъ Христа, Кингсли былъ, по-

добно великому „демагогу“ Христу, другомъ рабочаго класса.

Одно время онъ близко стоялъ даже къ чартистскому движенію, агитировалъ, писалъ прокламаціи, любилъ называть себя „священникъ и чартистъ“. Потомъ все острѣе обнаруживалось принципіальное различіе во взглядахъ деревенскаго викарія и революціоннаго пролетаріата. Чартисты стремились путемъ политической реформы подготовить соціальное освобожденіе рабочаго класса,—Кингсли утверждалъ, что „законодательная реформа не есть реформа соціальная“. Чартисты требовали прежде всего переустройства общества, Кингсли, напротивъ,—перерожденія индивидуума: „общество измѣнится только тогда, когда измѣнится каждый изъ насъ“,—говорилъ онъ. Чартисты (фракція физической силы) не останавливались для осуществленія своей цѣли и передъ вооруженнымъ возстаніемъ,— Кингсли называлъ всякое насиліе „распущенностью“.

Послѣ неудачнаго исхода рабочей революціи эверслійскій священникъ окончательно простился съ своими „демократическими“ идеалами и превратился изъ чартиста въ „христіанскаго соціалиста“. Исторію своего собственнаго перерожденія онъ разсказалъ въ своемъ лучшемъ романѣ „Альтонъ Локъ“.

Дитя народа, поэтъ-самоучка, Альтонъ Локъ поступаетъ въ капиталистическое предпріятіе, изготовляющее платье, гдѣ работаютъ въ самой антигигіенической обстановкѣ; одну комнату рабочіе назвали „комнатой лихорадки“, другую—„комнатой ревматизма“. Новый хозяинъ закрываетъ предпріятіе и переходитъ къ домашнему способу производства: молодой человѣкъ на своихъ плечахъ долженъ испытать весь ужасъ „потогонной системы“. Онъ бросаетъ ремесло портного, бродитъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню,—всюду онъ попадаетъ въ „берлоги эксплоататоровъ“. Нигдѣ не видя выхода изъ лабиринта нужды, Альтонъ Локъ становится чартистомъ. На „мгновеніе“ онъ склоняется передъ „фетишемъ политики“: ему кажется, на землѣ исчезнетъ неустройство и несправедливость, если онъ „сдѣлается одной двадцатимилліонной частью великой національной говорильни“. Всеобщее избирательное право въ парламентъ представляется ему панацеей отъ всѣхъ золъ. Увлеченный революціоннымъ пото-

комъ, Альтонъ Локъ становится во главѣ бунтующихъ крестьянъ, участвуетъ въ погромѣ помѣщичьихъ усадебъ и попадаетъ въ тюрьму. Выпущенный на свободу, онъ видитъ послѣднія вспышки погибающаго чартизма. Теперь ему ясно: всѣ его идеалы были только иллюзіи, всѣ его убѣжденія — только заблужденія. Истина—лишь въ христіанствѣ. Наслѣдницей чартистскаго движенія должна стать евангелическая церковь, которая забудетъ свои безсодержательныя богословскія пренія для живого дѣла—для воспитанія общества въ духѣ милосердія и любви во имя господства соціальнаго мира.

Какъ Карлайль и Диккенсъ, такъ и Кингсли жилъ больше въ „прошломъ", чѣмъ въ „настоящемъ". Онъ плохо зналъ современную промышленную Англію съ ея крупными фабричными центрами и промышленнымъ пролетаріатомъ. Онъ чувствовалъ себя какъ дома только среди сельскихъ батраковъ, бытъ которыхъ онъ такъ превосходно описалъ въ своемъ первомъ романѣ („Yeast"), и среди городскихъ ремесленниковъ, жизнь которыхъ изобразилъ такъ мастерски въ романѣ „Альтонъ Локъ". Онъ и видѣлъ, подобно Карлайлю и Диккенсу, единственный выходъ изъ тяжелой неправды, созданной развитіемъ капиталистической системы производства, въ возстановленіи мелкобуржуазнаго хозяйственнаго строя. Послѣ неудачнаго исхода чартистской революціи Кингсли становится „душой" кооперативнаго движенія. Онъ неустанно толковалъ рабочимъ не тратить своихъ денегъ на стачки, а лучше устраивать на нихъ производительныя товарищества. Превратить фабричнаго и сельскаго пролетарія въ мелкаго собственника, лишеннаго орудій производства рабочаго въ самостоятельнаго хозяина — такова была положительная программа „чартиста и священника" Кингсли. И никакія неудачи не могли ослабить его энергіи и подточить его вѣры. Потерпѣвъ крушеніе со всѣми своими артельными планами, онъ продолжалъ твердить, что рабочіе просто „не доросли до ассоціаціи", что понадобится по крайней мѣрѣ еще на „два поколѣнія" подготовительной работы, чтобы пріучить ихъ къ „дисциплинѣ" и поднять ихъ на надлежащую „нравственную высоту".

Жизнь шла своимъ путемъ, а деревенскій викарій продолжалъ упрямо вѣрить, что „будущее" принадлежитъ „...арищеской артели".

При всемъ своемъ наружномъ демократизмѣ Кингсли былъ глубокій консерваторъ.

Горячо защищая верхнюю палату отъ нападковъ либеральной партіи, онъ указывалъ на то, что не отнимать у нея ея привилегіи нужно, а напоминать ей объ ея обязанностяхъ. Какъ Карлайль, онъ относился отрицательно къ парламентарной дѣятельности, сравнивая, по его примѣру, законодательные акты съ извѣстными въ то время „Морисоновыми пилюлями", способными, по мнѣнію ихъ изобрѣтателя, врачевать всякіе недуги, а на дѣлѣ совершенно безполезными. Какъ основатель христіанскаго соціализма Морисъ (Maurice), онъ любилъ говорить, что народъ всегда будетъ нуждаться въ руководительствѣ высшихъ классовъ, въ руководительствѣ „пэра и священника".

По мѣткому выраженію одного англійскаго историка, Кингсли всю жизнь въ своихъ книгахъ и поступкахъ оставался „деревенскимъ дворяниномъ (мелкимъ помѣщикомъ) со всѣми положительными и отрицательными качествами этого соціальнаго типа".

ГЛАВА V.

Критика капиталистическаго строя съ эстетической точки зрѣнія. Рёскинъ.

Между тѣмъ какъ часть англійской интеллигенціи подвергала господствующій буржуазный строй и порожденное имъ міросозерцаніе этической критикѣ, другая ея часть нападала на капиталистическую систему производства съ эстетической точки зрѣнія.

Принадлежа къ зажиточнымъ слоямъ населенія, ученики и поклонники Карлайля (они были, какъ и онъ, по своимъ убѣжденіямъ консерваторы) передавали рѣшеніе соціальнаго вопроса въ руки господствующихъ общественныхъ группъ (аристократіи и интеллигенціи).

Во главѣ этого теченія стоялъ Дж. Рёскинъ.

Какъ Карлайль, Диккенсъ и Кингсли, и Рёскинъ прекрасно понималъ нравственные недостатки буржуазнаго строя.

Для него было ясно, что крупныя богатства всегда явля-

ются результатомъ „присвоенія чужого труда“ и что современный соціальный строй вообще зиждется на эксплоатаціи народа: „между тѣмъ какъ трудолюбивые бѣдняки своимъ трудомъ производятъ всѣ средства существованія, право ими распоряжаться присваиваютъ себѣ богачи“.

Рёскинъ считалъ присвоеніе прибыли капиталистами не болѣе какъ „грабежомъ“ и „ростовщичествомъ“, и буржуазная теорія „вознагражденія за воздержаніе“, которую развивалъ тогда Фоусетъ, казалась ему совершенно дикой. „Если бы, — говоритъ Рёскинъ, — у меня не было банковыхъ билетовъ на сумму 15.000 ф., то я былъ бы, несомнѣнно, гораздо воздержнѣе, и однако же никто не вздумалъ бы меня за это вознаградить“.

Между тѣмъ какъ буржуазная политическая экономія задавалась исключительно вопросомъ, какъ произвести возможно больше товаровъ и богатства, истинная политическая экономія должна была бы, по его мнѣнію, ставить своей задачей производство возможно бо́льшаго количества „счастливыхъ существъ“ и „благородныхъ душъ“, производство „здоровой жизни“.

Эта этическая критика буржуазнаго общества переплетается у Рёскина съ критикой эстетической; послѣдняя, являясь его оригинальной чертой, служила для него во всякомъ случаѣ точкой отправленія.

Въ современномъ буржуазномъ обществѣ, при условіяхъ машиннаго производства товаровъ для мірового рынка невозможно, по мнѣнію Рёскина, процвѣтаніе искусства.

Вся внѣшняя обстановка, въ которой протекаетъ жизнь этого буржуазнаго общества, неизбѣжно атрофируетъ въ населеніи эстетическое чувство, художественныя потребности.

Средоточіемъ жизни становятся крупные торгово-промышленные города, „цитадели капитализма“, грязные, дымные и некрасивые. Точно „безобразныя жилы“, протянулись они по „красивому лицу Англіи“. Всюду — „мрачныя улицы, атмосфера, полная вредныхъ, вонючихъ испареній, воздухъ, черный отъ дыма гигантскихъ трубъ“. Населеніе занято „унизительной работой добыванія богатства за счетъ другихъ или жалкаго куска насущнаго хлѣба для себя“. „Въ этихъ городахъ, представляющихъ просто скопленіе товарныхъ складовъ, магазиновъ и конторъ, гдѣ люди не жи-

вутъ, а только работаютъ, гдѣ зданіе нужно только для того, чтобы въ немъ разставить машины, гдѣ улицы служатъ не мѣстомъ для прогулки счастливыхъ людей, а каналами для спуска измученной черни,— въ такихъ городахъ не только невозможна никакая архитектура, невозможно даже желаніе какой-нибудь архитектуры". Если, съ одной стороны, обстановка фабричнаго города мало способствуетъ развитію въ населеніи эстетическихъ потребностей, то машинный трудъ въ свою очередь точно такъ же убиваетъ въ немъ чувство красоты.

Съ тѣхъ поръ какъ въ ремесленныхъ мастерскихъ разставили машины, люди стали производить одинъ лишь безобразный и безвкусный товаръ во имя принципа „дешево, да гнило". Съ тѣхъ поръ какъ страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, исчезли красивые пейзажи, живописные ландшафты. Ничто ни въ окружающей природѣ, ни въ ежедневномъ обиходѣ не ласкаетъ больше взоровъ красотой отдѣлки, красотой очертаній и тоновъ.

Наконецъ, неравномѣрное распредѣленіе труда на обоихъ полюсахъ буржуазнаго общества ведетъ и наверху и внизу къ физическому и умственному вырожденію.

Загляните,—говоритъ Рёскинъ,—въ любую дачную мѣстность, гдѣ богатые классы проводятъ лѣто. Полное отсутствіе изящества и красоты! Дачи всѣ выстроены на одинъ ладъ, безъ всякаго стиля и вкуса, съ неизбѣжнымъ садикомъ. Мужчины заняты „дѣлами", т.-е. „мошенничествомъ", дамы поглощены визитами и туалетами. Никому дѣла нѣтъ до архитектуры, живописи, скульптуры. Даже своимъ садикомъ джентльмены и лэди не умѣютъ наслаждаться, не имѣя ни времени, ни охоты его обрабатывать.

Въ то же самое время въ низинахъ общества, среди неимущихъ классовъ, однообразный, подневольный, часто механическій и безостановочный трудъ убиваетъ въ рабочемъ „человѣка", принижаетъ его до уровня „машины", дѣлаетъ его неспособнымъ къ воспріятію художественныхъ впечатлѣній, лишаетъ его возможности заботиться о красотѣ жизни.

„Тамъ, гдѣ люди не живутъ довольной жизнью, на чистомъ воздухѣ, свободными отъ излишнихъ механическихъ занятій, тамъ, гдѣ ихъ на каждомъ шагу окружаютъ

безобразные предметы, невозможно никакое здоровое искусство".

Безобразному „настоящему" Рёскинъ противополагаетъ прекрасное „прошлое" — позднее средневѣковье и раннее возрожденіе—эпоху „прерафаэлитовъ".

Если люди не желаютъ окончательно лишиться искусства, они должны вернуться къ средневѣковой феодально-ремесленной организаціи общества.

Изъ грязныхъ и шумныхъ городовъ Рёскинъ зоветъ современниковъ на лоно природы, въ деревни, отъ промышленнаго къ сельскохозяйственному труду: пусть государство обезпечитъ за каждымъ желающимъ достаточный для его потребностей участокъ земли. Машины снова должны уступить мѣсто рукамъ. Если же невозможно обойтись безъ искусственныхъ орудій производства, то, вмѣсто „пара" и другихъ силъ теплоты", они могутъ быть приводимы въ движеніе „водой и вѣтромъ". Господствующей формой труда въ городахъ снова станетъ ручное ремесло. Какъ въ средніе вѣка, ремесленники будутъ организовываться въ „гильдіи" съ той только разницей, что желающіе могутъ оставаться и частными предпринимателями: взаимная конкуренція между капиталистами и цехами, являясь „стимуломъ для неожиданныхъ изобрѣтеній", „предохранительнымъ клапаномъ для врожденныхъ пороковъ", можетъ только послужить интересамъ прогресса и культуры.

На средневѣковыхъ началахъ должна быть построена и соціальная группировка. Не „равенство", неизбѣжно ведущее къ „анархіи", а только „дисциплина" и „подчиненіе" служатъ прочнымъ базисомъ для общественнаго зданія. Вѣдь наивысшимъ счастьемъ для человѣка является сознаніе, что онъ самъ зависитъ „отъ возможно большаго числа благородныхъ лицъ и въ свою очередь повелѣваетъ возможно большимъ числомъ отъ него зависящихъ людей". Народъ безусловно обязанъ подчиняться мудрой опекѣ правящей аристократіи (землевладѣльцевъ, капиталистовъ и интеллигенціи); ея задача —„поддерживать среди низшихъ слоевъ общества порядокъ, поднять ихъ на возможно высшую высоту нравственнаго развитія".

Общество, организованное на такихъ экономическихъ и соціальныхъ началахъ, представляетъ въ глазахъ Рёскина не только въ моральномъ отношеніи болѣе высокій типъ

человѣческаго общежитія, оно—единственное условіе, при которомъ еще можетъ возродиться искусство: исчезнуть торгово-промышленные города, ихъ мѣсто займутъ цвѣтущія деревни, живописные замки, опрятныя мѣстечки; однообразный механическій трудъ, исполняемый при помощи машинъ, уступитъ захватывающей самого труженика, неутомительной ручной работѣ; такъ какъ господствующіе классы — аристократія и капиталисты сами будутъ исполнять часть общественно необходимой работы, то наверху исчезнетъ праздность и роскошь, внизу—переутомленіе и вырожденіе..

Вырастая въ живописной и здоровой обстановкѣ, не терзаемые лѣнью и скукой, не изнуряемые чрезмѣрнымъ трудомъ, люди снова почувствуютъ влеченіе къ красотѣ — у нихъ будетъ и время и охота заботиться о красотѣ жизни; какъ въ эпоху „благословеннаго XIII столѣтія", и искусство снова расцвѣтетъ пышнымъ и благоухающимъ цвѣткомъ.

Какъ не трудно видѣть, общественный идеалъ, противопоставленный Рёскиномъ современному буржуазному строю не только изъ этическихъ, а главнымъ образомъ изъ эстетическихъ соображеній, представлялъ не болѣе какъ искуственную реставрацію того самого средневѣковаго феодально-ремесленнаго быта, въ которомъ Карлайль, Диккенсъ и Кингсли видѣли спасеніе Англіи.

ГЛАВА VI.

Распространеніе среди интеллигенціи соціалистическихъ идей. В. Моррисъ.

Въ 80-хъ годахъ Англія перестаетъ играть на міровомъ рынкѣ ту первенствующую роль, которую такъ долго играла. Рядомъ съ ней выросли грозные конкуренты, готовые отнять у нея ея гегемонію. Все чаще промышленность потрясается кризисами, постепенно переходящими въ хроническую депрессію. Доходы буржуазіи сокращаются, прибыль падаетъ до minimum'а. Капиталисты становятся все консервативнѣе, все реакціоннѣе. Путемъ всевозможныхъ репрессій они стараются разгромить профессіональные союзы рабочаго класса.

Пролетаріатъ въ свою очередь проникается все болѣе оппозиціоннымъ духомъ. Рядомъ съ старыми трэдъ-юніонами— аристократіей рабочаго класса, возникаютъ „новые союзы“, объединяющіе неквалифицированныхъ рабочихъ, стоящіе на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, желающіе быть не кассами взаимопомощи, а стачечными комитетами.

Переводъ сочиненій Маркса, лекціи Гайндмана знакомятъ широкіе круги населенія съ ученіемъ революціонной соціалъ-демократіи, статьи и книги Генри Джорджа популяризируютъ идею національзаціи земли.

Въ интеллигенцію начинаютъ проникать соціалистическія идеи.

Возникаетъ „фабіанское“ общество — общество мирныхъ культурниковъ-соціалистовъ, ставящихъ своей задачей путемъ устной и письменной пропаганды пропитать соціалистическими идеями лѣвое крыло буржуазіи: незамѣтно они сами проникаются либеральными настроеніями радикальнаго мѣщанства.

Другая часть этой интеллигенціи, опираясь на передовые элементы рабочаго класса, кладетъ основаніе соціалъ-демократической партіи — такъ называемой „соціалъ-демократической федераціи“.

Наиболѣе яркимъ представителемъ этой соціалистической интеллигенціи въ литературѣ является В. Моррисъ.

Въ своей „исповѣди“ („Какъ я сталъ соціалистомъ“) Моррисъ разсказалъ довольно подробно, какимъ образомъ онъ изъ либеральнаго „вига“ превратился въ борца за соціализмъ. Не столько мотивы этическіе сдѣлали его противникомъ буржуазнаго строя, а именно соображенія эстетическія: къ соціализму онъ пришелъ не отъ Карлайля, а, по собственному признанію, „черезъ Рёскина“.

„Передъ моимъ умственнымъ взоромъ, — разсказываетъ Моррисъ,—развертывались мрачныя картины: современная грязная буржуазная культура проникаетъ повсюду, уничтожая на своемъ пути все хорошее, все изящное, уцѣлѣвшее отъ прежнихъ временъ, и душитъ, наконецъ, въ своихъ объятіяхъ весь міръ“. Жизнь превращается въ „громадную контору“. „Мѣсто Гомера занимаетъ Гексли, огненныя поэмы Байрона и Шелли вытѣсняются аккуратно разграфленными конторскими книгами съ стройными колоннами цифръ“.

„Горячая любовь къ искусству“ — вотъ что заставило Морриса „отшатнуться, а потомъ и возненавидѣть современный общественный строй съ его чисто показной культурой“.

Нападая на современную капиталистическую систему производства, убивающую любовь къ красотѣ, Моррисъ вмѣстѣ съ тѣмъ горячо полемезируетъ съ тѣми соціалистами, которые низводятъ соціализмъ на степень простого вопроса о „насущномъ хлѣбѣ“ и потому не придаютъ эстетикѣ никакого значенія.

„Искусство,—возражаетъ онъ,—должно указать рабочему, что есть иная жизнь, чѣмъ та, которую онъ влачитъ изо дня въ день. Оно должно научить рабочихъ наслаждаться красотой, какъ наслаждаемся ею мы, избранная кучка, люди интеллигентные. Оно должно пробудить въ немъ стремленіе самому творить прекрасное въ той или другой формѣ. Мало того, искусство должно не только пробудить въ рабочихъ массахъ этотъ новый кругъ потребностей, но и довести ихъ до такой степени интенсивности, чтобы красота стала для нихъ такой же насущной потребностью, какъ и хлѣбъ. Искусство должно вдохнуть въ рабочаго страстное желаніе добиться скорѣе такихъ общественныхъ условій, при которыхъ возможна будетъ такая идеальная, всесторонняя жизнь“.

Въ своихъ извѣстныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Бирмингамской школѣ рисованія, Моррисъ старался выяснить, съ одной стороны, пагубное вліяніе капиталистической системы производства на искусства, а съ другой стороны— пути, ведущіе къ его возрожденію.

Подвергая буржуазное общество безпощадной критикѣ съ эстететической точки зрѣнія, Моррисъ, какъ и Рёскинъ, исходитъ изъ готоваго идеала: передъ нимъ, какъ и передъ Рёскинымъ, носится все таже „благословенная“ старина.

Въ средніе вѣка можно было въ самомъ дѣлѣ говорить о „народномъ искусствѣ“, искусствѣ, доставлявшемъ наслажденіе и тому, кто его создавалъ, и тому, кто имъ пользовался, „производителю“, равно какъ и „потребителю“,—объ искусствѣ, „творимомъ народомъ и для народа“.

Средневѣковой ремесленникъ, цѣликомъ создававшій весь предметъ, а не какую-нибудь ничтожную его часть, не для

далекаго мірового рынка, а для опредѣленнаго и ему извѣстнаго заказчика, своими руками, а не при помощи машины, имѣлъ и время, и возможность, и желаніе удѣлять особое вниманіе изящной отдѣлкѣ своихъ издѣлій, заботиться о ихъ привлекательной внѣшности. Всѣ предметы не только роскоши, но и первой необходимости, выходившіе изъ его рукъ, были болѣе или менѣе красивы, были „доступны и понятны всѣмъ", доставляли удовольствіе ему во время работы, и покупателю, когда онъ ими пользовался въ своемъ обиходѣ.

Средневѣковой ремесленникъ былъ „художникъ", „артистъ".

Именно эта всеобщая любовь къ красотѣ — результатъ господства ручного труда —и дѣлала средневѣковую жизнь „романтической", а не „разбойники-рыцари" и „недосягаемые короли".

Пышный расцвѣтъ „низшихъ искусствъ", т.-е. разныхъ видовъ ремесла, производившаго „красивые предметы обихода", позволилъ въ свою очередь художникамъ-интеллигентамъ поднять „высшія искусства"—живопись, поэзію и т. д. на чрезвычайно высокую ступень развитія.

Это „народное искусство" погибло, какъ только воцарился машинный трудъ, капиталистическая система производства.

Никто, конечно, не будетъ оспаривать великія заслуги „коммерческой эпохи" передъ лицомъ человѣческой культуры,—не мало „предразсудковъ" ею уничтожено, не одна „истина" ею провозглашена, многимъ, кто раньше былъ обреченъ на „физическое и духовное рабство", она принесла „свободу".

Для искусства эта эпоха была безусловно губительна.

Милліоны людей осуждены теперь на подневольный, однообразный, механическій трудъ, „въ лучшемъ случаѣ неспособный ихъ заинтересовать", „во всякомъ случаѣ неспособный ихъ развивать", на „трудъ рабскій, къ которому нужно принуждать и отъ котораго спѣшатъ отдѣлаться".

Въ этомъ забитомъ, измученномъ „человѣкѣ-машинѣ" всякое эстетическое чувство должно неминуемо угаснуть.

Полное отсутствіе въ низшихъ классахъ общества инстинкта красоты отражается въ верхнихъ слояхъ въ видѣ

глубокаго равнодушія къ эстетической сторонѣ жизни. Никто не заботится о сохраненіи памятниковъ старины—порой шедевровъ искусства! Никто не заботится о томъ, чтобы жилища, костюмы, мебель и утварь ласкали глаза своей художественной внѣшностью.

„Высшія искусства", оторванныя отъ плодородной почвы „низшихъ искусствъ", исчезнувшихъ вмѣстѣ съ воцареніемъ капиталистической системы производства, превратились въ свою очередь въ „таинственную мистерію", исполняемую замкнутыми интеллигентскими кружками исключительно для забавы и развлеченія праздныхъ богачей, въ глазахъ которыхъ искусство — не болѣе какъ „игра".

Какіе же пути ведутъ къ возрожденію эстетики?

„Какъ солнце", искусство взойдетъ только „снизу".

Прежде всего необходимо превратить фабричнаго, раба капитала и машины, въ вольнаго ремесленника.

Этотъ рабочій, который снова станетъ „художникомъ", будетъ создавать ручнымъ способомъ весь изготовляемый имъ предметъ, будетъ стараться каждую новую вещь дѣлать красивѣе и совершеннѣе предыдущей, будетъ такъ любить свое дѣло, что безъ него не сможетъ существовать, и не будетъ обращать вниманія на требованія публики, если они не продиктованы соображеніями эстетическими.

Для того чтобы фабричный рабочій переродился въ такого мастера-художника, который навсегда „остановитъ движеніе фабричныхъ колесъ", необходимо обставить его красивой внѣшней обстановкой, тщательно охраняя съ этой цѣлью памятники древности, живописные пейзажи и т. п., платить ему такую высокую заработную плату, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался, и предоставить ему столько свободнаго времени, чтобы онъ могъ „читать и размышлять", „свою жизнь связать съ жизнью вселенной".

При такой технической и соціальной организаціи труда снова возродилась бы, сначала въ широкихъ слояхъ народной массы, а потомъ и наверху, любовь къ красотѣ, потребность въ художественныхъ воспріятіяхъ и художественныхъ наслажденіяхъ.

Бросая во всѣ стороны свои ослѣпительные лучи, искусство, какъ солнце, взошло бы изъ темнаго низа.

Переставъ быть „капризомъ богачей" или „привычкой

интеллигенціи", „таинственной мистеріей", создаваемой немногими для немногихъ, искусство сдѣлалось бы снова „насущной потребностью" всего населенія; какъ воздухъ и хлѣбъ, оно „творилось бы народомъ и для народа".

Какъ его учитель Рёскинъ, Моррисъ также считаетъ необходимымъ условіемъ для возрожденія искусства коренное переустройство современнаго буржуазнаго общества съ его крупно-капиталистическимъ машиннымъ производствомъ на міровой рынокъ ради прибыли отдѣльныхъ предпринимателей.

Но если Рёскинъ видѣлъ спасеніе искусства въ реставраціи феодально-ремесленнаго быта, основаннаго на господствѣ однихъ (аристократіи) и подчиненіи другихъ (народа) или, какъ онъ выражался, на „почтеніи" и „дисциплинѣ", если онъ обращалъ свои взоры въ отжившее прошлое, то Моррисъ, повидимому, смотритъ впередъ, въ туманную даль будущаго и связываетъ возрожденіе искусства съ коммунистической организаціей общества, основанной на безусловномъ „равенствѣ" всѣхъ членовъ трудовой об щины.

ГЛАВА VII.

Искусство въ соціалистическомъ обществѣ.

Въ своемъ утопическомъ романѣ „Вѣсти ниоткуда" Моррисъ изобразилъ яркими красками идеальное общество будущаго.

Такъ какъ каждый членъ коммуны выбираетъ себѣ такой трудъ, къ которому чувствуетъ наибольшую склонность, такъ какъ онъ работаетъ уже не для „рынка", а для „сосѣдей", то трудъ сталъ „наслажденіемъ", оставляя при этомъ достаточно времени для упражненія духовныхъ способностей; каждый труженикъ является здѣсь интеллигентнымъ человѣкомъ. Окруженные красивой природой и красивой обстановкой, люди снова полюбили „поверхность земли", какъ „юноша любитъ тѣло возлюбленной". Освобожденные отъ власти конкуренціи и машины, отъ нищеты и невѣжества, они снова обрѣли потерянное искусство, которое родилось почти „само собой" изъ „инстинктивнаго желанія, свойственнаго каждому человѣку, не обречен-

ному переутомляться, исполнять свою работу какъ можно лучше".

Въ этомъ трудовомъ обществѣ, основанномъ на безусловномъ равенствѣ, на первомъ мѣстѣ стоятъ искусства архитектурное и декоративное.

Такъ какъ люди проводятъ свободное отъ работы время въ общественныхъ мѣстахъ, такъ какъ жизнь носитъ не частный, а публичный характеръ, то художники естественно обратили всю энергію вдохновенія, все мастерство творчества именно на архитектурное искусство.

Въ коммунистическомъ обществѣ, изображенномъ Моррисомъ, поражаетъ прежде всего красота и изящество построекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, городскихъ домовъ и крестьянскихъ хатъ. „Всѣ эти зданія были превосходны въ архитектурномъ отношеніи, въ нихъ чувствовался избытокъ жизни, ощущеніе простора и спокойствія".

Вмѣстѣ съ архитектурой выдвинулась и декоративная живопись.

Внутреннія стѣны домовъ — общественныхъ и частныхъ — покрыты превосходными фресками.

Пышно расцвѣло и художественное ремесло.

Всѣ предметы обихода и роскоши, посуда и мебель, и утварь — все блещетъ изяществомъ и оригинальной красотой.

Общій подъемъ эстетическаго вкуса въ связи съ отсутствіемъ скоропреходящей моды (которая тоже была слѣдствіемъ именно капиталистическаго производства на рынокъ) отразилась благодѣтельно и на костюмѣ: мужчины и женщины одѣваются въ платья яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ, затканныя золотомъ и серебромъ — красивыя, разнообразныя и изящныя.

Поэзія заняла въ этомъ трудовомъ обществѣ гораздо болѣе скромное мѣсто.

Большинство темъ, питавшихъ прежнихъ писателей, потеряло значительную долю значенія и интереса. Любовь, вокругъ которой вращались обыкновенно беллетристическія произведенія, не поглощаетъ уже столько времени, столько душевныхъ силъ: для культа эротики здѣсь нѣтъ мѣста.

Исчезъ контрастъ между городомъ и деревней, между общественными классами — одинъ изъ главныхъ источни-

ковъ, доставлявшій писателямъ эффектные сюжеты. Борьба за религіозныя убѣжденія, за соціальное равенство, за политическія права живутъ лишь, какъ воспоминанія о давно-прошедшихъ и мало понятныхъ временахъ.

„Литературой“ поэтому здѣсь, въ коммунистическомъ обществѣ, занимаются только „чудаки“, писать „старомодные романы“ считается „слабостью“.

Кромѣ театра — Моррисъ только вскользь о немъ упоминаетъ, — отъ всей поэзіи уцѣлѣла только лирическая (народная) пѣсня.

Въ дни великихъ національныхъ праздниковъ, знаменующихъ собой этапные пункты на пути человѣчества отъ рабства и нищеты къ свободной и счастливой жизни, толпа жадно внимаетъ старымъ „революціоннымъ пѣснямъ“, а въ дни весенняго расцвѣта и осенняго увяданія, въ началѣ и концѣ полевыхъ работъ, страна оглашается мирными гимнами въ честь матери-земли и бога-солнца, въ честь жизнедавца-труда.

Да и нужно ли будетъ людямъ словесное *изображеніе* жизни, когда сама *жизнь*, начиная съ ея внѣшняго облика — построекъ, костюмовъ, предметовъ обихода и роскоши — и кончая уравновѣшенной психикой счастливыхъ обитателей этихъ счастливыхъ общинъ, будетъ такъ хороша, такъ полна гармоніи, изящества и красоты!

Такъ разсуждаютъ люди будущаго.

Въ романѣ есть сцена, гдѣ описывается пріѣздъ двухъ горожанъ, влюбленной парочки, къ старику-крестьянину, большому любителю читать „старомодные“ романы.

Рѣчь заходитъ о литературѣ.

Старикъ находитъ, что раньше писали „интереснѣе“: въ прежнихъ романахъ есть „духъ авантюры“.

„Эти книги, — возражаетъ внучка, — были хороши въ тѣ времена, когда люди должны были искать спасенія отъ жалкаго убожества собственной жизни въ воображаемой жизни других людей“.

Старикъ настаиваетъ на своемъ.

„У васъ все книги да книги, дѣдушка, — перебиваетъ его молодая дѣвушка. — Когда вы, наконецъ, поймете, что насъ интересуетъ прежде всего міръ, насъ окружающій, міръ, часть котораго мы составляемъ, міръ, который нельзя достаточно любить!“

Дѣвушка раскрыла окно.

Въ саду среди чернѣющихъ тѣней лежалъ бѣлый лунный свѣтъ. Онъ падалъ на влюбленную парочку, тѣсно прижавшуюся, на здоровое лицо старика, на граціозную фигурку дѣвушки.

„Посмотри, — сказала она, указывая на зачарованный садъ,— вотъ теперь наши книги!.. и вотъ эти (она положила руку на плечи молодыхъ), да и ты самъ, дѣдушка, такъ страстно желающій вернуть прежнія времена, когда такіе старики, какъ ты, должны были умирать съ голоду. Да, вотъ наши книги! А если бы намъ захотѣлось создать что-нибудь прекрасное, кто же мѣшаетъ намъ принять участіе въ постройкѣ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ зданій, которыми мы украшаемъ нашу страну!"

Мысль автора понятна.

Когда и окружающая жизнь, освобожденная отъ нищеты и грязи, и люди, освобожденные отъ эксплоатаціи и рабства, станутъ прекрасными, тогда только архитектурное и декоративное искусство, а не словесное изображеніе дѣйствительности, еще смогутъ, удовлетворяя эстетическія потребности общества, увеличить на землѣ сумму красоты.

Хотя въ своей утопіи Моррисъ и переноситъ насъ какъ будто въ далекое будущее, въ дѣйствительности онъ только возрождаетъ въ идеализированномъ видѣ „благословенную" старину.

Англія, изображенная имъ,—не Англія XXI столѣтія, а Англія XIV и XV в.

Нѣтъ большихъ торгово-промышленныхъ городовъ — цитаделей капитализма. Не дымятся фабричныя трубы. Исчезли желѣзныя дороги и пароходы. Ручная работа вытѣснила машинный трудъ. Путешествія совершаются на лодкахъ или лошадяхъ. Царство желѣза исчезло какъ сонъ. Вмѣстѣ съ машинами миновала и крайняя спеціализація труда. На средневѣковой ладъ устроена и домашняя жизнь: женщина снова стала хозяйкой, для которой нѣтъ высшаго счастья, какъ „видѣть довольныя лица домашнихъ". На всей жизни лежитъ отпечатокъ поздняго средневѣковья и ранняго возрожденія. Мостъ черезъ Темзу похожъ на ponte Vecchio во Флоренціи. По обѣ стороны улицы тянутся красивыя аркады, какъ въ „старыхъ итальянскихъ горо-

дахъ". Дома выстроены во вкусѣ XIV в. Женскіе костюмы напоминаютъ „старо-англійскую моду", мужчины одѣваются какъ „средневѣковые бароны". Посуда сдѣлана въ „средневѣковомъ" и „древне-восточномъ стилѣ" и т. д.

Изъ туманной дали будущаго все явственнѣе выступаютъ очертанія „благословеннаго" прошлаго Англія эпохи „Кентерберійскихъ разсказовъ".

Въ романѣ Морриса встрѣчается сцена, гдѣ описывается вечеръ, проведенный авторомъ въ залѣ, роскошно разукрашенной фресками, наполненной благоуханіемъ цвѣтовъ и луннымъ сіяніемъ.

Прислушиваясь къ звукамъ музыки, издали долетавшимъ въ открытое окно, хозяева и гости разсказывали другъ другу фантастическія сказки.

„Намъ казалось,— говоритъ авторъ,— будто мы живемъ въ давнопрошедшія времена".

Именно такое впечатлѣніе производитъ и утопія Морриса.

Какъ „фантастическая сказка" она переноситъ читателя не въ далекое будущее, а въ возрожденное *прошлое*, въ „давнопрошедшія времена".

Германія.

ГЛАВА I.

Превращеніе Германіи въ капиталистическую страну. Гибель мелкаго производства. Романъ Крецера „Мастеръ Тимпе“.

Послѣ франко-прусской войны Германія на всѣхъ па-рахъ шла навстрѣчу капитализму.

Между тѣмъ какъ сельское населеніе все убывало, го-рода росли съ сказочной быстротой, конкурируя въ этомъ отношеніи съ американскими.

Главный приростъ населенія приходился на долю про-мышленнаго пролетаріата. Тогда какъ народонаселеніе во-обще увеличилось за послѣднюю четверть XIX в. на 30%, число рабочихъ возросло на цѣлыхъ 62%.

Вся страна сплошь покрылась фабриками и заводами.

Вмѣстѣ съ промышленностью развилась до гигантскихъ размѣровъ и торговля. По вычисленіямъ одной англійской газеты, торговые обороты Германіи увеличились въ 80-хъ годахъ:

въ Сѣв. Америкѣ на 428%
„ Южной на 480%
„ Индіи на 480%
„ Австраліи на 475%

До франко-прусской войны Германія занимала лишь чет-вертое мѣсто въ ряду торгово-промышленныхъ государствъ, слѣдъ за ея окончаніемъ она стала рядомъ съ Англіей.

„Эта страна до того измѣнилась,—писалъ одинъ англи-чанинъ,—что человѣкъ, давно въ ней не бывавшій, поло-жительно не узналъ бы ее“.

По мѣрѣ того какъ развивались въ странѣ капиталистическія отношенія, разлагалась та соціальная группа, которая въ докапиталистическомъ обществѣ занимала первенствующее мѣсто, играла главную роль — классъ мелкихъ производителей, ремесленниковъ. За послѣднія 25 лѣтъ число ремесленниковъ уменьшилось болѣе чѣмъ вдвое (въ 1879 г. на 1000 жит.—172 рем., въ 1895 г.—82). Кромѣ уменьшенія численнаго состава этой группы, замѣчается повсемѣстно упадокъ ея матеріальнаго благосостоянія. Въ первой половинѣ XIX в. ремесленники гордо (и вполнѣ основательно) называли себя „здоровымъ среднимъ сословіемъ“ (gesunder Mittelstand), теперь они даже въ захолустныхъ провинціальныхъ мѣстечкахъ влачатъ жалкое существованіе.

Наконецъ, статистика показываетъ, что ремесленники изъ года въ годъ поставляютъ все меньшій контингентъ интеллигенціи.

По мѣрѣ того какъ подъ вліяніемъ капиталистической эволюціи классъ мелкихъ производителей вытѣсняется изъ его прежней господствующей позиціи, въ немъ самомъ происходитъ неизбѣжный при новыхъ условіяхъ процессъ внутренняго разслоенія.

Все дальше въ глубь прошлаго уходятъ старыя патріархальныя отношенія между мастерами и подмастерьями, которые нѣкогда работали и жили подъ одной кровлей, какъ члены одной семьи: теперь ихъ связываетъ только формальный договоръ о наймѣ, связь чисто механическая. Въ итогѣ — открытый антагонизмъ между мастерами и подмастерьями, находящимися, по выраженію Шмоллера, auf dem Kriegsfuss (на военной ногѣ).

Диференцируется подъ вліяніемъ капиталистической эволюціи и среда мастеровъ.

Между тѣмъ какъ болѣе богатые и предпріимчивые расширяютъ свое дѣло на капиталистическихъ началахъ, хуже обставленные и менѣе даровитые вынуждены сокращать свое производство и распускать своихъ помощниковъ: большинство теперь работаетъ „въ одиночку“ (Alleinbetrieb).

Правда, этотъ процессъ диференціація начался еще въ серединѣ столѣтія (и даже раньше), но прежде разорявшіеся мастера, все еще надѣясь тѣмъ или инымъ путемъ поправить свои дѣла, сознавали свою солидарность съ бо-

лѣе богатыми, теперь же они, наравнѣ съ подмастерьями, открыто тянутъ къ пролетаріату.

Такъ распался въ эпоху торжествующаго капитализма классъ ремесленниковъ на три слоя. Между тѣмъ какъ верхній вступаетъ въ ряды буржуазіи, нижній сливается съ пролетаріатомъ, а посрединѣ между ними, точно живой обломокъ погибающей старины, стоитъ небольшая группа мелкихъ производителей, еще достаточно сильная, чтобы не опуститься на дно, и вмѣстѣ съ тѣмъ не на столько сильная, чтобы пробиться наверхъ; „по мѣрѣ того,—говоритъ Зомбартъ,—какъ будетъ суживаться сфера мелкаго производства, эта группа будетъ все уменьшаться“.

Эта побѣда крупнаго производства, крупнаго капитала надъ мелкимъ превосходно изображена въ романѣ М. Крецера „Мастеръ Тимпе“.

Самъ дитя ремесленной среды, Крецеръ всѣми своими симпатіями стоитъ на почвѣ отживающей старины. Относясь одинаково несочувственно къ крупной буржуазіи и къ промышленному пролетаріату, онъ изображаетъ мастера, токаря Тимпе, какъ личность идеальную, какъ „лучшаго изъ людей“, по отзыву его подмастерья, „никогда никого не обижавшаго“, „всю жизнь работавшаго не покладая рукъ“. Всѣ подмастерья и ученики положительно боготворятъ своего хозяина, готовы служить у него даромъ, ни за что не желаютъ итти къ его конкуренту — фабриканту.

Мастеръ Тимпе—типическій ремесленникъ.

Домашній характеръ мелкаго производства прочно укрѣпилъ въ этой соціальной группѣ семейныя чувства, а приверженность къ традиціи сдѣлала ее чрезвычайно консервативной.

Мастеръ Тимпе—превосходный семьянинъ, нѣжно ухаживающій за престарѣлымъ отцомъ, глубоко любящій жену и сына,—упрямый консерваторъ, монархистъ, готовый умереть съ крикомъ: „Да здравствуетъ король!“ принципіальный противникъ безбожной и республиканской соціалъ-демократіи, ярый врагъ новыхъ техническихъ изобрѣтеній, призывающій къ разгрому всѣхъ машинъ.

Мастеръ Тимпе погибаетъ жертвой новыхъ условій производства.

На одной изъ окраинъ столицы, среди тѣнистыхъ садиковъ, расположились уютныя мастерскія ремесленниковъ.

Уже ремесло не имѣетъ болѣе „золотого дна“. Мастера почти всѣ работаютъ въ „одиночку“, едва выдерживая борьбу за существованіе. Одни изъ нихъ видятъ свое спасеніе лишь въ упраздненіи указа 1868 г. о „свободѣ промышленности“, другіе мечтаютъ о новомъ потокѣ, который смылъ бы съ лица земли ненавистныя фабрики и машины, третьи обращаютъ свои взоры къ временамъ натуральнаго хозяйства, когда люди еще были „честны и счастливы“.

Одинъ только токарь Тимпе не хочетъ сдаваться.

Гордо бросаетъ онъ вызовъ въ лицо новому времени, которое властно и шумно врывается въ его захолустье. Точно изъ земли вырастаютъ рядомъ съ его мастерской фабричныя трубы, строются казармы для рабочихъ, слышится грохотъ и гулъ машинъ, сносятся деревянные домики и вѣковыя липы, чтобы дать просторъ полотну городской желѣзной дороги. На одномъ изъ деревьевъ въ своемъ саду мастеръ устраиваетъ себѣ нѣчто въ родѣ обсерваторіи и смотритъ съ ея высоты съ недоумѣніемъ и любопытствомъ на новую жизнь, зарождающуюся кругомъ.

И она его побѣждаетъ.

Не въ силахъ конкурировать съ фабрикой, мастеръ распускаетъ своихъ помощниковъ, понижаетъ цѣну на свои издѣлія и — что для него особенно тяжело — вынужденъ поставлять для капиталистическаго магазина дешевый, безобразный товаръ. Властно врывается духъ новаго времени и въ собственной его домъ: любимый сынъ крадетъ его модели и становится компаньономъ его конкурента.

Опускаясь все ниже, мастеръ становится мизантропомъ и пьяницей. Одинокій и нищій, онъ отвергаетъ всякій компромиссъ съ ненавистной новою жизнью и, не желая пасть на дно, безсильный пробиться къ свѣту, онъ сжигаетъ свою мастерскую и себя.

И какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда его бездыханное тѣло готовятъ къ вѣчному покою, наверху, точно въ воздухѣ, проносится при громкихъ привѣтственныхъ кликахъ толпы, весь увѣнчанный цвѣтами, первый поѣздъ городской желѣзной дороги.

То капиталъ совершаетъ свое побѣдоносное шествіе.

ГЛАВА II.

Мелкобуржуазная интеллигенція. Тяга къ соціализму.

По мѣрѣ того какъ подъ вліяніемъ капиталистической эволюціи разрушался классъ мелкихъ производителей, сыновья этихъ недавно еще самостоятельныхъ хозяевъ (а также сыновья мелкихъ служащихъ) массами устремлялись въ крупные торгово-промышленные центры, преимущественно въ столицу, въ надеждѣ пристроиться къ той или другой либеральной профессіи...

Предложеніе очень скоро превысило спросъ.

Конкуренція между интеллигентными тружениками приняла въ скоромъ времени такіе ужасающіе размѣры, перепроизводство умственнаго труда было такъ велико, что въ 80-хъ годахъ правительство нашло нужнымъ офиціально предостеречь молодежь отъ изученія нѣкоторыхъ профессіональныхъ наукъ.

Такъ образовались постепенно обширные кадры интеллигентнаго пролетаріата.

Настроенія этихъ бѣдныхъ провинціаловъ, пришедшихъ въ столицу въ поискахъ за кускомъ насущнаго хлѣба, увѣковѣчены однимъ изъ яркихъ представителей этого поколѣнія интеллигенціи, Арно Хольцомъ, въ сборникѣ стихотвореній, озаглавленномъ „Пѣсни современности“ (Buch der Zeit).

Огромный торгово-промышленный городъ съ его отчаянной борьбой за существованіе, его рѣзкимъ контрастомъ между богатствомъ и бѣдностью произвелъ на этихъ провинціаловъ ошеломляющее и угнетающее впечатлѣніе.

Невольно въ воображеніи вставалъ далекій отчій домъ среди полей и лѣсовъ, обвѣянный миромъ: отецъ отдыхаетъ послѣ трудового дня, мать прилежно шьетъ—тихая идиллія мелко-мѣщанскаго быта!

А здѣсь, въ столицѣ, ихъ взоры поражали на каждомъ шагу мрачныя картины.

Вотъ стоитъ на окраинѣ огромная пятиэтажная казарма, населенная всевозможной голью. Внизу, въ кабакѣ, раздаются пьяныя пѣсни, сливаясь съ визгомъ уличной шарманки, съ шумомъ фабричныхъ колесъ на сосѣднемъ дворѣ.

А наверху, въ холодной и жалкой мансардѣ, пріютился молодой поэтъ:

Лохмотьями на немъ висѣла его блуза,
Порою черствый хлѣбъ сосѣдъ ему носилъ,
А онъ, нужды не замѣчая, все „о муза!“
Взглядъ устремляя вдаль, восторженно твердилъ.
Всю ночь, мерцаніемъ огарка озаренный,
Когда усталый городъ тихо, мирно спалъ,
Дрожащею рукой, работой изнуренный,
Мечтатель молодой стихи свои писалъ.

Или вотъ умираетъ въ жалкой лачугѣ молодая швея. Въ разбитыя окна врывается холодный вѣтеръ. Въ отчаяньи ломая руки, стоитъ у ея постели старушка-мать:

Полно плакать, старушка, о дочкѣ своей,
Твоя дочка счастливѣй тебя:
Надъ работой корпѣть не придется ужъ ей,
Свои дни золотые губя.
. . . .
Вѣдь ты знаешь, что бѣдность въ позорѣ живетъ,
А позору конецъ тамъ, въ больницѣ.
О, какъ много нужда слезъ и крови прольетъ
Въ этой клѣткѣ звѣриной — столицѣ!

Какъ эти мрачныя картины, такъ и собственное необезпеченное положеніе пробудили въ груди этой молодежи демократическія настроенія, состраданіе къ обездоленнымъ и эксплоатируемымъ. Основнымъ тономъ въ міросозерцаніи этой интеллигенціи сдѣлалось особое чувство, которое въ 80-хъ годахъ получило названіе „соціальнаго состраданія“ — sociales Mitleid.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого настроенія былъ Гауптманъ.

Уже въ первой его поэмѣ „Потомки Прометея“ въ каждомъ стихѣ трепещетъ и бьется горячая любовь къ угнетеннымъ.

Скитаясь по земному шару, поэтъ озирается кругомъ и видитъ повсюду грозный призракъ нужды, губящей народъ развратомъ, болѣзнями и пьянствомъ:

Въ толпѣ людей, сверкая зоркимъ взглядомъ,
Какъ жадный хищникъ крадется нужда;
Ея клыки, пропитанные ядомъ,
Не знаютъ ни пощады, ни стыда.
Предъ ней бѣгутъ отецъ и мать, и дѣти
Туда, гдѣ ждетъ ихъ миръ и тишина,

И падаетъ въ разставленныя сѣти
Въ борьбѣ съ грѣхомъ безсильная жена.
И что ни шагъ—иль свѣжій даръ могилѣ,
Иль трупъ живой въ червяхъ, грязи и гнили.

Въ этомъ царствѣ нужды и горя нѣтъ мѣста вольной пѣснѣ, нѣтъ мѣста для искусства.

На вопросъ поэта, почему здѣсь никто никогда не поетъ, онъ слышитъ отвѣтъ:

Пройдись со мной по мрачнымъ закоулкамъ
Пустынныхъ улицъ темной поздней ночью..
Ты слышишь, стонъ доносится изъ хижинъ?
Такь знай: вотъ этотъ стонъ теперь сталъ пѣснью.

И поэтъ даетъ себѣ слово свой стихъ посвятить не празднымъ богачамъ, а угнетенному народу.

Это чувство „соціальнаго состраданія“ Гауптманъ перенесъ потомъ въ грудь своего перваго героя—агитатора Лота въ драмѣ „Передъ восходомъ солнца“...

Отецъ Лота былъ рафиновальщикъ. На заводѣ работалъ между прочимъ чахоточный рабочій, у котораго было восемь человѣкъ дѣтей. Онъ не могъ поэтому воспользоваться совѣтомъ докторовъ и отдохнуть. „Въ одинъ страшно жаркій августовскій день,—разсказываетъ Лотъ,—этотъ рабочій съ трудомъ тащилъ тачку извести черезъ дворъ. Вдругъ онъ остановился, закачался и упалъ во весь ростъ на камни. Онъ только хрипѣлъ, ротъ его былъ полонъ крови. Его подняли на руки. Дорогой онъ скончался. Недѣлю спустя вытащили тѣло его жены изъ рѣки, куда съ завода стекалъ негодный щелокъ“.—„Вотъ, когда знаешь все это,—такъ заканчиваетъ Лотъ свою исповѣдь,—такъ ужъ нельзя спокойно жить“.

И Лотъ сдѣлался соціалистомъ.

Это „соціальное состраданіе“ охватило въ 80-хъ годахъ широкіе слои интеллигенціи. Она положительно рвалась служить народу. Офицеры, священники, ученые, философы, поэты,—всѣ наперерывъ стремились положить свои силы на алтарь народнаго просвѣщенія и народнаго освобожденія.

Полковникъ М. фонъ Эгиди издаетъ нѣсколько сенсаціонныхъ брошюръ, намѣчая въ нихъ основы для новой „соціальной“ религіи,—онъ вынужденъ подать въ отставку. Другой офицеръ, Рейнхольдъ фонъ Штернъ, покидаетъ армію, надѣваетъ синюю блузу, идетъ работать на фаб-

рику, читая рабочимъ лекціи, воспѣвая въ своихъ стихотвореніяхъ („Голоса бури“, „Пѣсни пролетарія“) надежды и страданія борющагося пролетаріата.

Пасторъ Науманъ печатаетъ свою „Соціальную программу евангелической церкви“, доказывая въ ней, что ученіе Христа есть религія демократическая, что церковь обязана служить народу.

Другой священникъ, Гёре, скидываетъ рясу и, познакомившись на опытѣ съ жизнью пролетарія, вступаетъ затѣмъ въ ряды соціалъ-демократической партіи (см. „Три мѣсяца на фабрикѣ“, „Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ“).

Философъ Бруно Вилле созываетъ рабочихъ столицы на митингъ и излагаетъ имъ планъ основанія „народнаго театра“, единодушно принятый. Такъ возникла „свободная народная сцена“ (freie Volksbühne), на подмосткахъ которой шли только пьесы, содержавшія критику буржуазнаго общества („Передъ восходомъ солнца“ Гауптмана, „Столпы общества“ Ибсена).

Такъ покидали офицеры свой полкъ, священники — каѳедру, ученые — библіотеку и лабораторію, чтобы „итти въ народъ“, ему посвятить свои силы и знанія.

Въ литературѣ 80-хъ годовъ часто мелькаетъ этотъ типъ интеллигента-демократа, порывающаго съ аристократической или буржуазной средой, поселяющагося въ бѣдной мансардѣ, чтобы жить своимъ трудомъ, бороться за освобожденіе порабощеннаго класса, подчасъ погибающаго отъ внутренняго разлада между унаслѣдованными отъ предковъ инстинктами и навѣянными окружающей дѣйствительностью идеалами (см. романы Ланда „Новое божество“, Голлендера „Іисусъ и Іуда“, Шпильгагена „Жертва“).

Вся эта группа интеллигенціи, значительная часть которой вошла въ составъ соціалъ-демократической партіи, была проникнута тѣмъ настроеніемъ, которое въ романѣ Шпильгагена „Жертва“ графъ Вильфридъ, выступая ораторомъ на рабочемъ митингѣ, облекъ въ слѣдующія слова: „Въ прежнія времена въ сердцахъ людей жила религіозная вѣра, вѣра въ потустороннїй міръ. Теперь грохотъ машинъ и шумъ паровозовъ заглушилъ эту вѣру. Но громче этого гула и свиста раздается подъ сводами фабрикъ, въ мрачныхъ закоулкахъ, гдѣ ютится нищета, наконецъ, въ сердцахъ каждаго мыслящаго человѣка великій лозунгъ нашихъ дней: справедливость!“

ГЛАВА III.

Психологія деклассированнаго интеллигента.

Если одна часть нѣмецкой интеллигенціи 80-хъ годовъ старалась опереться на рабочій классъ, чувствовала тяготѣніе къ соціализму, то другая ея часть выдѣлила изъ себя особый типъ декадента.

Молодежь, которая массами стекалась изъ провинціи въ столицу въ надеждѣ „пробиться", очень скоро поняла, что это вовсе не такъ легко. Путь, который ей представлялся усѣяннымъ розами, быстро покрылся трупами. Тяжелая борьба за существованіе, матеріальная необезпеченность, необходимость воспринять массу впечатлѣній и идей рано надломила организмъ и психику этой интеллигенціи. Вдумываясь затѣмъ глубже въ свое положеніе среди другихъ классовъ общества, эти молодые люди скоро поняли, что у нихъ нѣтъ съ ними ничего общаго, что они „одиноки". Мелкіе буржуа по происхожденію, они были по положенію пролетаріями, а по духу — аристократами, не принадлежа вмѣстѣ съ тѣмъ по существу ни къ одному изъ этихъ классовъ. Всѣ ихъ попытки сорганизоваться въ самостоятельную соціальную группу, вооруженную для борьбы за свое существованіе своимъ особымъ міросозерцаніемъ, кончались фатально полнымъ крушеніемъ, и они въ отчаяніи спивались, стрѣлялись или сходили съ ума.

Такъ изображена трагедія деклассированной интеллигенціи въ романѣ одного изъ типическихъ ея представителей-Конради, озаглавленномъ „Фразы".

Изъ этой интеллигентской среды вышелъ и тотъ психологическій типъ, который лучше всего можетъ быть охарактеризованъ словомъ „декадентъ".

Исторія этого деклассированнаго интеллигента— дѣтища капиталистической эпохи — разсказана въ трехъ романахъ Шляфа.

Принадлежа и по происхожденію, и по положенію къ соціальной группѣ, занимающей промежуточное мѣсто между буржуазіей и пролетаріатомъ, деклассированный интеллигентъ постоянно въ нерѣшительности колеблется между этими двумя противоположными классами.

Бѣдный провинціалъ, докторъ философіи Лизегангъ (въ

романѣ „Третье царство"), пріѣзжаетъ въ столицу, поселяется въ одномъ изъ рабочихъ предмѣстій, видитъ нищету и рабство рабочаго класса, проникается къ нему чувствомъ состраданія, и становится соціалистомъ. Получивъ неожиданно небольшое наслѣдство, онъ устраивается какъ независимый рантье, набрасывается на пантеистическое ученіе, въ силу котораго все на свѣтѣ, добро и зло,— равноцѣнныя проявленія единой метафизической сущности, освобождается такимъ образомъ отъ гипноза „соціальнаго состраданія", и съ легкой совѣстью вступаетъ въ новую мѣщанскую среду, куда приноситъ съ собой всѣ тѣ психологическія особенности, которыя въ немъ выработались въ періодъ его пролетарскаго существованія, — крайнюю нервозность и неустойчивость, индивидуалистическія замашки, склонность къ безпорядочной жизни богемы, несомнѣнную патологичность. . . . .

Докторъ философіи Лизегангъ превращается незамѣтно въ врача Фальке (въ романѣ „Враги мѣщанства", Die Suchenden). . . . .

Докторъ Фальке — человѣкъ обезпеченный, у него прекрасная практика, свой домъ, свои рысаки. И все же онъ недоволенъ судьбой. Съ каждымъ годомъ все растетъ въ немъ отвращеніе къ мѣщанской средѣ, этимъ „филистерамъ", интересующимся только „денежными спекуляціями", этимъ „купцамъ и чиновникамъ", девизъ которыхъ гласитъ: „практичность". . . . .

Чужой въ бюргерскомъ мірѣ, докторъ чувствуетъ себя чужимъ и въ собственномъ домѣ: „скучной" кажется ему постоянная „уравновѣщенность" его доброй и умной жены. Все въ домѣ — роскошная мебель, дорогіе ковры, изящныя бездѣлушки—говорило ему громко: „ты здѣсь лишній".

Однажды доктора позвали къ больной дѣвушкѣ, „наивной" какъ ребенокъ, не тронутой „цивилизаціей", своеобразной и дикой какъ ея родина — венгерская степь.

Докторъ какъ будто только и ждалъ этой встрѣчи.

Теперь онъ открыто порываетъ съ семьей, отказывается отъ своей профессіи, сбрасываетъ съ себя „путы сытаго прозябанія" и идетъ бродить съ дикаркой по бѣлому свѣту, безъ плана и цѣли. Изъ обезпеченнаго мѣщанина онъ превращается въ „беззаботнаго босяка", въ вольнаго „сына [illegible]мы".

Докторъ Фальке—несомнѣнный декадентъ.

Душевный міръ его сотканъ изъ особыхъ „нервическихъ вибрацій“ и „безсознательныхъ эмоцій“, изъ слуховыхъ и зрительныхъ галлюцинацій. Онъ, далѣе, — несомнѣнный эротоманъ, увлекающійся романами въ родѣ „Афродиты“ Луиса, приходящій въ восторгъ отъ ученія Пшибышевскаго о половомъ чувствѣ, какъ метафизической сущности міра, устраивающій въ своемъ семейномъ домѣ ménage à trois. Отвергая и политику, и науку, и мораль, онъ является ярымъ эстетомъ. Пустоту и прозу мѣщанской жизни онъ пытается скрасить экзотическими цвѣтами и импрессіонистическими картинами, китайскими вазами и персидскими коврами.

Отличительными чертами деклассированнаго интеллигента, поставленнаго въ лихорадочную обстановку капиталистическаго общества, является, во-первыхъ, его отчужденность отъ всѣхъ классовъ общества, а во-вторыхъ,—его несомнѣнная патологичность.

Инстинктъ самосохраненія подсказываетъ ему необходимость и пути исцѣленія.

Чужой и лишній въ томъ обществѣ, гдѣ онъ выросъ, онъ начинаетъ обращать свои взоры за границы родной страны въ надеждѣ, что, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ другой странѣ, напр., въ Америкѣ, онъ сумѣетъ найти твердую почву. Впечатлительный и неустойчивый, онъ все болѣе проникается сознаніемъ, что истинная причина его страданій кроется въ его чрезмѣрной интеллигентности. Все глубже въ немъ укореняется желаніе перестать быть интеллигентомъ, вернуться на лоно природы, къ физическому труду.

Декадентъ докторъ Фальке превращается такимъ образомъ въ третьяго героя Шляфа—Петра Бойе („Свадебная поѣздка Петра Бойе“), который навсегда прощается съ городской сутолокой, съ профессіей умственнаго труженика, исцѣляется въ объятіяхъ здоровой крестьянки отъ всѣхъ своихъ интеллигентскихъ недуговъ — нервозности, теоретичности, хандры — и уѣзжаетъ въ Америку начать новую жизнь, жизнь простого чернорабочаго.

ГЛАВА IV.

Возвращеніе интеллигенціи въ лоно буржуазіи.

Въ 90-хъ годахъ отщепенская интеллигенція, ушедшая на время въ народъ, подъ знамя соціализма, стала возвращаться назадъ въ лоно буржуазіи.

Одинъ за другимъ интеллигенты-демократы отрекались отъ боевыхъ идеаловъ организованнаго пролетаріата, проповѣдуя примиреніе съ мѣщанскимъ міромъ.

При этомъ мостикомъ для перехода отъ соціализма къ буржуазному обществу имъ служило или христіанское ученіе, или особая эстетическая религія природы, или, наконецъ, буддизмъ.

Рейнхольдъ фонъ Штернъ, авторъ „Пѣсенъ пролетарія“, промѣнявшій офицерскій мундиръ на рабочую блузу, снова покидаетъ душный міръ нищеты и борьбы и спѣшитъ назадъ къ аристократическимъ салонамъ, въ міръ барства и красоты.

Въ его душѣ кипитъ разладъ между инстинктами и привычками, унаслѣдованными отъ предковъ, и идеалами, навѣянными окружающей соціальной средой. Въ немъ борются два чувства — сознаніе несправедливости современнаго общественнаго уклада и желаніе жить за счетъ прибавочной стоимости.

Одно изъ его стихотвореній, написанное въ эту пору душевнаго разлада, даетъ наглядное о немъ представленіе.

Наступило 1-е мая, праздникъ рабочаго народа. По улицамъ, съ развѣвающимися знаменами и барабаннымъ боемъ, проходятъ люди труда.

Невольно вспоминается поэту то время, когда онъ самъ, дитя барскихъ салоновъ, пошелъ служить интересамъ пролетаріата:

> Въ расцвѣтъ весны къ тебѣ, народъ безвольный,
> Я смѣло шелъ на кличъ твой боевой.
> Иной среды воспитанникъ невольный,
> Душою всей я былъ союзникъ твой.

И поэтъ проситъ недавнихъ „товарищей“ выслушать его исповѣдь:

> И красоту, и свѣтлое искусство,
> И страждущихъ рабочихъ я люблю.

Доступны мнѣ возвышенныя чувства,
И скорбію земною я скорблю,
И я живу съ самимъ собой въ расколѣ,
Двумъ божествамъ несу я въ даръ любовь.
Я васъ люблю, но не дано мнѣ воли
Забыть свой родъ, свою родную кровь,
И предо мной причудливой толпою
Встаютъ года, забытые давно;
И страшно мнѣ, что круглымъ сиротою
Прожить всю жизнь судьбой мнѣ суждено.
Что жъ? Пусть съ тобой разстаться мы успѣли,
Рабочій людъ, ты дорогъ мнѣ всегда;
И инвалидъ, прикованный къ постели,
Привѣтствуетъ великій день труда!

Изъ этого раздвоеннаго состоянія поэтъ нашелъ потомъ выходъ въ религіи. Въ ней онъ обрѣлъ какъ бы нейтральную почву, стоя на которой, онъ имѣлъ нравственное право съ одинаковой симпатіей заглядывать въ чертоги богачей и въ хаты бѣдняковъ, ибо передъ лицомъ Христа всѣ равны, всѣ призваны страдать и жаждутъ искупленія.

И пѣвецъ пролетаріата сталъ пѣвцомъ Христа:

Нашъ бѣдный міръ—гора Голгоѳа казни,
Тамъ на крестѣ распятъ весь родъ людской.
Такъ! Брошу я свой якорь безъ боязни,
И во Христѣ я обрѣту покой.

Если Штернъ пришелъ къ примиренію съ буржуазнымъ обществомъ черезъ христіанство, то Бруно Вилле пришелъ къ тому же черезъ особую эстетическую религію природы.

Выйдя на Эрфуртскомъ конгрессѣ изъ состава соціалъ-демократической партіи, превратившись, какъ гласитъ заглавіе одного изъ его сборниковъ стихотвореній, изъ „товарища“ въ „отшельника“, бывшій основатель „свободной народной сцены“ выпускаетъ въ свѣтъ философскій романъ „Откровенія можжевельника“, въ которомъ проповѣдуетъ уже не борьбу съ существующимъ обществомъ, а примиреніе съ прекрасной дѣйствительностью.

Весь міръ, — такъ разсуждаетъ бывшій „товарищъ“,— существуетъ со всѣми своими формами, красками и звуками только какъ представленіе въ нашей душѣ. Стало быть единственное, что̀ мы знаемъ не какъ представленіе, а какъ вещь въ себѣ, есть наша душа. Поскольку міръ не есть наше субъективное представленіе, а объективная реальность, онъ долженъ быть „системой душъ“. Alles

ist Seele, все есть душа. Вода, напр., состоитъ изъ одного атома кислорода и двухъ атомовъ водорода. Если они соединяются, то необходимо предположить, что они обладаютъ чувствомъ и волей, т.-е. душой. Каждая изъ этихъ миріадовъ душъ проявляетъ себя въ дѣйствіяхъ, которыя безслѣдно не исчезаютъ изъ міроваго пространства. Душа, слѣдовательно, безсмертна. Такъ какъ дѣйствіе одного атома на другой предполагаетъ со стороны послѣдняго желаніе подвергаться этому дѣйствію, т.-е. симпатію, то, слѣдовательно, души, наполняющія вселенную, соединены между собой узами дружбы: „жизнь — праздникъ любви". А если это такъ, то природа — не безсмысленный хаосъ, какъ учили Спенсеръ и Ницше, а дивный космосъ, полный гармоніи и красоты, какъ думали древніе эллины и и ихъ ученикъ, великій Гёте: „природа — художественное произведеніе". Правда, въ ней не мало жестокости и страданій, на первый взглядъ ненужныхъ. *Этимъ не слѣдуетъ смущаться*. Подобно художнику, природа сначала должна „испортить" много матеріала, прежде чѣмъ ей удастся создать „образцовое произведеніе".

Такъ гармонизація природы приводитъ бывшаго „товарища" незамѣтно къ оправданію зла.

А если природа въ ея цѣломъ представляетъ прекрасный, одухотворенный космосъ, то она, естественно, будетъ возбуждать въ насъ не чувство негодованія, не жажду борьбы, а эстетическое и религіозное благоговѣніе.

Религія эстетизированной природы неизбѣжно приводитъ къ квіэтизму.

Другіе представители этой нѣкогда мятежной интеллигенціи въ своихъ поискахъ мира и спокойствія прямо бросились въ объятія буддизма.

Такъ, Блейбтрей выпускаетъ книгу статей разнообразнаго содержанія, и такъ какъ первая была посвящена Робеспьеру, а послѣдняя — Буддѣ, то онъ озаглавилъ ее „Отъ Робеспьера къ Буддѣ". Заглавіе многозначительное! Отъ Робеспьера къ Буддѣ, отъ революціи къ квіэтизму, къ нирванѣ — развѣ это не тотъ самый путь, по которому пошло большинство разночинной интеллигенціи, развѣ это не та самая духовная эволюція, которую пережилъ чуть не каждый восьмидесятникъ?

Подготовивъ себѣ такимъ образомъ почву для возвра-

щенія въ лоно матери-буржуазіи, отщепенцы-интеллигенты должны были еще освободиться отъ нѣкоторыхъ демократическихъ своихъ „предразсудковъ“.

Прежде всего необходимо было покончить съ чувствомъ состраданія, все еще тревожившаго совѣсть интеллигента.

Эту операцію благополучно совершаетъ Гауптманъ въ лицѣ героя „Одинокихъ“.

Агитатора Лота смѣняетъ философъ Фокератъ.

Въ молодости Іоганнъ былъ „демократомъ“. Онъ не могъ равнодушно проходить на улицѣ мимо рабочихъ, изнывавшихъ подъ тяжестью труда. Сердце его обливалось „кровью“ при видѣ этихъ картинъ. Бывали минуты, когда онъ уже готовился раздать все свое имущество бѣднякамъ. Іоганнъ скоро понялъ, что для такого подвига онъ—слишкомъ буржуа. Властно заговорили въ немъ инстинкты собственника и, отказавшись отъ своихъ демократическихъ идеаловъ, стряхнувъ съ себя непріятный гипнозъ соціальной среды, онъ вышелъ изъ душевнаго разлада самобытной личностью, апостоломъ мѣщанскаго индивидуализма.

Покончивъ съ „соціальнымъ состраданіемъ“, восьмидесятники должны были отдѣлаться еще отъ другого демократическаго „предразсудка“ — отъ своей прежней вѣры въ соціальную революцію...

Примѣромъ имъ служитъ „Іоаннъ Креститель“ Зудермана.

Видя безысходную нужду народа, Іоаннъ жаждалъ его освободить изъ-подъ власти его поработителей-богачей и книжниковъ, не останавливаясь и передъ необходимостью насильственнаго переворота.

И народъ вѣрилъ въ своего Іоанна, какъ въ Богомъ посланнаго мессію.

А до слуха народнаго борца все чаще стали доходить вѣсти о Галилеянинѣ и о его проповѣди: люби враговъ своихъ, не ополчайся противъ зла, уповай на потустороннюю справедливость. Изъ революціонера Іоаннъ превращается въ проповѣдника примиренія.

Въ тотъ самый моментъ, когда измученный народъ уже готовъ возстать на своихъ угнетателей, когда Іоаннъ долженъ поднять первый камень, въ немъ совершается та же самая эволюція, тотъ же самый переломъ, какъ и въ душѣ большинства восьмидесятниковъ, и, вмѣсто того

чтобы дать сигналъ къ возстанію, онъ склоняется передъ Иродомъ со словами: во имя Того, кто повелѣлъ любить враговъ своихъ.

Народъ въ смятеніи разбѣгается.

И долго еще въ ушахъ Іоанна звучитъ проклятіе обманутой черни: „Онъ насъ покинулъ! Онъ намъ измѣнилъ!“

Покончивъ такимъ образомъ и съ соціальнымъ состраданіемъ и съ соціальной революціей, восьмидесятники могли уже спокойно перейти къ открытой защитѣ современнаго буржуазнаго общества, основаннаго на порабощеніи рабочаго класса.

Эту апологію капитала далъ Зудерманъ въ своей пьесѣ „Каменотесы“.

Владѣлецъ каменоломни Царнке—гуманный филантропъ, для котораго предпріятіе является не средствомъ эксплоатировать рабочихъ, а средствомъ устраивать ихъ матеріальное и духовное благополучіе. Онъ—истинный „отецъ“ своихъ служащихъ. Охотно принимаетъ онъ у себя бывшихъ каторжниковъ, не потому, что они представляютъ болѣе дешевыя рабочія руки, а только затѣмъ, чтобы имъ дать возможность снова стать людьми. Въ своей филантропіи онъ доходитъ до того, что не только не отдаетъ рабочаго, провинившагося въ кражѣ, въ руки правосудія, а, напротивъ, вручаетъ ему ключи отъ всѣхъ мастерскихъ, дабы въ немъ пробудить чувство чести.

Прославляя капиталистовъ какъ идеальныхъ вождей общества, какъ гуманныхъ руководителей пролетаріата, Зудерманъ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ненужность рабочаго движенія, иллюзорность соціализма.

Когда одинъ изъ рабочихъ-каменотесовъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ видѣлъ сквозь рѣшетчатое окошко верхушку липы. Какое это должно быть прекрасное дерево,—думалъ онъ. Наконецъ, тюрьма передъ нимъ отворилась. Быстро подбѣжалъ онъ къ липѣ, чтобы посмотрѣть на нее вблизи, и что же? Липа оказалась довольно жалкимъ деревцомъ. „И то же самое было потомъ съ самой свободой“,—такъ заканчиваетъ рабочій свой разсказъ.

Зудерманъ хочетъ сказать: если пролетаріатъ добьется въ будущемъ экономическаго и соціальнаго освобожденія, то ему придется глубоко разочароваться: свобода будетъ

вовсе не такой прекрасной, какой она казалась изъ тюремнаго окна.

Такъ не лучше ли совсѣмъ бросить эти мечты о свободѣ!

Пусть рабочій классъ спокойно отдаетъ свою судьбу въ руки капиталистовъ, а они, какъ добрый филантропъ Царнке, самоотверженно будутъ заботиться о благѣ своихъ подчиненныхъ. Что бы тамъ ни говорили вожди пролетаріата - соціалъ-демократы, буржуазный міръ при всѣхъ своихъ недостаткахъ есть все же „лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ".

Такъ вернулись недавніе „соціалисты" въ лоно родной матери-буржуазіи!

ГЛАВА V.

Возникновеніе соціальнаго реализма.

Между тѣмъ какъ послѣ франко-прусской войны Германія была уже преобразована сверху до низу крупнокапиталистическимъ производствомъ, между тѣмъ какъ общество рѣзко раскололось на двѣ противоположныя и враждебныя другъ другу половины и разлагались промежуточные классы, изящная литература значительно отстала отъ жизни.

Писатели подносили публикѣ или историко-археологическіе романы (Эберсъ, Данъ), или сенсаціонные фельетоны, слегка касавшіеся соціальныхъ темъ (Линдау) или эстетизированныя любовныя повѣсти (Гейзе).

Въ кружкахъ молодежи живо чувствовалась эта отсталость литературы, живо ощущалась и потребность снова сблизить ее съ жизнью.

Молодежь только ждала сигнала.

И вотъ, въ 1886 г. вышла въ свѣтъ небольшая, безпорядочно написанная брошюра, озаглавленная „Литературная революція" (Revolution in der Litteratur).

Безжалостно раскритиковавъ кумиры мѣщанства, всю современную беллетристику, погрязшую въ болотѣ условностей, формализма и эротики, авторъ книжки, К. Блейбтрей, требовалъ, чтобы поэзія снова стала реальной, а такъ какъ отличительной чертой современной дѣйстви-

тельности являются ея классовыя противорѣчія, ея соціальные конфликты, то задача реалиста сводится къ воспроизведенію и разрѣшенію соціальнаго вопроса.

Точно въ отвѣтъ на брошюру Блейбтрей возникла въ концѣ 80-хъ годовъ новая литературная школа, назвавшая себя натуралистической. Своею цѣлью она ставила точное изображеніе современнаго, т.-е. капиталистическаго общества.

Такъ воцарился въ нѣмецкой литературѣ соціальный реализмъ.

Лирическіе поэты (Хольцъ, Хенкель, Штернъ) перестаютъ пѣть о своихъ личныхъ чувствахъ, воспѣвая въ своихъ стихотвореніяхъ страданія и надежды рабочаго класса, тяжелую долю интеллигентнаго пролетарія. Появляются романы Крецера („Погибшіе“, „Обманутые“)—мрачныя картины изъ быта столичнаго пролетаріата.

Съ особенной силой сказались эти новыя вѣянія въ области драмы.

Даже такіе писатели, которые раньше брали свои сюжеты изъ исторіи и облекали ихъ въ классическую форму, какъ, напримѣръ, придворный поэтъ Гогенцоллерновъ, Вильденбрухъ, принимаются теперь воспроизводить на сценѣ классовыя противорѣчія современнаго общества (ср. его комедію „Жаворонокъ“).

И все же на всѣхъ этихъ „соціальныхъ драмахъ“ лежитъ печать мѣщанскаго духа.

Писатели — дѣти мелкой буржуазіи — ставятъ рабочій вопросъ не въ томъ видѣ, какъ онъ выдвинутъ самой жизнью, и рѣшаютъ его не въ томъ смыслѣ, какъ его рѣшеніе понимаетъ пролетаріатъ.

Три драмы приковали къ себѣ вниманіе публики и критики: „Честь“ Зудермана, „Потерянный рай“ Фульды „Ткачи“ Гауптмана.

Наибольшее непониманіе современнаго момента обнаружилъ Зудерманъ.

Въ его драмѣ стоятъ другъ противъ друга не предприниматель и рабочій, а богачъ и бѣднякъ. Фабрикантъ Мюлингъ переѣхалъ своимъ экипажемъ пролетарія Гейнике, которому и выдаетъ ежегодную пенсію. Нищета, царящая въ домѣ бывшаго рабочаго, приводитъ его дочь
му къ нравственному паденію: она становится любов-

ницей сына фабриканта. Когда связь Курта съ Альмой обнаруживается, Мюлингъ спѣшитъ затушевать скандалъ, предлагая большую сумму отступного. Семья бѣдняка благословляетъ добраго барина и свою судьбу. Вернувшійся издалека сынъ Гейнике, Робертъ, возмущенъ подобной сдѣлкой. Деньги не могутъ, по его мнѣнію, возстановить потерянную честь. Онъ хочетъ вызвать Курта на дуэль. Драма грозитъ вырасти въ трагедію. Этого не желаетъ ни публика, пришедшая въ театръ разсѣяться послѣ дѣлъ и службы, ни самъ авторъ, который мечтаетъ создать себѣ благодарную аудиторію.

На выручку является графъ Трастъ.

Въ современномъ буржуазномъ обществѣ, поясняетъ онъ, *деньги* замѣняютъ собою *честь!*

Онъ самъ — въ молодости кутящій офицеръ — имѣлъ неосторожность проиграть 90.000 марокъ, которыхъ не могъ заплатить. Товарищи заставили его подать въ отставку. Тогда графъ поѣхалъ въ Индію, нажилъ большое состояніе, сдѣлался кофейнымъ королемъ и вернулся въ Европу всѣми уважаемымъ человѣкомъ.

Развѣ кто-нибудь усумнится въ его „чести“?

Графъ Трастъ и спѣшитъ успокоить взволнованнаго Роберта, возмущеннаго безстыднымъ преклоненіемъ родителей и сестеръ передъ деньгами.

> Графъ Трастъ. „Мой милый, не презирай своихъ. Не говори, что они хуже тебя и меня. Они только другіе—вотъ и все. По правдѣ сказать, твоей сестрѣ вернули ея честь, т.-е. ту честь, въ которой она нуждается. *Все на свѣтѣ имѣетъ свою мѣновую цѣнность.* Честь буржуазнаго дома возстановляется кровью — о, я не хочу вовсе сказать, что это всегда такъ бываетъ! — а *честь пролетарской семьи — при помощи денегъ.* Теперь, когда къ ногамъ твоей сестры свалилось такое богатство, *она представляетъ гораздо болѣе завидную партію, чѣмъ прежде.*

И сынъ пролетарія соглашается съ мудрыми доводами „кофейнаго короля“.

Какой же выходъ открывается рабочему классу изъ того тупика нищеты, безправія, невѣжества и вырожденія, куда его загнала капиталистическая буржуазія?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ судьба Роберта Гейнике.

Сынъ пролетарія поступаетъ приказчикомъ въ предпріятія Мюлинга, поднимается все выше по служебной лѣстницѣ, порываетъ съ своей семьей, женится на дочери хозяина и становится въ концѣ-концовъ компаньономъ милліонера-графа Траста!

Иначе: пусть каждый пролетарій постарается самъ стать капиталистомъ — такъ „рѣшаетъ" Зудерманъ соціальный вопросъ.

Лучше Зудермана понялъ сущность великой проблемы вѣка Фульда, авторъ „Потеряннаго рая". Для Фульды по крайней мѣрѣ ясно, что соціальный вопросъ есть *конфликтъ* между трудомъ и капиталомъ.

На фабрикѣ Бернгарди рабочіе требуютъ повышенія заработной платы, грозя въ противномъ случаѣ начать забастовку. Хозяинъ, желая дать своей дочери большое приданое, посылаетъ будущаго зятя и компаньона фонъ Оттендорфа на заводъ уговорить рабочихъ отказаться отъ своего требованія. Рабочіе посылаютъ для переговоровъ съ нимъ депутацію изъ трехъ человѣкъ, во главѣ которой стоитъ сознательный „товарищъ" Краузе.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ этой сцены (пьеса не переведена на русскій языкъ):

Рихардъ ф. Оттендорфъ. Г. Бернгарди всегда былъ такой просвѣщенный и гуманный хозяинъ! Ужели вы этого не цѣните?

Краузе. Не споримъ, г. Бернгарди — человѣкъ добрый. Но мы-то, рабочіе, его доброты не видимъ. Онъ рѣдко удостоиваетъ насъ удовольствія лицезрѣть его особу. Ну, а знать частную жизнь 300 человѣкъ, конечно, невозможно.

Рихардъ. Не правда ли?

Краузе. Къ счастью, мы вовсе и не нуждаемся въ его человѣколюбіи. Насъ связываютъ съ нимъ отношенія дѣловыя, юридическія; контрактъ—такъ называется эта штука. Мы работаемъ, онъ платитъ. Вотъ мы ему и чвили, что съ перваго числа намъ нужно столько-то.

Если онъ не согласенъ — что жъ! — мы пойдемъ стучаться въ слѣдующую дверь.

. . . .

Рихардъ. Господа, будьте же справедливы. Вѣдь вы не знаете, много ли мы зарабатываемъ. Подумайте только, сколько намъ приходится мучиться днемъ и ночью, рисковать.

Франке (*рабочій*). Что жъ! Мы готовы участвовать въ рискѣ.

Рихардъ. Э, что вы въ этомъ понимаете! Развѣ вы знаете, что такое умственный трудъ? Когда вы кончите вашу работу, вы готовы...

Краузе. Именно! Готовы!

. . . .

Рихардъ. Итакъ, ни капли благоразумія, ни капли привязанности. Одинъ только голый интересъ!

Краузе. А вы развѣ стоите на другой точки зрѣнія?

Фабрикантъ Бернгарди пытается въ свою очередь разжалобить рабочихъ, указывая имъ на то, что онъ выдаетъ свою единственную дочь — „свою гордость и надежду“ — замужъ; ужели они будутъ такъ безсердечны и разстроютъ ея уютное семейное гнѣздышко?

При этихъ словахъ старикъ-рабочій Мюльбергеръ (онъ примкнулъ къ товарищамъ только изъ чувства солидарности), возмущенный, вызываетъ изъ сосѣдней комнаты свою дочь — блѣдную больную дѣвушку, умирающую отъ чахотки.

Мюльбергеръ. Вотъ это моя дочь... Ей нуженъ воздухъ.

Рике. Пусти, отецъ. Я должна работать.

Мюльбергеръ. Нѣтъ, дочка, довольно работать. Тебѣ нуженъ воздухъ, мое бѣдное больное дитя.

(*Отецъ и дочь стоятъ обнявшись.*)

Бернгарди (*потрясенный*). Я... я не зналъ, и я помогу вашей дочери. Я дамъ ей средства.

Краузе. Такихъ дѣвушекъ у насъ много. Дайте намъ такую плату, которую мы требуемъ. Вашей благотворительности намъ не нужно.

Рихардъ. *(рабочимъ)*. Запретите, наконецъ, этому нахалу говорить за васъ!

Краузе. Ну, это мы еще посмотримъ.

Быстрымъ движеніемъ рабочій отодвигаетъ дверь, ведущую въ мастерскія. Снизу доносится оглушительный шумъ, грохочутъ колеса, стонутъ ремни. „Остановить работу!“ кричитъ рабочій внизъ. Шумъ постепенно стихаетъ. Фабрика останавливается. Стачка вступаетъ въ свои права.

Гдѣ же выходъ изъ этого конфликта?

Рѣшеніе соціальнаго вопроса — въ рукахъ самихъ капиталистовъ.

Подъ вліяніемъ рѣчей инженера Арнта дочь фабриканта чувствуетъ потребность ближе узнать жизнь трудящихся классовъ, позволяющихъ ей путешествовать, веселиться, читать умныя книжки, убѣждается, что ея женихъ — эгоистъ и шалопай, отказывается отъ брака съ нимъ, и теперь, когда отцу не зачѣмъ хлопотать о приданомъ для нея, онъ охотно идетъ на уступки рабочимъ.

Если, по мнѣнію Зудермана, соціальный вопросъ рѣшенъ, разъ большинство пролетаріевъ станутъ капиталистами, то, по мнѣнію Фульды, онъ перестаетъ существовать съ того самаго момента, когда большинство капиталистовъ будетъ относиться къ рабочимъ гуманно: и та и другая точка зрѣнія одинаково буржуазна!

Лучше Зудермана и Фульды понялъ сущность соціальнаго вопроса Гауптманъ.

Для автора „Ткачей“ ясно, что противорѣчіе между капиталомъ и трудомъ – не только *конфликтъ*, но и конфликтъ *трагическій*, неразрѣшимый на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній,—конфликтъ, неизбѣжно приводящій къ катастрофѣ. Гауптманъ сумѣлъ, кромѣ того, дать мастерскую, глубокопотрясающую картину вырожденія, вызваннаго эксплоатаціей и нищетой.

И все же и его пьеса не стоитъ на высотѣ жизни.

Самъ авторъ вышелъ изъ мелкой буржуазіи—класса, разлагающагося подъ вліяніемъ капиталистической эволюціи и вслѣдствіе этого проникнутаго пессимизмомъ отчаянія, способнаго только на безсмысленныя бунтарскія вспышки. Онъ и смотрѣлъ на соціальный вопросъ не съ точки зрѣнія современнаго пролетарія, а подъ угломъ зрѣнія представителя погибающаго мелкаго производства.

Въ своей знаменитой, слишкомъ хорошо извѣстной драмѣ Гауптманъ изображаетъ не современную стадію рабочаго движенія — борьбу лишеннаго собственности пролетаріата противъ буржуазіи, владѣльцевъ орудій производства, а эпизодъ изъ его историческаго прошлаго — гибель полусамостоятельныхъ крестьянъ-кустарей, гибель цѣлой группы мелкихъ производителей.

Революція силезскихъ ткачей, возстаніе не восходящаго, а разлагающагося класса,—революція отчаянія.

Въ зависимости отъ такой постановки „соціальнаго вопроса“ орудіемъ борьбы въ рукахъ угнетеннаго класса является не организація и сознательность, а стихійная бунтарская вспышка, при чемъ возставшіе не руководятся никакимъ опредѣленнымъ идеаломъ, а дѣйствуютъ безъ плана и безъ цѣли, способные только разрушать, а не строить.

Драма Гауптмана – превосходная картина ужасныхъ послѣдствій голода, а не борьбы организованнаго, сознательнаго пролетаріата во имя соціализма.

Словомъ, ни одинъ изъ восьмидесятниковъ не сумѣлъ изобразить на сценѣ величайшій вопросъ вѣка въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ самой жизнью, и въ томъ духѣ, какъ его пытается рѣшить рабочій классъ.

ГЛАВА VI.

Поворотъ литературы къ романтизму.

Въ 90-хъ годахъ „соціальный реализмъ“ смѣняется въ литературѣ новымъ направленіемъ — романтизмомъ.

Писатели уходятъ все дальше изъ міра дѣйствительности въ царство вымысловъ и сновъ, переносятъ дѣйствіе своихъ произведеній въ давнопрошедшія времена, въ чужія страны. Въ интеллигенціи замѣчается усиленный интересъ къ старымъ романтикамъ конца XVIII и начала XIX в., появляются въ свѣтъ этюды Рихарда Хуха „О расцвѣтѣ и упадкѣ романтизма".

„Мы—индивидуалисты, идеалисты, романтики,—восклицаетъ одинъ изъ вождей этого новаго теченія, Ландсбергъ („Долой Гауптмана!"). — Все матеріальное для насъ не имѣетъ никакого значенія. Искусство снова должно статъ идеалистическимъ, аристократическимъ".

Этотъ поворотъ отъ соціальнаго реализма къ романтизму былъ вызванъ двумя причинами.

Съ одной стороны, какъ мы видѣли, интеллигенція отрекалась отъ своихъ прежнихъ демократическихъ настроеній и идеаловъ, съ другой—и публика все болѣе охладѣвала къ „соціалистическимъ" темамъ писателей.

Когда вышла пьеса Гауптмана „Ткачи", мѣщанство глухо заволновалось, чуя въ ней призывъ къ ниспроверженію существующаго строя, и успокоилось только послѣ того, какъ авторъ неоднократно давалъ печатное увѣреніе, что написалъ не драму революціи, а трагедію голода.

Когда разнесся слухъ, что новая пьеса Хальбе проникнута духомъ „соціализма", то публика собралась въ большомъ количествѣ спеціально для того, чтобы ее освистать.

По мѣрѣ того какъ интеллигенція возвращалась въ лоно буржуазіи, а публика все болѣе обнаруживала свои мѣщанскіе инстинкты, литература въ свою очередь снова становилась на защиту существующаго экономическаго строя, облекаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ романтическую форму.

Если „соціальный реализмъ" возникъ подъ сильнымъ вліяніемъ пролетарскаго движенія, то романтизмъ знаменовалъ собой буржуазную реакцію.

Первымъ повернулъ на этотъ путь Фульда.

Вторая его пьеса была озаглавлена „Островъ Робин-
"

Буря выбрасываетъ на необитаемый островъ компанію путешественниковъ. Представители господствующихъ классовъ, князь, капиталистъ, писатель и ученый, безпомощно опускаютъ руки и не знаютъ, какъ быть. Съ малолѣтства привыкшіе даромъ пользоваться благами цивилизаціи, они совершенно неспособны добывать своимъ трудомъ насущный хлѣбъ. Ихъ спасаетъ рабочій. Подъ его умѣлымъ руководствомъ маленькая колонія быстро превращается въ настоящее, организованное общество. Наступаетъ торжественный моментъ, когда всѣ готовы выбрать пролетарія въ президенты. Въ эту минуту причаливаетъ къ острову пароходъ и отвозитъ колонистовъ назадъ въ Европу. „Недавно царь, я снова нищій!“ — восклицаетъ рабочій и безропотно становится на прежнее подчиненное мѣсто.

Пользуясь романтической формой (дѣйствіе происходитъ на сказочномъ островѣ), авторъ хочетъ сказать, что въ современномъ, уже организованномъ обществѣ пролетаріатъ обязанъ служить господствующимъ классамъ—землевладѣльцамъ, капиталистамъ и интеллигенціи.

Рѣзче звучитъ буржуазная тенденція въ слѣдующей пьесѣ Фульды „Сказочная страна“ (Schlaraffenland).

Въ средневѣковомъ городкѣ живетъ молодой пекарь, вся жизнь котораго — подневольный трудъ и вѣчные пинки. Засыпая надъ стихотвореніемъ, изображающимъ страну идеальнаго dolce far niente, онъ видитъ во снѣ, что женится на дочери царя. Эта жизнь, по которой онъ такъ тосковалъ наяву, жизнь, которая вся проходитъ въ ѣдѣ и поцѣлуяхъ (это — „соціализмъ“!), скоро надоѣдаетъ пекарю, и онъ замышляетъ государственный переворотъ. На своемъ знамени онъ пишетъ: „Обязательный трудъ“. Схваченный и присужденный къ смерти, онъ просыпается отъ пощечины хозяина въ ту самую минуту, когда на его шею опускается топоръ гильотины. Снова его окружаетъ обычная обстановка—вѣчные пинки и подневольный трудъ. Но теперь онъ излѣчился отъ своихъ утопическихъ мечтаній. Плоха доля работника, но и „сказочная страна“ не лучше. Смѣло за работу! „Хорошо лишь то, что вѣчно далеко!“ утѣшаетъ его старый философъ. „Хороши лишь мечты!“

Написанная въ чисто романтическомъ духѣ — дѣйствіе происходитъ въ давнопрошедшія времена, большей частью во снѣ, въ несуществующей странѣ — пьеса Фульды проповѣдовала вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что осуществленіе соціализма принесетъ пролетаріату не освобожденіе и счастье, а лишь скуку и разочарованіе!

Вслѣдъ за Фульдой на путь романтизма вступилъ и М. Крецеръ.

Авторъ соціальнаго романа „Мастеръ Тимпе" пишетъ „Видѣніе Христа", романъ, въ которомъ романтическая форма переплетается съ буржуазнымъ консерватизмомъ.

Изображая организованный „сознательный" (zielbewusst) пролетаріатъ въ видѣ „эгоистовъ" и „безбожниковъ", Крецеръ противополагаетъ имъ рабочаго Андорфа, который потерялъ свое мѣсто на фабрикѣ, всюду наталкивается на безсердечіе не только буржуазіи и церкви, а даже собственныхъ товарищей. Во время его поисковъ за хлѣбомъ ему является Христосъ, и онъ снова становится вѣрующимъ. Спаситель повсюду слѣдуетъ за нимъ, какъ небесное видѣніе, помогая во всѣ трудныя минуты жизни, пока рабочій не находитъ себѣ, наконецъ, мѣсто.

Сквозь эту своеобразную оболочку христіанскаго романтизма проглядываетъ самая отчаянная буржуазная тенденція.

Когда рабочій сидитъ, склонившись надъ трупомъ любимаго ребенка, ему является Христосъ и говоритъ: „Я могъ бы воскресить твоего ребенка. Но вѣдь онъ погибнетъ позорно и безцѣльно (!). Теперь, когда ты увѣровалъ, Я всюду буду слѣдовать за тобой, какъ живая совѣсть для того общества, которое, исповѣдуя Мое имя, не исполняетъ Моихъ законовъ".

Въ устахъ Христа — проповѣдь мальтузіанства!

Когда рабочій получаетъ работу, онъ говоритъ своимъ дѣтямъ въ назиданіе:

„Пусть же видѣніе Христа будетъ для насъ знаменемъ, призывающимъ насъ терпѣливо и кротко нести свой крестъ (!). Даже если бы намъ удалось устроить на землѣ царство всеобщаго счастья (соціализмъ), насъ охватило бы худшее страданіе — тоска по небу. Есть голодъ во сто

кратъ мучительнѣе физическаго, то — голодъ души, алчущей мира“ (!!!).

Въ устахъ рабочаго — проповѣдь клерикальнаго соціализма!

Такъ переплетается въ романѣ Крецера тѣснѣйшимъ образомъ съ романтической формой защита современнаго буржуазнаго строя отъ посягательствъ на него организованнаго во имя настоящаго соціализма, сознательнаго пролетаріата.

ГЛАВА VII.

Крушеніе романтическаго индивидуализма.

По мѣрѣ того какъ въ интеллигенціи и въ литературѣ буржуазныя настроенія вытѣсняли настроенія демократическія, все болѣе въ моду входила философія Ницше.

По мнѣнію Ницше, существуютъ двѣ главныя формы морали — аристократическая и демократическая, языческая и христіанская, мораль господъ и мораль рабовъ. Первая построена на культѣ суверенной личности, на принципѣ господства меньшинства и подчиненія большинства, на устояхъ насилія и жизнерадостности. Вторая, напротивъ, основана на идеѣ коллективности, на народовластіи, на чувствахъ солидарности и взаимопомощи. Эти двѣ морали боролись между собой на всемъ протяженіи человѣческой исторіи. Побѣда аристократическаго класса всегда влекла за собой и установленіе морали господъ, морали языческой. Такія эпохи ознаменованы высшимъ расцвѣтомъ культуры и творчества. Торжество демократіи, наоборотъ, приводило къ установленію морали рабовъ, морали христіанской. Такія эпохи, напр., средніе вѣка или XIX в., равносильны упадку и вырожденію.

И Ницше набрасываетъ на свои плечи бѣлую мантію Заратустры и несетъ современнымъ поколѣніямъ демократовъ-декадентовъ скрижали языческой мудрости, завѣты власти и господства. Съ нескрываемымъ презрѣніемъ смѣшиваетъ онъ съ грязью вождей народа, этихъ „тарантуловъ“ и „идіотовъ“, которые хотятъ всѣхъ сдѣлать „равными“, которые воздвигли надъ міромъ знамя Галилеянина; без-

смысленный протестъ противъ аристократіи политической и духовной, знамя соціализма.

Но кругомъ попрежнему господствовала мораль рабовъ, мораль все нивелирующей и опошливающей демократіи.

Ярая злоба вспыхнула въ душѣ „язычника“ Ницше.

Онъ сорвалъ съ своихъ плечъ бѣлую мантію Заратустры и явился міру въ новомъ образѣ, въ образѣ Антихриста (такъ озаглавлено его послѣднее произведеніе).

Мутные потоки брани лились съ искривленныхъ губъ пророка индивидуализма. Ругательства одно другого ужаснѣе срывались съ его устъ.

То была послѣдняя вспышка ненависти „аристократа“, одиноко стоявшаго среди жалкихъ рабовъ. Еще разъ собрался онъ съ силами, еще разъ сверкнулъ громомъ и молніей, чтобы упасть въ изнеможеніи, съ разбитымъ сердцемъ и помутившимся разсудкомъ подъ знаменемъ Галилеянина, у ногъ ненавистной „демократіи“.

Индивидуалистическія настроенія Ницше встрѣтились съ романтическими настроеніями интеллигенціи, и изъ сочетанія ихъ родилась драма Гауптмана „Потонувшій колоколъ“.

Мастеръ Генрихъ былъ когда-то вѣрующимъ христіаниномъ, сторонникомъ морали рабовъ. Не мало колоколовъ отлилъ онъ для славы Христовой церкви. Въ тихій утренній часъ они разносили во всѣ концы міра благовѣстъ любви и состраданія. Послѣдній колоколъ, созданный художникомъ, былъ чудо искусства. Ни одна церковь не видѣла такого украшенія. Не было ему равнаго на всемъ пространствѣ земного шара.

И вдругъ художникъ преобразился.

Не хотѣлъ онъ дольше носить на себѣ ненавистное иго долга. Онъ хотѣлъ стать лишь отъ себя зависящей личностью. Свое „я“ пусть станетъ его единственнымъ закономъ.

И передъ нимъ воскресъ волшебный міръ романтики.

На поляхъ, озаренныхъ сіяніемъ луны, кружатся въ пестромъ хороводѣ эльфы, изъ глубины колодца выглядываетъ безобразное лицо водяного царя; слышенъ хохотъ лѣшаго въ сосновомъ бору и пѣсни подземныхъ гномовъ.

Тамъ мчится на конѣ, въ сіяніи золотыхъ кудрей, богъ юности Бальдуръ, и сверкаютъ молніи вокругъ огромнаго молота громовержца Тора.

Тамъ неизвѣстны ни законы морали, ни понятія о долгѣ.

Въ свободной природѣ живетъ свободный человѣкъ.

Всѣ эти мечты о языческой старинѣ сливаются для художника въ поэтическій образъ красавицы-феи. Передъ нимъ въ одеждѣ изъ утренняго тумана стоитъ богиня природы, символъ свободы—фея Раутенделейнъ. Бережной рукой снимаетъ она съ его головы эмблему христіанства—„терновый вѣнецъ", и отрываетъ его отъ всей его прошлой жизни, точно отъ „креста".

И мастеръ Генрихъ задумалъ построить новый храмъ, создать новую религію.

Съ высоты, изъ мраморныхъ чертоговъ раздастся благовѣстъ колокола, властный призывъ котораго заглушитъ шумъ другихъ колоколовъ. Весеннимъ дождемъ падутъ эти звуки на грудь истомленныхъ людей. „Паломниками солнца" соберутся они на праздникъ всеобщаго освобожденія, на праздникъ людей-боговъ.

И тогда совершится великое чудо.

Спасенный силой солнца, сойдетъ Христосъ съ креста, и, возродившись красавцемъ-юношей, Онъ принесетъ людямъ вѣсть о новой жизни на землѣ, красивой и могучей. Исчезнутъ старыя понятія о добрѣ и злѣ. Надъ міромъ отъ края и до края пронесется животворный духъ язычества — фея Раутенделейнъ.

Тщетно пасторъ протестуетъ противъ „языческихъ" замысловъ индивидуалиста-художника.

„Останьтесь христіаниномъ,—умоляетъ онъ его.—Бросьте разомъ мракъ лукавыхъ чаръ".

Генрихъ неумолимъ.

Онъ сжигаетъ церковь, предназначенную для новаго колокола, и топитъ его самого въ глубинѣ горнаго озера, бросаетъ семью, отрекается отъ общества, разгоняетъ какъ „псовъ" бунтующую чернь, возставшую на него, на „рыцаря солнца".

Свободнымъ человѣкомъ вступаетъ онъ въ царство свободной природы.

Но онъ не выдерживаетъ.

Слишкомъ много незримыхъ нитей связываетъ его съ старымъ міромъ.

Здѣсь, на горныхъ высотахъ, онъ такой же чужой, какъ и въ долинахъ земли.

Близокъ часъ расплаты, часъ паденія.

Среди роскошнаго пира природы, когда всюду раздаются флейты карликовъ и пѣніе гномовъ, а надъ цвѣтами порхаютъ эльфы въ нарядѣ изъ свѣтляковъ, когда всюду надъ ручьями и кустами вѣетъ духъ язычества, рѣетъ фея Раутенделейнъ, вдругъ—сначала еле слышно, потомъ все громче и безпощаднѣе—зазвучалъ потонувшій колоколъ: въ душѣ суверевнаго индивидуалиста торжествуетъ коллективная совѣсть.

Художникъ видитъ: на днѣ озера лежитъ его мертвая жена, а рядомъ съ нею, съ кувшинчикомъ, наполненнымъ ея слезами,стоятъ его мальчики.

Свой новый храмъ свободной личности мастеръ хотѣлъ построить на чужомъ страданьи. Ужасъ леденитъ его душу.

А колоколъ поднимается все выше, звучитъ все побѣдноснѣе, оглушаетъ его слухъ и помрачаетъ его разсудокъ.

Въ предсмертный часъ художникъ видитъ еще разъ старый міръ языческой красоты, міръ абсолютной свободы, и еще разъ склоняется надъ нимъ, въ одеждѣ изъ утренняго тумана, богиня природы, фея Раутенделейнъ.

Надъ міромъ точно всходитъ заря новаго ренессанса — солнце индивидуализма.

Но кругомъ попрежнему надъ мастерскими и хатами поднимается стягъ Галилеянина — религія взаимопомощи и солидарности, религія демократіи.

ГЛАВА VIII.

Вліяніе капиталистической системы на психику общества.

По мѣрѣ того какъ общество преобразовывалось крупно-капиталистическимъ способомъ производства, въ значительной степени измѣнялась и психика обывателя.

Въ первой половинѣ XIX вѣка, когда господствовало еще домашнее хозяйство и ручное ремесло, когда предметы обихода и роскоши производились не для рынка, а на заказъ, жизнь текла медленнымъ и ровнымъ темпомъ, не предъявляя къ психикѣ обывателя чрезмѣрныхъ требо-

ваній, не напрягая до крайности его нервной системы, поддерживая въ немъ устойчивость и равновѣсіе.

Вмѣстѣ съ воцареніемъ капитализма навсегда миновало это патріархальное время.

Жизнь крупнаго буржуа превратилась, благодаря бѣшеной конкуренціи, въ безпрерывный рядъ психическихъ напряженій. Даже въ свободное отъ занятій время не перестаетъ онъ комбинировать, рисковать, бороться: онъ не знаетъ ни минуты отдыха. Постоянный страхъ за свое мѣсто заставляетъ его до послѣдней степени возможности ввинчивать энергію и изобрѣтательность: съ каждымъ годомъ становится все труднѣе удержать свою позицію, все больше нарастаетъ конкурентовъ, все больше мозга и нервовъ приходится тратить, чтобы уцѣлѣть въ борьбѣ за существованіе.

Для лицъ огромнаго класса служащихъ (Entlohnte) жизнь становится не менѣе сложной и тяжелой. Желанье во всемъ подражать крупной буржуазіи заставляетъ ихъ все свободное отъ службы время тратить на побочныя занятія ради пополненія своего бюджета: нервы ихъ точно такъ же въ постоянномъ напряженіи.

Тяжелѣе становится жизнь и для интеллигенціи.

Въ большинствѣ случаевъ дѣти распадающейся мелкой буржуазіи, интеллигентные пролетаріи по своему положенію, обреченные не только бороться за кусокъ насущнаго хлѣба, а еще и воспринять и переработать огромное количество идей и знаній, современный интеллигентъ, уже по самому существу своего соціальнаго положенія въ качествѣ умственнаго труженика болѣе другихъ расположенный къ повышенной нервозности, становится въ особенности впечатлительнымъ и неустойчивымъ.

Если свойственная капитализму организація производства образуетъ уже сама по себѣ благопріятную почву для нервозности, то послѣдняя еще болѣе усиливается благодаря тому, что и потребленіе продуктовъ носитъ теперь другой характеръ. Бѣшеная конкуренція между предпринимателями заставляетъ ихъ создавать все новые и новые предметы обихода и роскоши. Привыкая чуть не каждый годъ мѣнять посуду, мебель, костюмъ и т. д., публика въ свою очередь проникается отчаянной жаждой новизны. Въ капиталистическомъ обществѣ мода отличается поэтому, по

выраженію Зомбарта, бѣшено быстрымъ (rasend) темпомъ. Эта чрезвычайно быстрая смѣна предметовъ обихода и роскоши придаетъ въ свою очередь всей жизни, и безъ того ставшей настоящей скачкой, еще болѣе безпокойный и лихорадочный характеръ.

Еще одинъ факторъ поддерживаетъ и увеличиваетъ общую впечатлительность, неуравновѣшенность и неустойчивость.

Если пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ люди въ большинствѣ случаевъ сиднемъ сидѣли на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, то теперь они ведутъ поистинѣ кочевой образъ жизни.

Вотъ нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ.

Въ 1899 г. пріѣхало въ Берлинъ 200.000 чел., выбыло—170.000.
„ 1899 „ „ „ Гамбургъ 100.000 „ „ — 80.000.

Даже въ предѣлахъ одного и того же города люди теперь рѣдко сидятъ на мѣстѣ: такъ, въ 1899 г. въ Бреславлѣ изъ 400.000 населенія половина, т.-е. 200.000, перемѣнила квартиру.

Новыя условія производства, потребленія и передвиженія, свойственныя капитализму, вызвали во всѣхъ слояхъ общества, а въ особенности въ рядахъ интеллигенціи, чрезвычайную впечатлительность, неустойчивость, перемѣнчивость и неуравновѣшенность, короче — нервозность.

Эпоха капитализма была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой нервныхъ болѣзней.

Нервозность сдѣлалась болѣзнью *соціальною*.

Люди (а въ особенности, повторяемъ, интеллигенція) стали прежде всего ужасно *впечатлительны*... Сравнительно ничтожныя внѣшнія воздѣйствія вызываютъ въ нихъ непропорціонально сильныя душевныя движенія. Ницше очень мѣтко назвалъ эту особенность современнаго человѣка словомъ Reizsamkeit. Такъ, въ сборникѣ разсказовъ „Нервозныя новеллы“ Товоте молодой человѣкъ расходится съ своей невѣстой только потому, что конка на ихъ глазахъ раздавила лошадь, а другой приходитъ въ ужасъ и изступленіе отъ однообразнаго шума дождя, капающаго на крышу.

Эта чрезвычайная впечатлительность дѣлаетъ современнаго человѣка неспособнымъ сопротивляться, безсильнымъ,

неустойчивымъ. Въ разсказахъ Ола Хансона „Sensitiva amorosa“ выведенъ цѣлый рядъ людей, обладающихъ душою „мимозы“: „даже тѣнь, падающая отъ крылышка комара, или складка, образовавшаяся въ лепесткѣ розы, способны нарушить ихъ душевное равновѣсіе“.

Эта впечатлительность и неустойчивость дѣлаетъ современнаго человѣка *рабомъ его чувствъ*. Такъ, въ романѣ Пшибышевскаго „Homo sapiens“ Фалькъ влюбляется въ Изу, которую раньше никогда не видалъ, „сразу, вдругъ“, потому что видитъ ее въ красномъ свѣтѣ, падающемъ отъ абажура лампы. „Колебанія свѣта производятъ соотвѣтствующія движенія нервовъ,— говоритъ онъ,—и такимъ образомъ я дрожу: дрожу, ergo люблю“.

Душевная жизнь современнаго человѣка распадается такимъ образомъ на рядъ быстро возникающихъ и такъ же быстро исчезающихъ *настроеній*, дѣлающихъ его *безхарактернымъ и безпринципнымъ*.

Товоте очень справедливо замѣтилъ о своихъ „нервозныхъ“ герояхъ: „Такъ какъ они мѣняются въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, неуловимыхъ настроеній, часто отъ одного случайнаго слова, то у нихъ совсѣмъ нѣтъ характера“.

Превосходнымъ портретомъ современнаго нервознаго интеллигента является Іоганнъ Фокератъ, герой „Одинокихъ“ Гауптмана.

Іоганнъ — воплощенное безпокойство, die reine Hetzjagd, какъ выражается о немъ мать. Быстро воспламеняясь, онъ такъ же быстро охладѣваетъ. Рожденіе сына заставляетъ его „прыгать до потолка“, а день спустя онъ о немъ совершенно забываетъ. Его сужденія вытекаютъ не изъ его убѣжденій, а обусловлены его настроеніями: такъ говоритъ жена, хорошо его знающая. Іоганнъ совершенно неспособенъ сосредоточенно мыслить. Малѣйшій шумъ, и рвется нить его мыслей. Свои оцѣнки онъ мѣняетъ неосновательно рѣзко: то онъ не стóитъ жены, то жена неизмѣримо ниже его. Безличный и неустойчивый, онъ ищетъ поддержки въ окружающихъ и безъ нея не можетъ существовать. При этомъ онъ всегда смотритъ на міръ чужими глазами, то глазами друзей, то глазами любимой женщины. Анна можетъ съ нимъ дѣлать все, что ей вздумается. По словамъ матери, она его „околдовала“. Іоганнъ такъ по-

глощенъ ею, что безъ нея не въ силахъ жить, и кончаетъ съ собою.

Такъ воцарился въ 80-хъ годахъ, въ жизни и въ литературѣ, новый психологическій типъ—по мѣткому выраженію одного писателя, типъ Stimmungsmensch'а — дитя эпохи капитализма.

Среди многочисленныхъ противорѣчій, порожденныхъ эволюціей капитала, было такимъ образомъ и еще одно противорѣчіе— соціально-психическое.

Между тѣмъ какъ психика обывателя была приспособлена къ условіямъ патріархальнаго домашне-ремесленнаго хозяйства, капитализмъ окружилъ ее неожиданно обстановкой, требовавшей наличности *особой* нервной системы.

На почвѣ этого сознанія своей неприспособленности къ окружающей дѣйствительности и возникла въ рядахъ интеллигенціи, особенно страдающей отъ этого противорѣчія, мечта о „новой психеѣ“, мечта о „сверхчеловѣкѣ“.

Въ романѣ Шляфа „Третье царство“ встрѣчается сцена, гдѣ закинутый въ столицу изъ провинціальной тиши молодой человѣкъ смотритъ съ недоумѣніемъ на раскинувшуюся у ногъ его величавую панораму Берлина, на этотъ адъ паровозовъ и фабрикъ, магазиновъ и телеграфовъ: въ этомъ царствѣ индустріи и техники, гигантскаго производства и міроваго обмѣна (думается ему) нужна совсѣмъ особая душа, которая могла бы безъ ущерба для своего здоровья воспринять этотъ хаосъ тѣснящихся впечатлѣній, эту необъятную массу слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній.

Передъ нимъ невольно вставала мечта Мопассана („Horlà“) и Ницше о сверхчеловѣкѣ. Только въ умѣ „столичнаго жителя“ — eines Grosstadtmenschen — могла родиться подобная мысль. Эта идея не больше и не меньше какъ символъ, олицетворяющій собой „тотъ процессъ видоизмѣненія нервной энергіи“, который происходитъ въ тканяхъ организма подъ вліяніемъ „новыхъ условій техники обмѣна и производства“. Эта идея не болѣе какъ доказательство того, что нарождается „новый типъ живыхъ существъ“, который стоялъ бы на высотѣ новой соціальной дѣйствительности.

Всѣ попытки молодого провинціала создать въ себѣ эту сверхчеловѣческую „психофизику“ однако кончаются пораженіемъ: онъ сходитъ съ ума.

ГЛАВА IX.

Возникновеніе импрессіонистическаго стиля.

На почвѣ нервозной психики, созданной новыми условіями производства, обмѣна и потребленія, всей обстановкой капиталистическаго хозяйства, возникъ въ 80-хъ годахъ и новый художественный стиль — импрессіонизмъ.

1) Писатели стали теперь изображать дѣйствительность именно въ томъ самомъ видѣ, какъ они ее воспринимали, не откидывая ни одного изъ полученныхъ зрительныхъ впечатлѣній, не прибавляя къ нимъ по мѣрѣ возможности ничего своего, не комбинируя произвольно полученный ими извнѣ матеріалъ: примѣромъ могутъ служить фотографически точные снимки берлинскихъ домовъ и улицъ въ романахъ Крецера, фотографически точное воспроизведеніе живыхъ лицъ въ драмахъ Гауптмана.

2) А такъ какъ внѣшняя дѣйствительность сообщаетъ человѣку не только зрительныя, а также другія, напр., слуховыя ощущенія, то писатели переносили на изображаемую ими картину всѣ эти впечатлѣнія въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ они вступали въ поле ихъ сознанія: примѣромъ можетъ служить описаніе ранняго утра въ разсказѣ Хольцъ-Шляфа „Смерть“ (сборникъ разсказовъ „Papa Hamlet“).

3) Поэты-лирики въ свою очередь передавали такъ же добросовѣстно переживаемыя ими въ данный моментъ впечатлѣнія, не прибавляя къ нимъ ничего такого, чего не было въ самихъ этихъ впечатлѣніяхъ. Они отвергали всѣ традиціонные художественные аксессуары — риѳму, ритмъ, цезуру. Своимъ образцомъ они признали американскаго лирика Уайтмена (Whitman), который, по словамъ Шляфа, отказался отъ всякой искусственной формы, просто нанизывая впечатлѣнія одно на другое такъ, какъ онъ ихъ воспринималъ, лежа въ травѣ и озираясь кругомъ: доказательствомъ можетъ служить сборникъ стихотвореній разныхъ авторовъ подъ заглавіемъ „Perlenschnur“.

Не трудно видѣть: первая особенность новаго художественнаго стиля, такъ называемаго импрессіонизма,—стремленіе передать рѣшительно всѣ впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшней дѣйствительности, безъ всякой ихъ сор-

тировки, безъ всякаго произвольнаго синтеза, притомъ именно въ той послѣдовательности, какъ они входили въ сознаніе художника, есть не болѣе какъ прямое слѣдствіе основной черты нервозной психики, пассивно воспринимающей всякія слуховыя, зрительныя и т. п. ощущенія,—не болѣе какъ возведенная на степень художественной теоріи чрезвычайно легкая возбуждаемость и пассивность современнаго человѣка, выросшаго въ обстановкѣ капиталистической системы производства.

4) Изображая внѣшнюю дѣйствительность, писатели обращали далѣе особое вниманіе на мельчайшія подробности даннаго предмета, на черты, едва уловимыя простымъ глазомъ, на оттѣнки цвѣтовъ, игру освѣщенія и т. д.: такою детальностью отличаются, напр., описанія Шляфа въ сборникахъ „Тамъ гдѣ-то“ (In Dingsda) или „Затишье“ (Stille Welten).

5) Изображая внутреннюю жизнь (душу), писатели воспроизводили такъ же добросовѣстно едва замѣтныя переходные моменты чувства, анализировали темные инстинкты, углублялись въ область ирраціональныхъ настроеній, какъ, напр., Ола Хансонъ въ разсказахъ, озаглавленныхъ „Обыкновенныя женщины“, „Путь къ свѣту“.

Эта способность отмѣчать и передавать характерныя мелочи, отличающія данный предметъ отъ многихъ другихъ, ему аналогичныхъ, эта способность останавливаться на едва замѣтныхъ явленіяхъ, не поражавшихъ взоровъ предшествующихъ поколѣній, точно такъ же предполагаетъ въ художникѣ наличность такой психофизики, которая вибрируетъ при малѣйшемъ соприкосновеніи съ окружающимъ міромъ, при ничтожнѣйшемъ внутреннемъ волненіи. Она вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при современномъ капиталистическомъ производствѣ приходится постоянно кидать на рынокъ все новые товары, и такъ какъ совершенной новизны достигнуть нельзя, то остается только вносить несущественныя измѣненія въ ихъ очертанія и окраску: глазъ современнаго человѣка рано пріучается обращать вниманіе не столько на общій видъ предмета, сколько на оттѣнки и нюансы, отличающіе данный предметъ отъ аналогичныхъ, бывшихъ раньше въ употребленіи.

6) Такъ какъ внѣшняя и внутренняя дѣйствительность

(міръ и душа) распадается для нервнаго человѣка на рядъ случайныхъ впечатлѣній, то въ изображеніи современнаго писателя она превращается въ рядъ точныхъ, яркихъ, но небольшихъ и отрывочныхъ эскизовъ, лишенныхъ всякой обобщающей идеи: таковы, напр., разсказы Шляфа и Хольца „Новые пути", написанные въ видѣ иллюстраціи къ новой (импрессіонистической) теоріи искусства.

7) Такъ какъ впечатлѣнія и ощущенія воспринимаются нервознымъ человѣкомъ совершенно пассивно и безлично, то они и воспроизводятся имъ совершенно объективно.

Между тѣмъ какъ Зола—художественный образецъ этихъ писателей — опредѣлялъ искусство какъ воспроизведеніе отрывка вселенной, воспринятаго сквозь призму извѣстнаго темперамента—un coin du monde vu à travers d'un tempérament, — т.-е. воспринятаго субъективно, Хольцъ совершенно выкидывалъ изъ этой формулы личный элементъ, приравнивая искусство природѣ: Die Kunst hat die Tendenz wieder Natur zu sein,—искусство стремится снова стать природой.

Въ особенности рѣзко должно было это безличье, эта крайняя объективность новаго искусства бросаться въ глаза въ лирической поэзіи, всегда отличавшейся своимъ субъективнымъ характеромъ. Вотъ для примѣра такое „лирическое" стихотвореніе Эрнста:

> Она сидитъ, обернувшись ко мнѣ спиной,
> Глаза, осѣненные длинными рѣсницами опущены;
> Она сердится, замѣчая, что я на нее смотрю;
> Около пробора блестятъ три волоска.

Словомъ, всѣ особенности новаго или импрессіонистическаго стиля — чрезвычайная объективность и эскизность, воспроизведеніе всѣхъ воспринятыхъ впечатлѣній въ томъ именно порядкѣ, какъ они входили въ сознаніе, наконецъ, изображеніе тончайшихъ оттѣнковъ явленій и чувствъ— были обусловлены повышенной нервозностью, свойственной людямъ, поставленнымъ въ обстановку капиталистической системы производства.

ГЛАВА X.

Распространеніе въ обществѣ фаталистическаго міросозерцанія.

Эпоха капитализма создала не только благопріятную почву для импрессіонистической манеры чувствовать, а также и для фаталистической манеры мыслить.

Капиталистическая организація производства даетъ людямъ на каждомъ шагу чувствовать ихъ безусловную зависимость отъ такихъ силъ, которыя не находятся въ ихъ власти.

На первый взглядъ можетъ показаться, что предприниматель, произвольно распоряжающійся своими служащими, царящій надъ потребителями, является почти автократическимъ государемъ. Въ дѣйствительности онъ самъ всецѣло зависитъ отъ рынка, къ которому долженъ приспособляться даже при блестящемъ ходѣ своихъ дѣлъ, а въ моменты застоя и кризиса эти стихійныя силы проявляютъ свою власть надъ нимъ еще болѣе сурово.

Огромный классъ служащихъ въ свою очередь зависитъ не только отъ каприза патрона, но вмѣстѣ съ нимъ, и еще болѣе чѣмъ онъ, отъ рынка съ его циклическими движеніями и колебаніями: любая случайность, и онъ выкинутъ на улицу.

Аналогичнымъ образомъ предрасполагаетъ современнаго человѣка къ фаталистическому образу мышленія (рождающемуся изъ чувствованія) несомнѣнно и характерный для капитализма способъ потребленія продуктовъ. Между тѣмъ какъ прежде, въ эпоху домашне-ремесленнаго хозяйства, предметы обихода и роскоши всецѣло находились во власти потребителя—онъ ихъ мѣнялъ, когда хотѣлъ и заказывалъ, какія желалъ,—теперь, напротивъ, самъ потребитель находится во власти предметовъ обихода и роскоши, мѣняя ихъ, когда предприниматель захочетъ, и покупая то, что предприниматель ему навязываетъ. „Творцомъ современной моды,—говоритъ Зомбартъ,—является капиталистъ: участіе потребителя въ ея созданіи сводится къ нулю".

Интеллигента предрасполагаетъ къ фаталистическому способу мышленья еще и его чрезвычайная нервозность.

Всегда во власти мимолетныхъ впечатлѣній и ощущеній,

лишающихъ его возможности сопротивленія и самоопредѣленія, онъ чувствуетъ себя крайне несвободнымъ, безсильнымъ располагать собою по собственному усмотрѣнію. Запуганный яркой и шумной дѣйствительностью, онъ пытается сосредоточиться въ себѣ, и вдругъ попадаетъ въ какой-то безвыходный лабиринтъ безформенныхъ и неуловимыхъ настроеній. Съ ужасомъ видитъ онъ, что человѣкъ — слѣпая игрушка въ рукахъ невѣдомыхъ психофизическихъ силъ, что судьба его зависитъ часто отъ непостижимыхъ смутныхъ ощущеній. Никогда разуму не удастся освѣтить свѣтомъ сознанія этотъ душевный полумракъ, это фантастическое clair obscur; передъ этимъ хаосомъ остается только безропотно склониться, какъ передъ „властью тьмы“. „Стоитъ ли сознательно строить зданіе своей жизни, — говоритъ одинъ изъ героевъ Ола Хансона, — если мы находимся во власти такихъ силъ, которыхъ не постигаемъ“.

Такъ подсказываетъ нервному человѣку собственный душевный міръ на каждомъ шагу мысль о его несвободѣ: передъ нимъ, какъ передъ героями Ола Хансона или Шляфа, ежечасно стоитъ „злая, нелѣпая судьба“.

Тѣсная связь между импрессіонистическимъ способомъ чувствовать и фаталистической манерой мыслить выступаетъ наглядно и въ романѣ (польскаго писателя, принадлежащаго также и нѣмецкой литературѣ) Пшибышевскаго „Homo sapiens“.

Фалькъ пассивно, безлично подчиняется каждому впечатлѣнію. Онъ влюбляется въ женщину, которую раньше никогда не видалъ, только потому, что на него сразу нахлынулъ потокъ острыхъ ощущеній, вызванныхъ краснымъ абажуромъ лампы. Порабощенный этими впечатлѣніями, вызвавшими въ немъ противъ его воли опредѣленное чувство, онъ рѣшаетъ, что любитъ „не онъ“, а его „другое я“, котораго онъ „не знаетъ“ и которое его „застигло врасплохъ“, — его „полъ“, „великое agens, которое завело пружины такъ, что колеса *неизбѣжно* должны катиться въ этомъ, а не другомъ направленіи“. При такихъ условіяхъ самый процессъ возникновенія чувства получаетъ характеръ чего-то фатальнаго и стихійнаго, кажется „вихремъ“ или „водоворотомъ“, а женщина, возбудившая это чувство, становится чѣмъ-то въ родѣ „откровенія судьбы“ или даже самой „судьбой“.

Завися такъ пассивно и безлично отъ случайныхъ впечатлѣній и ощущеній, изъ которыхъ каждое „представляетъ для него извѣстное количество необходимости“, Фалькъ является безусловнымъ фаталистомъ: даже въ мельчайшихъ подробностяхъ жизни онъ всюду усматриваетъ дѣйствіе слѣпой „ананке“ (фатума, судьбы).

Если одной стороной новой психофизики—психофизики людей капиталистической эпохи—является импрессіонистическая манера чувствовать, то другой ея стороной является фаталистическая манера мыслить.

ГЛАВА XI.

Новая драматическая техника.

Если импрессіонистическая манера воспринимать явленія міра создала новый художественный стиль, то фаталистическая манера оцѣнивать явленія міра породила новую драматическую технику.

Прежніе герои-борцы, смѣло и бодро дѣйствовавшіе, смѣняются теперь, въ эпоху капитализма, безвольными неврастениками, способными только чувствовать и разсуждать.

Такими пассивными нытиками являются всѣ почти герои Гауптмана, наиболѣе яркаго выразителя новаго драматическаго стиля: Вильгельмъ Шольцъ („Праздникъ примиренія“), легко возбуждающійся и такъ же легко падающій духомъ, боящійся „себя и жизни“, вѣчно находящійся подъ чужимъ вліяніемъ, отъ возбужденія порою падающій въ обморокъ, и художникъ Крамптонъ („Коллега Крамптонъ“), быстро переходящій отъ ликованія къ бѣшенству, не способный къ труду и не приспособленный къ жизни, и мастеръ Генрихъ („Потонувшій колоколъ“), безпомощно метущійся между женой и возлюбленной, между долиной и горами, вѣчно жалующійся на свою „усталость“, и Іоганнъ Фокератъ („Одинокіе“), характеристика котораго сдѣлана выше.

Эти впечатлительные и неуравновѣшенные люди лишены малѣйшихъ проблесковъ воли.

„Воля да воля!—сѣтуетъ госпожа Шольцъ („Праздникъ

примиренія“). Можно желать и желать, сто разъ желать, и все останется попрежнему“. „Старѣемся, умнѣемъ, — жалуется г-жа Фламъ („Роза Берндъ“), а воли у насъ ни на грошъ“.

Даже изображая не интеллигентовъ, а простолюдиновъ, Гауптманъ надѣляетъ ихъ обыкновенно безволіемъ, свойственнымъ собственно интеллигенціи. Извозчикъ Геншель („Извозчикъ Геншель“), богатырь тѣлосложеніемъ, слабъ какъ дитя. Онъ хотѣлъ бы, чтобы другіе, хотя бы мертвые, рѣшали, какъ ему поступать; онъ отправляется на могилу жены: „можетъ, она совѣтъ дастъ“, „можетъ, и выйдетъ какое рѣшенье“.

Женщины гораздо активнѣе мужчинъ. Обыкновенно имъ принадлежитъ иниціатива (Елена и Лотъ въ „Передъ восходомъ солнца“, Анна и Іоганнъ въ „Одинокихъ“ и т. д.). Обыкновенно онѣ задаютъ тонъ и командуютъ (см. „Бобровая шуба“ и „Извозчикъ Геншель“). Почти о всѣхъ мужскихъ фигурахъ поэта можно сказать то, что въ „Ткачахъ“ работница Луиза говоритъ о свекрѣ и мужѣ: „Тряпки вы, тряпки, а не мужчины, дѣтской погремушки и той боитесь. Трусы вы“.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Гауптманъ пытался изображать болѣе активныхъ героевъ, онъ обыкновенно терпѣлъ пораженіе.

Агитаторъ Лотъ („Передъ восходомъ солнца“), воинствующій соціалистъ, — самый дѣятельный типъ, созданный капиталистической эпохой, а въ дѣйствительности онъ болѣе чувствующій, чѣмъ дѣйствующій человѣкъ: онъ и къ партіи примкнулъ не ради борьбы за освобожденіе пролетаріата, а изъ „жалости“ къ бѣднякамъ, и очень скоро забываетъ о своей миссіи, всецѣло отдаваясь охватившей его совершенно внезапно любви къ Еленѣ.

Такъ какъ въ пьесахъ Гауптмана нѣтъ активныхъ героевъ, мѣсто которыхъ занимаютъ безвольные и пассивные неврастеники, то въ нихъ изображаются не дѣйствія, а обыкновенно состоянія, — положенія и настроенія: драма превращается подъ его перомъ въ психологическій этюдъ („Коллега Крамптонъ“, „Михаилъ Крамеръ“) или въ бытовую картину („Бобровая шуба“), или въ патологическій этюдъ („Ганнеле“), или въ сказку („Шлюкъ и Яу“).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Гауптманъ принимается изобра-

зить дѣйствія, они подъ его рукой превращаются въ страданія („Потонувшій колоколъ") или совершаются помимо воли и даже противъ воли героя („Флоріанъ Гейеръ"), или въ лучшемъ случаѣ носятъ массовый характеръ („Ткачи").

Такъ какъ событія не опредѣляются волей людей, въ виду ихъ полнаго безволія, то героемъ въ пьесахъ Гауптмана является обыкновенно слѣпой случай. Случайно Елена влюбляется въ человѣка, фанатично вѣрующаго въ законъ наслѣдственности („Передъ восходомъ солнца"); случайно докторъ Шольцъ возвращается домой въ тотъ самый день, когда ожидается и пріѣздъ сына („Праздникъ примиренія"); случайно попадаетъ Анна въ домъ Фокерата („Одинокіе"); случайно, наконецъ, появляется солдатъ Морицъ Іегеръ въ деревнѣ голодающихъ ткачей („Ткачи").

Не даромъ одна изъ лучшихъ пьесъ поэта („Бобровая шуба") изображаетъ міръ воровъ и контрабандистовъ, для которыхъ случай – божество, а другая пьеса („Шлюкъ и Яу") доказываетъ, что все на свѣтѣ случайно: случай дѣлаетъ одного королемъ, другого—нищимъ.

Такъ воцаряется надъ жизнью слѣпой фатумъ.

Эта судьба — властительница міра — не имѣетъ ничего общаго ни съ христіанскимъ Провидѣніемъ, пекущемся о благѣ людей, ни даже съ античнымъ рокомъ, каравшимъ потомковъ за грѣхъ отцовъ и предковъ,—она похожа на ту шальную солдатскую пулю, которая въ „Ткачахъ" убиваетъ какъ разъ того рабочаго, который одинъ изъ всѣхъ не участвовалъ въ бунтѣ.

Въ такомъ же стилѣ написаны и драмы другихъ восьмидесятниковъ (Хольца, Шляфа).

Къ числу чрезвычайно популярныхъ драмъ новѣйшаго репертуара принадлежитъ пьеса Хальбе „Юность", трагедія любви.

Въ домъ сельскаго священника пріѣзжаетъ гостить на каникулы гимназистъ, только что окончившій курсъ, типическій Stimmungsmensch, по опредѣленію автора, живущій впечатлѣніями и настроеніями; ночью племянница священника отдаетъ ему свою любовь.

Самое чувство молодыхъ людей изображено здѣсь въ импрессіонистическомъ духѣ: не превращаясь въ глубокую, всеохватывающую страсть, какъ любовь Ромео и Джульеты, она вся слагается изъ отдѣльныхъ настроеній, вызванныхъ

случайными внѣшними впечатлѣніями. Между тѣмъ какъ героямъ Шекспира приходилось преодолѣвать массу препятствій (бороться) для того, чтобы соединиться, здѣсь молодые люди пассивно отдаются во власть событій, которыя ихъ, помимо ихъ сознанія, толкаютъ въ объятія другъ другу. Цѣлый рядъ стихійныхъ силъ обусловливаютъ собою паденіе Ганса и Анны: наслѣдственность, тяготѣющая надъ дѣвушкой, весенняя температура воздуха, праздничная обстановка, постоянная физическая близость, примѣръ животнаго міра. И эти слѣпыя стихійныя силы, предопредѣляющія судьбу дѣвушки, авторъ какъ бы воплощаетъ въ лицѣ идіота, нечаяннымъ выстрѣломъ убивающаго дѣвушку: все на свѣтѣ случайно—жизнь, любовь, паденіе, смерть.

Не трудно видѣть, всѣ особенности новой (натуралистической) драмы: преобладаніе положеній и настроеній надъ дѣйствіемъ, благодаря отсутствію активныхъ героевъ, и безнадежный фатализмъ, царящій въ ней, были обусловлены особенностями нервозной психофизики людей капиталистической эпохи: ея пассивностью и безличностью. „Эта драма будетъ имѣть для грядущихъ поколѣній лишь значеніе интереснаго документа изъ эпохи слобовольной нервозности“ — эти слова одного критика (Ханштейна), сказанныя имъ по поводу „Праздника примиренія“ Гауптмана можно отнести ко всей натуралистической драмѣ восьмидесятниковъ.

ГЛАВА XII.

Отношеніе соціалъ-демократіи къ литературѣ эпохи капитализма.

Рабочій классъ Германіи отнесся къ буржуазной литературѣ конца XIX в. гораздо внимательнѣе, чѣмъ буржуазная литература къ рабочему классу.

На партейтагѣ въ Готѣ въ 1896 г. на очередь былъ между прочимъ поставленъ вопросъ о томъ, какова должна быть позиція германской рабочей партіи къ „новому искусству“ (натурализму).

Докладчикъ, Ѳ. Штейгеръ, доказывалъ, что новая поэзія, не являясь соціалистической, все же можетъ счи-

таться надежнымъ союзникомъ пролетаріата въ его борьбѣ противъ угнетающаго его капиталистическаго строя. „Стирая румяны и бѣлилы“ съ накрашеннаго лица мѣщанства, „срывая съ него маску лицемѣрной добродѣтели“, она обнаруживаетъ повсюду „симптомы разложенія бюргерскаго общества“. Считая „каждаго человѣка, независимо отъ его соціальнаго положенія, интереснымъ объектомъ художественнаго творчества“, эта поэзія, несомнѣнно, проникнута „демократическимъ“ духомъ. Эта поэзія къ тому же—поэзія оппозиціонная, протестующая. „Кто читалъ „Передъ восходомъ солнца“ Гауптмана, гдѣ изображено проклятіе, тяготѣющее надъ алкоголизмомъ, или его „Ткачей“, воспроизводящихъ страданія народныя такъ разительно, что зритель невольно вскрикиваетъ отъ негодованія и ужаса, у того непремѣнно явится мысль — если только въ немъ бьется человѣческое сердце — что такой порядокъ вещей не можетъ быть вѣчнымъ. Кто читалъ его „Бобровую шубу“, гдѣ съ ядовитой ироніей заклеймено наше правосудіе, у того непремѣнно сложится болѣе высокое представленіе о нравственности“.

Мнѣнія товарищей разошлись.

Между тѣмъ какъ одинъ, напр., Либкнехтъ, указывая на патологическія и эротическія черты этого искусства, на его недостаточную серьезность и зрѣлость, заявлялъ, что пролетаріату до него нѣтъ никакого дѣла, другіе, напр., Бебель, ссылаясь на идейный и техническій прогрессъ, обнаруженный современными писателями въ сравненіи съ предшествующимъ поколѣніемъ, доказывали, что рабочая партія, стремящаяся всю жизнь перестроить на новыхъ началахъ, не должна быть консервативной въ вопросахъ эстетики.

Нѣмецкая соціалъ-демократія показала такимъ образомъ на партейтагѣ въ Готѣ, что умѣетъ интересоваться не только экономическими и политическими вопросами, а также искусствомъ. Не даромъ зала засѣданія вся была разукрашена надписями въ родѣ слѣдующей: „Соціализмъ— носитель культуры“.

Закрывая пренія, предсѣдатель Зингеръ имѣлъ поэтому полное основаніе заключить свою рѣчь словами:

„Рабочій классъ Германіи, обреченный среди нужды и лишеній добывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, лишен-

ный буржуазіей всякихъ правъ, тѣмъ не менѣе рвется всѣмъ своимъ существомъ къ высшимъ идеаламъ человѣчества, навстрѣчу искусству. Какая другая партія еще позволитъ себѣ въ наше время дискуссію, подобно только что оконченной? Какая другая партія еще видитъ въ искусствѣ ту звѣзду, которая должна ей освѣтить путь, по которому она намѣрена итти?"

Четыре года спустя рабочая партія еще разъ доказала, какъ близки и дороги ей интересы искусства.

Когда въ 1900 г. въ рейхстагъ былъ внесенъ извѣстный законопроектъ Гейнце (lex Heinze), требовавшій строжайшей нравственной цензуры для произведеній художественнаго творчества, то среди полнаго равнодушія буржуазнаго общества, среди гробового молчанія господствующихъ группъ, въ защиту искусства раздался громко и ясно только голосъ соціалъ-демократической партіи.

„Пора понять,—говорилъ въ рейхстагѣ Фольмаръ,—что всякое покушеніе на свободу искусства есть вмѣстѣ съ тѣмъ покушеніе на самое существованіе искусства. Мы, соціалъ-демократы, должны противъ этого протестовать.

„Рабочая партія всегда будетъ итти рука объ руку съ наукой, литературой и искусствомъ, и съ этими тремя союзниками она побѣдитъ".

Прекрасно понимая культурную цѣнность искусства, самоотверженно борясь за его свободное процвѣтаніе, вожди рабочей партіи прекрасно понимаютъ, что капиталистическое общество, основанное на порабощеніи всѣхъ видовъ труда, на праздной роскоши однихъ и тяжелой нищетѣ другихъ, на перепроизводствѣ умственной силы и переоцѣнкѣ умственной работы, на бѣшеной погонѣ за новизной, эксцентричностью и вычурностью, представляетъ весьма неблагопріятную почву для здороваго и свободнаго творчества.

„Содержаніе искусства,—говоритъ Бебель („Женщина и соціализмъ"),—опредѣляется исключительно матеріальными интересами предпринимателей".

Художники обязаны поэтому подчиняться вкусамъ издателя, антрепренера, книгопродавца, публики, избѣгая серьезныхъ темъ, революціонныхъ сюжетовъ; они почти исключительно „культивируютъ область половыхъ эксцессовъ, область половой жизни", обнаруживая, съ одной стороны,

„безстыдный цинизмъ“, а съ другой—„безобразные предразсудки“.

Буржуазное общество строго караетъ опалой и голодомъ всякаго поэта, который осмѣлился бы посягать на священные устои существующаго строя: на частную собственность на орудія труда, на господство землевладѣльцевъ и капиталистовъ.

„Цѣль современной литературы заключается поэтому въ томъ, чтобы доказать, что буржуазный міръ при всѣхъ его второстепенныхъ недостаткахъ все же лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ“.

Нищета начинающихъ писателей, отчаянная конкуренція между общепризнанными талантами, испорченные вкусы публики, усматривающей въ искусствѣ лишь „игру“ и „забаву“, наводняютъ рынокъ изъ году въ годъ всевозможнымъ хламомъ.

„Можно безъ преувеличенія сказать, что $^4/_5$ всей литературы могло бы исчезнуть съ рынка безъ всякаго ущерба для цивилизаціи: такъ велика масса поверхностныхъ и даже вредныхъ произведеній“.

Если капиталистическое общество представляетъ весьма неблагопріятную почву для развитія искусства, то при соціалистическомъ строѣ, напротивъ, налицо будутъ всѣ условія, необходимыя для здороваго и свободнаго творчества.

Исчезнутъ крупные торгово-промышленные города. Ихъ историческая роль—роль центровъ экономической и политической революціи окончилась. Населеніе устремится обратно въ деревни. Каждая коммуна будетъ представлять самостоятельный хозяйственный организмъ, въ которомъ промышленный и сельскохозяйственный трудъ будутъ тѣсно слиты. Расцвѣтетъ огородничество, садоводство. Сліяніе города съ деревней, деревни съ городомъ позволитъ сохранить „всѣ удобства культуры безъ ея тѣневыхъ сторонъ“. Внѣшній видъ города-деревни (campagne urbanisée, какъ выразился одинъ ранній французскій соціалистъ) будетъ опрятный, красивый. Выростая въ этой живописной обстановкѣ, люди уже отъ природы будутъ болѣе склонны къ воспріятію художественныхъ впечатлѣній. Значительно измѣнятся и условія труда. Каждый членъ общины будетъ обязанъ трудиться, но не болѣе 3 или 4

часовъ, при чемъ трудъ физическій и умственный, промышленный и сельскохозяйственный постоянно будутъ чередоваться. Не изнуренныя непосильной однообразной механической работой, грядущія поколѣнія будутъ вырастать расой, здоровой и духомъ, и тѣломъ. Такъ какъ физическій и умственный трудъ будутъ цѣниться одинаково, то исчезнетъ пристрастіе къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ, а съ нимъ — перепроизводство интеллигентнаго труда. Кто можетъ быть хорошимъ ремесленникомъ, не пожелаетъ во что бы то ни стало стать плохимъ писателемъ. Искусству будетъ служить лишь способный и достойный. На рынкѣ не будетъ больше обращаться такая масса бездарнаго хлама, свидѣтельствующая лишь объ „испорченномъ вкусѣ" и „тщеславіи" ихъ авторовъ. Не будетъ больше композиторовъ, артистовъ, художниковъ по „профессіи", а только по „вдохновенію и таланту". Эти немногіе, но истинные творцы уже не будутъ зависѣть отъ „каприза издателя" или „денежнаго расчета", а отъ сужденій спеціалистовъ-знатоковъ, въ „выборѣ которыхъ они и сами участвуютъ и противъ приговора которыхъ они всегда могутъ апеллировать къ общинѣ".

Черпая вдохновеніе въ окружающей живописной обстановкѣ, не изнуренные непосильнымъ однообразнымъ трудомъ, сами тѣлесно и духовно здоровые, эти немногочисленные, зато истинные и независимые художники создадутъ искусство свѣтлое и чистое, гармоничное и прекрасное, какъ и сама жизнь, освобожденная отъ нищеты, болѣзней и рабства.

„Ихъ произведенія превзойдутъ все до сихъ поръ созданное въ этихъ областяхъ творчества настолько, насколько техника, промышленность и сельское хозяйство будутъ въ соціалистическомъ обществѣ выше, чѣмъ въ современномъ".

„Для искусства наступитъ эра, которой міръ до сихъ поръ не видалъ еще!"

Австрія.

ГЛАВА I.

Литература буржуазной интеллигенціи. Романтики. Шницлеръ и Гофмансталь.

Въ концѣ XIX вѣка капиталистическая система производства окончательно установилась и въ Австріи.

Общество и здѣсь рѣзко раскололось на двѣ противоположныя половины: буржуазію и пролетаріатъ.

Интеллигенція въ свою очередь распалась подъ вліяніемъ капиталистической эволюціи на буржуазную и демократическую.

Первая отражала настроенія и идеалы господствующихъ классовъ (буржуазіи и обуржуазившейся аристократіи), вторая „шла въ народъ“.

Австрійская и въ частности вѣнская интеллигенція, изъ которой вышло большинство писателей, вписавшихъ свое имя въ исторію новѣйшей литературы, всегда отличалась своей склонностью къ романтизму.

Вѣнскій интеллигентъ прежде всего—мечтатель.

„Его мягкая, музыкальная натура предрасполагаетъ его къ мечтательности,—говоритъ одинъ австрійскій критикъ (Farinelli).—Онъ хочетъ, чтобы его убаюкивали и укачали. Онъ никогда не былъ способенъ къ энергической дѣятельности“.

Для вѣнца (конечно обезпеченнаго) жизнь не болѣе какъ сонъ (слова Грилльпарцера). Ни одна литература такъ не богата сказками, какъ австрійская. Нигдѣ пьеса Кальдерона „La vida es sueno“ не пользовалась такой популярностью, какъ именно въ Австріи.

Второй отличительной чертой вѣнскаго интеллигента является его страсть къ позировкѣ, къ актерству.

„Вѣнцы, — говоритъ другой критикъ (М. Мессеръ), — любятъ позу и маску, если она красива и забавна. Эту черту можно встрѣтить у всѣхъ вѣнскихъ поэтовъ. Не даромъ артистическое искусство нигдѣ такъ не процвѣтаетъ, какъ въ Вѣнѣ“.

Наконецъ, третьей отличительной чертой вѣнскаго интеллигента является его эстетизмъ, его страсть къ искусству.

„Мы, вѣнцы, —говоритъ упомянутый критикъ, —вдыхаемъ любовь къ искусству вмѣстѣ съ воздухомъ. Никто не обладаетъ въ такой же мѣрѣ, какъ мы, нервами, способными воспринимать красоту. Нигдѣ вы не найдете столько художниковъ и цѣнителей искусства, какъ въ Вѣнѣ“.

Отличительными чертами буржуазнаго интеллигента Австріи являются такимъ образомъ мечтательность и эстетичность, склонность превращать жизнь въ „сонъ“ или „игру“.

По мѣрѣ того какъ буржуазія все болѣе становится классомъ непроизводительнымъ, паразитическимъ, по мѣрѣ того какъ ея историческая роль приходитъ къ концу и изсякаетъ ея творческая способность, —словомъ, по мѣрѣ того какъ истинная жизнь все болѣе уходитъ отъ нея, должны были рѣзче выступать въ физіономіи буржуазнаго интеллигента вышеуказанныя романтическія черты, представляющія довольно точное отраженіе настроеній, господствующихъ теперь въ буржуазныхъ классахъ.

Наиболѣе яркими представителями этого романтическаго направленія въ литературѣ являются Шницлеръ и Гофмансталь, любимцы мѣщанской публики.

Для обоихъ жизнь прежде всего—сонъ, сонъ становится жизнью.

Въ пьесѣ Шницлера „Парацельсъ“ волшебникъ погружаетъ жену друга въ гипнотическое состояніе, и ей снится, будто она сидитъ рядомъ съ красавцемъ-студентомъ (т.-е. самимъ Парацельсомъ) въ бесѣдкѣ изъ сирени, и онъ ей нашептываетъ слова любви. Когда она разсказываетъ свой сонъ, волшебникъ начинаетъ смутно догадываться, что за этимъ сномъ скрывается дѣйствительность. Онъ снова погружаетъ Юстину въ состояніе сна, прося

сказать всю „правду“, и она признается, что когда-то любила его. Въ страхѣ убѣгая отъ сновидѣній, грозящихъ стать жизнью, и отъ жизни, которую не отличишь отъ сновидѣнія, Парацельсъ въ недоумѣніи восклицаетъ:

Сплетаются въ одно и ложь, и правда,
И жизнь, и сонъ. Увѣренности нѣтъ.
Вся жизнь—игра.

Сновидѣніемъ является жизнь и для Гофмансталя.

Въ пьесѣ „Свадьба Собеиды“ старикъ-купецъ съ высокой башни созерцаетъ теченіе небесныхъ звѣздъ, питая свою душу „пищей, подобной сновидѣніямъ“, оставаясь юнымъ, тогда какъ обыкновенно для стариковъ жизнь лишена всякихъ „сновидѣній“ (ein traumlos Ding). Въ день свадьбы его молодая жена Собеида открываетъ ему свою тайну: она любитъ другого. Тѣмъ не менѣе она останется его вѣрной женой. Жизнь хороша только въ „сновидѣніяхъ“. Не желая неволить молодую жену, купецъ дастъ ей свободу. И вотъ Собеида спѣшитъ къ своему Ганему. Прекрасное сновидѣніе обѣщаетъ превратиться въ прекрасную дѣйствительность. Собеиду ждетъ глубокое разочарованіе. Она узнаетъ, что Ганемъ любитъ другую. Въ отчаяніи всходитъ она на башню, съ которой ея мужъ наблюдаетъ теченіе далекихъ звѣздъ, и бросается головой внизъ. „Какъ похожа наша жизнь на сонъ!—восклицаетъ купецъ-звѣздочетъ.—Дверь, передъ которой съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ стояла несчастная, наконецъ, открылась, и что же? Она встрѣтила смерть“.

Изображенные Шницлеромъ и Гофмансталемъ люди не только неисправимые фантазеры, постоянно теряющіе, по словамъ Парацельса, „грань мечты и правды“, постоянно смѣшивающіе жизнь и сновидѣнія, они вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчные актеры, превращающіе міръ въ комедію, жизнь—въ „игру“.

Въ пьесѣ Шницлера „Зеленый попугай“—дѣйствіе происходитъ наканунѣ взятія Бастиліи — въ кабачкѣ Просперо собирается по вечерамъ пресыщенная знать „встряхнуть разслабленныя чувства“.

Между тѣмъ какъ наверху, на улицахъ Парижа, совершается настоящая революція, здѣсь, въ притонѣ, только „играютъ“ въ революцію.

Хозяинъ таверны, бывшій антрепренёръ, пригласилъ

своихъ прежнихъ артистовъ представлять воровъ и убійцъ для потѣхи великосвѣтской публики. Они разсказываютъ исторіи, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, хотя сами ничего подобнаго не „переживали". Хозяинъ таверны величаетъ своихъ артистокъ „герцогинями", комедіанты говорятъ аристократамъ „ты".

„Дѣйствительность переходитъ въ игру!"—восклицаетъ восхищенный придворный поэтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, „игру" не отличишь отъ „жизни".

Актеры такъ мастерски играютъ свои роли, что наивный провинціалъ, затесавшійся случайно въ столичную компанію, не можетъ понять, что съ нимъ только „шутятъ", и постоянно всего „пугается". Маркиза такъ поражена реализмомъ игры мужа и жены, изображающихъ содержателя и кокотку, что принимаетъ ихъ театральныя отношенія за настоящія, и сама въ свою очередь такъ хорошо чувствуетъ себя въ притонѣ, что возбуждаетъ въ умахъ гостей мысль, не изъ числа ли она тѣхъ, „кто играетъ".

И незамѣтно „игра" переходитъ въ „дѣйствительность".

Въ то самое время, когда одинъ изъ комедіантовъ разсказываетъ вымышленную исторію о томъ, какъ онъ ограбилъ и убилъ богатаго феодала, другой актеръ въ самомъ дѣлѣ похищаетъ кошелекъ у одного изъ завсегдатаевъ кабачка. Актеръ, изображающій ревниваго мужа, неожиданно узнаетъ, что жена ему въ самомъ дѣлѣ измѣняла съ однимъ изъ присутствующихъ аристократовъ. И въ то самое время, когда плебей убиваетъ герцога въ кабачкѣ Просперо, тамъ наверху, на улицахъ Парижа, чернь беретъ штурмомъ Бастилью. „Игра" стала „дѣйствительностью".

Жизнь превращается незамѣтно для героевъ Шницлера въ „маскарадъ", гдѣ они стоятъ другъ противъ друга въ маскахъ, и только смерть, да и то не всегда, срываетъ эту маску съ ихъ лица („Послѣдній маскарадъ").

Актерами, не живущими настоящей жизнью, а только позирующими, являются и лица, изображенныя Гофмансталемъ. Они любятъ сравнивать себя съ комедіантами, идущими на подмосткахъ, равнодушно читая свои монологи, лѣниво поджидая свои реплики (какъ графъ Клавдіо въ пьесѣ „Глупецъ и смерть".) Они любятъ надѣвать чужіе костюмы, называться чужимъ именемъ, скрывать свою лич-

ность подъ искусственной маской, живутъ и дышатъ только на сценѣ, переживая въ чужихъ роляхъ свою собственную жизнь (какъ дѣйствующія лица въ пьесѣ „Авантюристъ и пѣвица").

Люди, изображенные Шницлеромъ и Гофмансталемъ, не только мечтатели и актеры, они — эстеты: для нихъ искусство значительнѣе и интереснѣе жизни, которая служитъ только матеріаломъ для искусства.

Въ пьесѣ Шницлера „Женщина съ кинжаломъ" жена нисколько не возмущена измѣной мужа, зная, что ея позоръ дастъ ему эффектный сюжетъ для драмы, подобно тому какъ впослѣдствіи она сама ему измѣняетъ, чтобы его страданія пробудили въ немъ жажду творчества.

Искусство для этихъ людей настолько выше жизни, что они для него охотно жертвуютъ собой или другими.

Такъ, въ пьесѣ „Мгновенія жизни" мать кончаетъ съ собою, боясь, что ея болѣзнь убьетъ въ сынѣ художественный даръ, а въ пьесѣ „Женщина съ кинжаломъ" жена художника убиваетъ собственноручно своего любовника, чтобы мужу дать матеріалъ для окончанія картины.

Герои Шницлера раздѣляютъ всѣ убѣжденія Парацельса, что „вся полнота бытія—ничто передъ могучей силой сновъ".

Эстеты и артисты, они противопоставляютъ себя — кучку избранниковъ — непросвѣщенной черни — толпѣ мѣщанъ прозаическихъ и грубыхъ. Какъ Парацельсу, пошлыми имъ кажутся идеалы мѣщанина, живущаго только въ „дѣйствительности", не боящагося „сновъ", желающаго „работать" и быть „полезнымъ гражданиномъ": какое дѣло этимъ людямъ до „алхимиковъ-фигляровъ" и „чародѣевъ-бродягъ!" Жаль имъ, что красавицы-женщины достаются во владѣніе такимъ „ничтожествамъ", что „женственность святая стала жертвой чванливой, сытой наглости".

Какъ въ пьесѣ Гофмансталя „Смерть Тиціана", эти люди смотрятъ сверху внизъ на обыкновенныхъ смертныхъ — „глупцовъ" и „животныхъ", обитающихъ среди „смрада" и „безобразія".

Эгоисты до мозга костей, занятые исключительно собой, они съ театральнымъ жестомъ восклицаютъ: Après nous le déluge!

Въ пьесѣ Шницлера „Вуаль Беатриче" городъ со всѣхъ сторонъ обложенъ войсками, близится день рѣшительной

битвы, и что дѣлаютъ граждане лицомъ къ лицу съ безпощаднымъ врагомъ? Герцогъ выбираетъ себѣ герцогиню на часъ и созываетъ гражданъ на грандіозный маскарадъ, на вакханалію любви. Вмѣсто того чтобы мужественно стать въ ряды солдатъ, они, какъ поэтъ Филиппо Лоски, позорно покидаютъ городъ или веселятся съ куртизанками. Вмѣсто того чтобы вдохновить своимъ примѣромъ обороняющихся, они, какъ Беатриче, спѣшатъ испить чашу наслажденія до дна. Даже на порогѣ къ смерти они не перестаютъ „играть" съ жизнью, играть въ любовь. А въ ворота уже стучитъ желѣзнымъ кулакомъ непримиримый врагъ, готовый смести до основанія весь этотъ пустой, фривольный, подгнившій міръ праздныхъ собственниковъ-паразитовъ и ихъ приспѣшниковъ — скомороховъ и куртизанокъ.

Безжизненность и напыщенность буржуазнаго класса отражается и въ художественной манерѣ, въ стилѣ его писателей. Подъ ихъ перомъ искусство становится само не болѣе какъ игрой, манерой и позой. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе вычурное и выдуманное, какъ пьесы столь популярнаго и столь цѣнимаго мыслящимъ мѣщанствомъ Гофмансталя, въ которыхъ господствуетъ полное смѣшеніе эпохъ и стилей, готики, Empire и ренессанса, соблюдаются аристотелевскіе законы о трехъ единствахъ, дѣйствіе порой происходитъ въ окнѣ, такъ что зрителю видны только головы актеровъ, и гдѣ дѣйствующія лица говорятъ на жаргонѣ вычурномъ и изысканномъ, напоминающемъ жаргонъ посѣтителей и посѣтительницъ блаженной памяти отеля Рамбулье. Такова поэзія буржуазной интеллигенціи, обслуживающей салоны и будуары великосвѣтскаго общества, дни котораго протекаютъ не въ трудѣ, а въ мечтахъ, для котораго жизнь есть не борьба, а „игра", и которое предпочитаетъ „дѣйствительности", грозныя волны которой не сегодня-завтра смоютъ его съ лица земли, ея художественное отображеніе, ея суррогатъ — „искусство".

ГЛАВА II.

Тяготѣніе интеллигенціи къ буддизму. М. Яничекъ.

Если одна часть буржуазной интеллигенціи, отражающей настроенія непроизводительныхъ классовъ, болѣе поверхностная и легкомысленная, пытается превратить жизнь въ „сонъ“ или „игру“, другая, болѣе вдумчивая и серьезная, стремится вовсе отъ нея освободиться, какъ отъ тяжелаго кошмара, какъ отъ недуга или грѣха.

Между тѣмъ какъ одни спѣшатъ укрыться отъ дѣйствительности съ ея противорѣчіями и борьбой подъ сѣнью романтики, другіе бросаются въ ужасѣ въ объятія буддизма, въ небытіе Нирваны.

Наиболѣе яркимъ представителемъ этого буддійскаго направленія въ литературѣ является писательница Марія Яничекъ.

Марія Яничекъ всей душой ненавидитъ современную жизнь, въ которой торгово-промышленные интересы вытѣснили и убили идеалы красоты, любви и поэзіи.

Въ одной изъ ея повѣстей („Заблудилась“) героиня, молодая аристократка, посѣщаетъ съ своимъ женихомъ, техникомъ, фабрику, гдѣ онъ служитъ директоромъ. Шумятъ колеса, стонутъ ремни, кипитъ неумолчная, оглушительная работа. Женихъ въ восторгѣ. Въ машинѣ онъ видѣлъ хозяина и цивилизатора жизни. Грусть охватываетъ дѣвушку. Ужели весь смыслъ жизни только въ томъ и заключается, чтобы при помощи этихъ желѣзныхъ, бездушныхъ чудовищъ создавать массы матеріальнаго богатства? Стоитъ ли жить, если красота, любовь, поэзія не болѣе какъ дѣтскіе предразсудки? И графиня въ отчаяніи бросается въ колеса желѣзной машины, хозяина и цивилизатора жизни.

Такъ губитъ промышленный вѣкъ идеалы прошлаго, завѣты аристократической культуры, поэзію и любовь.

Такъ же мало сочувствуетъ Марія Яничекъ конечному идеалу соціальной демократіи—идеалу трудового государства, мечтѣ о Zukunftsstaat.

Въ одной изъ своихъ повѣстей („Искатели новыхъ путей“) она не безъ ироніи изображаетъ идеальное, съ точки

зрѣнія пролетаріата, будущее общество, гдѣ нѣтъ нищихъ и преступниковъ, живутъ только здоровые, сытые, самодовольные труженики. Никто здѣсь не интересуется наукой, не заботится объ искусствѣ, не чувствуетъ потребности въ религіи. Заботы о матеріальныхъ благахъ давно убили въ людяхъ идеалистическіе порывы, стремленія къ добру, къ истинѣ и красотѣ. Каждый занятъ исключительно своей особой, любитъ только себя, преклоняется только передъ самимъ собой. (Это — соціализмъ!)

Не сочувствуя современному промышленному обществу и боясь будущаго, соціалистическаго общества, Марія Яничекъ ищетъ успокоенія въ сѣдой старинѣ. Чужая и лишняя въ жизни—ins Leben verirrt—какъ одна изъ ея героинь, она уходитъ въ таинственную страну, гдѣ шумитъ священный Гангъ, поднимаются къ небу сумрачныя пагоды, живутъ аскеты-дервиши и толпятся восторженные паломники.

Въ ея повѣстяхъ оживаютъ буддійскіе монастыри и теософическія общины, проходятъ вереницами богомольцы, идущіе поклониться Далай-Ламѣ...

Писательница иногда довольно оригинально пользуется метафизикой индуссовъ, чтобы освѣтить потемки человѣческой души, распутать, при ея помощи, сложныя психологическія проблемы.

Въ одномъ изъ ея разсказовъ („Брусокъ“) героиня выходитъ замужъ за жестокаго и властолюбиваго человѣка, котораго боится, отказывая гуманному мыслителю, котораго уважаетъ. Одинъ хочетъ ее обезличить, другой — освободить. Всю жизнь мучится она надъ этой странной загадкой, почему самоуничтоженіе ей дороже самоосвобожденія? На порогѣ къ небытію все ей становится яснымъ. Въ предсмертномъ бреду передъ ней оживаетъ все ея далекое прошлое, встаютъ одна за другой прежнія фазы ея существованія на землѣ.

Вотъ огромная площадь, усѣянная тысячной толпой, голодные забитые люди перетаскиваютъ на себѣ глыбы камней. Вдали виднѣются очертанія пирамиды. Среди толпы находится и она. Градомъ льетъ съ нея потъ, сгибаются колѣна, она готова упасть. Вдругъ надъ самымъ ея ухомъ раздается грубое проклятіе, и кнутъ надсмотрщика со свистомъ падаетъ на ея спину: она — рабыня.

Изъ мрака прошлаго встаетъ новая картина.

Въ роскошномъ дворцѣ, лѣниво развалившись на тронѣ, съ скучающей улыбкой, сидитъ молодой восточный принцъ. Передъ нимъ въ сладострастной пляскѣ кружатся дѣвушки съ обнаженными тѣлами, невольницы любви. Среди нихъ и она. Прежняя рабыня теперь стала баядеркой.

Новая картина вырисовывается изъ тумана прошедшаго.

Въ дремучемъ лѣсу сидитъ безъ крова и платья одинокая женщина съ младенцемъ на рукахъ. Слезы льются обильнымъ потокомъ по лицу. Она утираетъ ихъ своими длинными бѣлокурыми волосами, служащими ей единственной одеждой. Она—святая Женевьева, изгнанная жена жестокаго феодала.

Такъ всюду въ ея прошломъ только рабство и позоръ.

Вотъ почему она отдалась инстинктивно тому человѣку, который ее обезличилъ и уничтожилъ, а не тому, который хотѣлъ ее сдѣлать самостоятельной и свободной.

Такъ пользуется писательница индусскимъ ученіемъ о метемпсихозѣ и кармѣ, чтобы объяснить ирраціональныя настроенія человѣческой души.

Изъ „жизни, гдѣ она заблудилась“, Марія Яничекъ обращаетъ свои взоры въ далекую Индію, родину ученія о Нирванѣ.

Въ одной изъ ея повѣстей („Въ пристани“) молодая дѣвушка выростаетъ въ полномъ одиночествѣ. Отецъ безпокойно кочуетъ по бѣлому свѣту изъ Европы въ Америку, изъ Индіи въ Китай. Въ этихъ вѣчныхъ скитаніяхъ дѣвушка не успѣла привязаться къ землѣ съ ея золотыми играми и весенними грезами. Въ тѣ годы, когда ея сверстницы мечтали о любви и танцахъ, она задумчиво говорила: „Мы здѣсь на землѣ только странники. Какъ пилигримъ, стремится наше сердце къ далекимъ звѣздамъ“. Отецъ нанялъ ей въ гувернантки буддистку, члена одной теософической общины. Съ тѣхъ поръ дѣвушка читала только буддійскія книги. Все глубже охватывала ея сердце мечта о тихомъ покоѣ Нирваны.

Послѣ смерти отца дѣвушка поселяется одна, одинокая въ старомъ родовомъ своемъ помѣстьи. Вмѣстѣ съ цвѣтами ожидала она здѣсь пробужденія весны, вмѣстѣ съ цвѣтами погружалась въ зимній сонъ. Въ лѣсной тиши точно слышался голосъ Будды, баюкая сердце, навѣвая грезы о Нирванѣ.

Сознавая себя еще слишкомъ привязанной къ землѣ, она, наконецъ, покидаетъ свое помѣстье, отрекается отъ всякой собственности и идетъ искать себѣ мѣсто служанки.

Таинственно шумитъ зеленый лѣсъ, блеститъ роса на стебелькахъ травы, и ея душа, свободная и радостная, рвется, какъ потокъ, не знающій преградъ, навстрѣчу безконечному, въ лоно Нирваны, гдѣ замираетъ всякая жизнь.

Въ этихъ мечтахъ нѣкоторой части интеллигенціи о „покоѣ“ и „небытіи“ отражаются, какъ и въ стремленіяхъ другой ея части превратить жизнь въ „сонъ“ или „игру“, настроенія тѣхъ общественныхъ группъ, которыя неумолимымъ ходомъ исторіи оттѣсняются все дальше назадъ, вынуждены уступить свое господствующее мѣсто другимъ болѣе жизнеспособнымъ и дѣятельнымъ классамъ.

ГЛАВА III.

Литература демократической интеллигенціи. Ф. Лангманъ.

Другая часть австрійской интеллигенціи обратила свои взоры на восходящій классъ, на пролетаріатъ.

Такъ возникла рядомъ съ поэзіей буржуазной интеллигенціи литература демократическая.

Наиболѣе яркимъ представителемъ ея является ф. Лангманъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ разсказовъ Лангманъ сдѣлалъ превосходную характеристику современной буржуазной интеллигенціи, вырастающей въ обстановкѣ капиталистическаго производства.

Суровая борьба за существованіе дѣйствуетъ на интеллигента подавляющимъ, ошеломляющимъ образомъ.

Невольно вспоминается ему доброе старое время, когда „пищи было много, а работы мало“, когда „никто не гналъ, не принуждалъ работать“, когда „всѣ чувствовали себя уютно въ этомъ прекрасномъ мірѣ“. А теперь лишь только молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь, какъ начинается „погоня за кускомъ насущнаго хлѣба“, „служба у другихъ людей, въ свою очередь находящихся на службѣ у принципала, у маммоны или у своихъ нервовъ“. Конечно,

и прежде люди заботились о „кровѣ, пищѣ и одеждѣ“ для себя и семьи, но не было тогда той „лихорадочной озабоченности“, которая отличаетъ нашъ „удивительный вѣкъ“.

Боязнь потерять свое мѣсто, благодаря все возрастающей конкуренціи, порождаетъ въ людяхъ (и въ особенности въ рядахъ болѣе впечатлительной интеллигенціи) „страхъ жизни“. Ошеломляющая смѣна впечатлѣній заставляетъ „душу“ на каждомъ шагу содрогаться, трепетать отъ „малѣйшаго прикосновенія съ внѣшней дѣйствительностью“. Въ этой изнуряющей борьбѣ, этой вѣчной сутолокѣ человѣку остается только одно — мечтать о „покоѣ“.

Въ такой нездоровой обстановкѣ интеллигентъ скоро становится нервознымъ, неустойчивымъ и неуравновѣшеннымъ, пассивнымъ и безличнымъ, пессимистомъ и фаталистомъ.

Въ одномъ изъ разсказовъ Лангмана молодой человѣкъ видитъ на улицѣ незнакомую даму, и немедленно же отдается во власть нахлынувшихъ на него впечатлѣній. Сердце стучитъ, въ глазахъ потемнѣло, все кругомъ завертѣлось, онъ самъ не свой. Въ этой такъ неожиданно вспыхнувшей любви „нервы“ (глаза) играютъ, конечно, бо́льшую роль, чѣмъ „сердце“. И такъ какъ страсть загорѣлось случайно, помимо воли и желанія, то молодому человѣку кажется, будто все, что съ нимъ произошло, было „заранѣе кѣмъ-то предопредѣлено“.

Дитя капиталистической эпохи, буржуазный интеллигентъ выростаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ атмосферѣ зарождающагося будущаго общественнаго строя — соціализма.

Въ его душѣ неизбѣжно возникаетъ разладъ между сознаніемъ несправедливости существующихъ буржуазныхъ отношеній собственности и своимъ безсиліемъ отъ нихъ отказаться.

„Я знаю, — говоритъ „молодой человѣкъ 1895 г.“, — что существуетъ прибавочная стоимость, что гдѣ-то есть люди, которымъ приходится исполнять столько-то лишней работы для того, чтобы я могъ жить не трудясь, но я никогда не чувствовалъ побужденія вернуть награбленное добро“.

Съ другой стороны, безсильный отказаться отъ своего привилегированнаго положенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно чувствуетъ уколы совѣсти.

„Если я такъ отношусь къ понятію о прибавочной стои-

мости, — продолжаетъ „молодой человѣкъ 1895 г.“ свою исповѣдь, — почему же, спрашивается, не пользуюсь я награбленнымъ съ беззаботностью флибустьера, гранъ-сеньора или крупнаго капиталиста? У меня и на это нѣтъ силы“.

Пассивный неврастеникъ, неспособный жить бодрой, активной жизнью, современный интеллигентъ весь ушелъ въ безплодный самоанализъ, вѣчно копается въ своихъ чувствахъ и мысляхъ, старательно переворачиваетъ и перебираетъ свой внутренній міръ, „пока не придетъ къ счастливому заключенію, что въ немъ нѣтъ ни силы, ни красоты. „Страдая отъ „избытка образованія“, онъ „вылитъ не изъ одного металла, а составленъ изъ разныхъ кусковъ“. Основное его свойство — „половинчатость“.

„Такъ бреду я по пыльной дорогѣ жизни“ — заканчиваетъ свою исповѣдь „молодой человѣкъ 1895 г.“.

Изъ этого міра дряблости, праздности и эгоизма Лангманъ обращаетъ свои взоры съ вниманіемъ и любовью на пролетаріатъ. Онъ имѣетъ несомнѣнно полное право на данное ему однимъ критикомъ почетное имя „поэтъ рабочаго класса“. Но рабочій классъ, изображенный имъ въ своихъ произведеніяхъ, — это не промышленный пролетаріатъ крупныхъ городовъ, борющійся подъ знаменемъ соціализма, а полусознательный, еще не оторвавшійся окончательно отъ земли крестьянинъ-пауперъ экономически отсталыхъ мѣстностей.

Въ Моравіи, откуда родомъ Лангманъ, среди деревень раскинуты немногочисленныя промышленныя предпріятія — преимущественно красильныя заведенія и ткацкія мастерскія, въ которыхъ рядомъ съ машиной еще кое-гдѣ царитъ допотопный станокъ. Рабочіе живутъ еще въ большинствѣ случаевъ въ деревняхъ, гдѣ имѣютъ клочокъ земли, огородъ, хату. Впрочемъ, значительныя части крестьянства все же успѣли обезземелиться. Въ толпѣ пауперовъ кое-гдѣ мелькаетъ характерная физіономія пролетарія. Между рабочими-собственниками и настоящими пролетаріями господствуетъ затаенная вражда, то и дѣло прорывающаяся наружу въ видѣ открытой войны („Шиммель“, „Похмелье“). Экономическая отсталость мѣстности отражается, разумѣется, и на міровоззрѣніи населенія. Въ этихъ деревушкахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большой дороги, нѣтъ мѣста идеаламъ городской демократіи. Соціалистиче-

ская агитація вернувшихся изъ крупныхъ городовъ сознательныхъ товарищей разбивается безслѣдно о каменную преграду закоренѣлыхъ предразсудковъ (драма „Капралъ Штеръ“). Тяжелое матеріальное положеніе моравскаго полупролетаріата приводитъ естественно къ нравственному вырожденію. Нужда заставляетъ рабочихъ падать и юродствовать, измѣнять товарищамъ и возлюбленнымъ, давать ложныя клятвы. „Трудно остаться честнымъ человѣкомъ, когда ѣсть нечего“, говоритъ одинъ. Нужда диктуетъ имъ и очень невысокіе идеалы. „Самое важное для человѣка,— заявляетъ другой,—это ѣсть, пить, быть здоровымъ и имѣть въ карманѣ нѣсколько грошей“. Порой ихъ охватываетъ съ силой навязчивой идеи жажда разбогатѣть случайнымъ образомъ, не трудясь, а даромъ свалившееся къ нимъ богатство дѣлаетъ ихъ скрягами, эгоистами, мотами, и пьяницами („Четыре счастливца“). Пока они еще молоды, пока они еще сами участвуютъ въ борьбѣ за существованіе, они не чувствуютъ всего позора этой рабской зависимости человѣка отъ капитала и земли, всего ужаса „этого господства неодушевленныхъ предметовъ надъ людьми“. Приближаясь къ могилѣ, они точно пробуждаются отъ страшнаго кошмара и умирая проклинаютъ „собственность, которую выдумалъ Діаволъ“ („Гертруда Антлесъ“). Изъ этого темнаго царства нужды и горя, умственной отсталости и нравственнаго вырожденія выходятъ, однако, и свѣтлыя личности, борцы, готовые костьми лечь за свои убѣжденія, товарищи, зовущіе на общее дѣло, идеалисты, мечтающіе весь міръ перестроить такъ, чтобы онъ зацвѣлъ, счастливый и красивый какъ райскій садъ. И какъ только раздается голосъ этихъ пророковъ-борцовъ, падаютъ ницъ измѣнники, поднимаются падшіе, каются грѣшники, пробуждается, заглушенная нуждой и рабствомъ, во всемъ ся величіи совѣсть народа.

Лангманъ не только бытописатель рабочаго класса, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ дѣтей.

Сколько трогательной нѣжности чувствуется въ обрисовкѣ имъ дѣтскихъ головокъ („Бартель Туразеръ“, „Въ субботу вечеромъ“). Задумываясь надъ злосчастной судьбой этихъ малютокъ, обреченныхъ на голодъ и смерть, онъ какъ бы вспоминаетъ слова рабочаго Туразера, потерявшаго своего сына: „Кто знаетъ, изъ нихъ могли бы

выйти талантливые люди — доктора, которые помогали бы страждущему человѣчеству, техники, которые изобрѣтали бы усовершенствованныя машины, учителя, которые зажигали бы свѣтъ правды и знанія въ темныхъ умахъ, а теперь все погибло".

Лангманъ не только поэтъ дѣтей, онъ и другъ животныхъ. Онъ одинъ изъ немногихъ писателей, интересующихся лошадью и собакой не меньше, чѣмъ человѣкомъ, способныхъ въ нихъ отыскать индивидуальную душу („Юла и бездомный", „Трехглазый и смерть").

Въ своей поэзіи Лангманъ отвелъ низшимъ сферамъ природы такое же почтное мѣсто, какъ и низшимъ классамъ общества.

ГЛАВА IV.

Отраженіе соціальнаго вопроса въ драмѣ.

Немногочисленны произведенія новѣйшей австрійской литературы, въ которыхъ изображается великая борьба нашего времени—борьба труда съ капиталомъ.

Среди этихъ произведеній обращаютъ на себя вниманіе двѣ драмы: „Бартель Туразеръ" Лангмана и „Углекопы" Маріи делле Граціе.

Но даже и на этихъ пьесахъ лежитъ печать не пролетарскаго, а интеллигентскаго и буржуазнаго духа.

Драма Лангмана, лучшаго знатока рабочаго быта въ австрійской литературѣ, посвящена не столько соціальной, а скорѣе моральной проблемѣ.

На одной изъ бумагопрядиленъ Моравіи разыгралась стачка. Рабочіе требуютъ повышенія заработной платы. Моментъ для забастовки выбранъ довольно удачный. Ненавидимый рабочими мастеръ Клепель, вѣроятно, завтра будетъ публично выведенъ на свѣжую воду. Мастеръ весьма усердно ухаживалъ за работницей Анной, которой дѣлалъ черезъ ея сестру Марію соотвѣтствующія предложенія, а Марія оповѣстила объ этомъ весь околотокъ. Клепель привлекъ ее къ суду за клевету. Къ счастью, разговоръ между ними слышалъ рабочій Туразеръ, который и выступитъ въ качествѣ свидѣтеля. Оправданіе работницы можетъ благопріятно отравиться на исходѣ стачки.

Узнавъ о притѣсненіяхъ мастера, хозяинъ можетъ повысить заработную плату. Неожиданно разносится вѣсть, что Марія осуждена. Оказывается, Бартель Туразеръ отказался отъ своихъ первоначальныхъ показаній. Рабочіе возмущены. Онъ стало-быть измѣнилъ товарищамъ въ угоду мастеру. Онъ подкупленъ. Оно въ самомъ дѣлѣ такъ. Докторъ предписалъ больному сыну Туразера цѣлый курсъ лѣченія. Гдѣ взять денегъ на лѣкарство, когда ихъ не хватаетъ на хлѣбъ? А мастеръ неотвязно жужжитъ рабочему въ уши, что, если онъ станетъ на его сторону, онъ не только выхлопочетъ ему единовременное пособіе, но и ежегодную прибавку. Въ душѣ Туразера поднимается борьба между долгомъ товарища и долгомъ отца. Подъ вліяніемъ жены рабочій, наконецъ, сдается на предложенія мастера. Однако деньги, полученныя за измѣну, не принесли ему желаннаго счастья. Больной сынокъ, объѣвшись лакомствами, умираетъ. Товарищи, за немногими исключеніями, его бойкотируютъ. И въ довершеніе всего совѣсть такъ и ноетъ и гложетъ! Туразеръ не выдерживаетъ. Онъ публично кается въ своемъ грѣхѣ.

Какъ видно, пьеса Лангмана изображаетъ не борьбу двухъ враждебныхъ классовъ современнаго общества, а борьбу двухъ противоположныхъ чувствъ въ груди рабочаго, при чемъ самыя эти чувства не типичны именно для пролетарской среды: между товарищескимъ и семейнымъ долгомъ можетъ колебаться и представитель другого класса.

Но и помимо этого, въ пьесѣ Лангмана вѣетъ не пролетарскимъ духомъ, на ней лежитъ печать интеллигентскаго творчества.

Авторъ принадлежитъ несомнѣнно къ тому самому поколѣнію слабовольной, пассивной, неврастенической интеллигенціи, разъѣденной страстью къ рефлексіи, неспособной къ бодрой энергической активности, которое онъ такъ мастерски и безпощадно изобразилъ.

Рука „молодого человѣка 1895 г.“ чувствуется прежде всего въ выборѣ центральной фигуры пьесы.

Бартель Туразеръ — рабочій съ душой интеллигента. Это философъ, ломающій голову надъ всевозможными хитрыми вопросами, натура гамлетовская, съ какимъ-то остервенѣніемъ копающаяся въ своемъ внутреннемъ мірѣ, человѣкъ, одаренный до болѣзненности чуткой совѣстью, дохо-

дящій до явныхъ галлюцинацій. Слабый и нерѣшительный, онъ легко подпадаетъ подъ чужое вліяніе: жена, болѣе крѣпкая и прямолинейная, предписываетъ ему, какъ поступать.

Рука слабовольнаго интеллигента сказалась и въ обрисовкѣ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Большинство рабочихъ — такія же пассивныя и дряблыя натуры, какъ стоящій въ центрѣ вниманія Бартель Туразеръ. Женщины (какъ у Гауптмана) куда рѣшительнѣе, энергичнѣе и дѣятельнѣе мужчинъ. Марія совершенно справедливо бросаетъ имъ въ лицо (какъ Луиза въ „Ткачахъ"): „Если сказать правду, вы сами виноваты, что вамъ такъ скверно, потому что вы — бабы. Да, старыя бабы, иначе васъ и назвать нельзя".

Только изрѣдка раздаются голоса „сознательныхъ" товарищей, въ родѣ Мейкснера, людей „новаго времени", утверждающихъ, что „бѣдности не должно быть", что бѣдность приходитъ отъ „несовершеннаго устройства общества", и такъ какъ она не коренится въ „человѣческой природѣ", то и можетъ быть „устранена". Но эти одинокіе голоса почти безслѣдно теряются среди безмолвія стараго міра, съ фаталистической покорностью переносящаго голодъ и рабство. „На нашу долю,—твердятъ старики,—выпало тащить тяжелый возъ во время бездорожья и по солнцепеку. Видно, ужъ такъ свыше предопредѣлено".

Рука слабовольнаго неврастеника-интеллигента, „молодого человѣка 1895 г.", сказывается, наконецъ, и въ томъ, что въ пьесѣ изображается не начало стачки, а ея конецъ, когда боевой подъемъ и горячій энтузіазмъ уже давно смѣнились по всей линіи разочарованіемъ, подавленностью и утомленіемъ.

Пассивный темпераментъ и интеллигентская дряблость помѣшали Лангману создать такую драму, въ которой чувствовалась бы въ самомъ дѣлѣ великая борьба вѣка— борьба сознательнаго организованнаго пролетаріата за свое экономическое и политическое освобожденіе.

Если пьеса Лангмана посвящена въ гораздо большей степени моральной, чѣмъ соціальной темѣ, то въ драмѣ Маріи делле Граціе „Углекопы" классовая борьба понижена до уровня личной вражды.

Въ одной изъ шахтъ, принадлежащихъ капиталисту Либману, много лѣтъ назадъ произошелъ взрывъ, искалѣ-

чившій стараго рудокопа Грубера и убившій его сына. Старикъ воспиталъ его дочерей-сиротокъ. Старшая, Марія, вышла потомъ замужъ за владѣльца шахтъ, младшая, Анна, умираетъ отъ чахотки. Такъ отнялъ капиталистъ Либманъ у рабочаго Грубера не только его здоровье, но и всю его семью. И старикъ ненавидитъ хозяина непримиримой ненавистью. Онъ и знать не хочетъ измѣнницы Маріи, бросившей семью, чтобы стать богатой барыней. Онъ даже наотрѣзъ отказывается принять отъ Либмана деньги на лѣченіе больной внучки. Непреклонный и неумолимый, онъ гордо отказывается отъ всякаго примиренія. Но его ненависть носитъ чисто личный характеръ. Своимъ врагомъ онъ считаетъ капиталиста, а не капиталъ.

И писательница преднамѣренно всюду ставитъ на мѣсто представителей двухъ враждующихъ классовъ двухъ личныхъ враговъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи въ горящей шахтѣ встрѣчаются капиталистъ Либманъ и рабочій Георгъ — единственные уцѣлѣвшіе послѣ взрыва въ шахтѣ Іосифа. – Но они стоятъ другъ противъ друга не какъ олицетворенія класса предпринимателей и класса пролетаріевъ, а какъ люди, имѣвшіе въ жизни свои личные счеты, какъ соперники въ любви, какъ претенденты на руку внучки стараго Грубера—Маріи.

Это стремленіе писательницы во что бы то ни стало классовыя противорѣчія подмѣнить личными отношеніями доходитъ даже до того, что она вставляетъ въ драму совершенно лишнюю въ техническомъ отношеніи, органически съ дѣйствіемъ вовсе не связаную сцену, гдѣ она еще разъ подчеркиваетъ свою основную мысль (конецъ III д.).

Нянька Агнеса разсказываетъ Маріи Груберъ, какъ ея отецъ лишился руки:

Хозяинъ, у котораго онъ служилъ мастеромъ, купилъ новую машину. Мастеръ былъ противъ этого, предвидя возможность несчастья. Хозяинъ поступилъ по-своему. Когда машина была поставлена, мастеръ скоро увидѣлъ, что въ ней „что-то не ладно“. Зная несговорчивость хозяина, онъ промолчалъ.—„Они оба были упрямы и горды“, поясняетъ нянька. Кончилось тѣмъ, что машина убила хозяина и оторвала руку мастеру.

„Они *оба* были виноваты“,— заканчиваетъ нянька свой разсказъ. „Что стоило отцу сказать слово и почему хозяинъ

вѣчно беленился? Оба они были *люди*, ни больше ни меньше. Опасности, крестъ и слезы существуютъ для *всѣхъ* насъ".

Уже эта сцена, возлагающая устами дочери народа отвѣтственность за несчастные случаи въ промышленности (и въ болѣе широкомъ смыслѣ за всѣ страданія пролетаріата) *одинаково* на предпринимателей и рабочихъ, показываетъ, какимъ буржуазнымъ духомъ проникнута пьеса.

Писательница, конечно, не можетъ отрицать, что капиталистическая система производства основана на эксплоатаціи, порой доходящей до массоваго убійства рабочихъ. Она даже очень тонко показываетъ, какъ капиталистъ Либманъ, человѣкъ по существу не злой, а скорѣе даже благодушный и благожелательный, каждый разъ, какъ только затронуты бываютъ его предпринимательскіе интересы, интересы прибыли, превращается какъ-то стихійно въ жестокаго и безсовѣстнаго рабовладѣльца.

А если капиталистическая система производства основана на рабствѣ и эксплоатаціи, то, спрашивается, какой выходъ существуетъ изъ этого мрака для рабочаго класса? Можетъ быть, этотъ выходъ въ организаціи? Очевидно, нѣтъ, потому что углекопы представляютъ совершенно неорганизованную толпу. Можетъ быть, этотъ выходъ въ стачкѣ? Очевидно нѣтъ, потому что за нее стоятъ только нѣсколько „горячихъ головъ". Можетъ быть, этотъ выходъ въ бунтарской вспышкѣ? Очевидно нѣтъ, потому что большинство покорно спускается въ шахту Іосифа, зная напередъ, что никто оттуда живымъ не вернется. Въ такомъ случаѣ гдѣ же выходъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ работница Лена. Пусть люди уподобятся лунѣ. Спокойно освѣщаетъ она страданія и несправедливости, которыми такъ богата жизнь. Она точно говоритъ: „Смотрите, я все вижу — и кто страдаетъ, и кого обидѣли — и все-таки не падаю съ неба, *а исполняю свой долгъ;* слѣдуйте моему примѣру и вы, несчастные!"

Такова тенденція пьесы.

Буржуазная натура Маріи делле Граціе помѣшала ей, какъ Лангману его интеллигентская пассивность, создать такую драму, въ которой чувствовалось бы въ самомъ дѣлѣ великая борьба вѣка — борьба организованнаго сознательнаго пролетаріата за свое экономическое и политическое освобожденіе.

Скандинавія.

ГЛАВА I.

Гибель старой жизни.

Во второй четверти XIX столѣтія капитализмъ воцарялся постепенно и на Скандинавскомъ полуостровѣ.

Старая жизнь умирала.

Значительная часть аристократіи шла навстрѣчу вырожденію.

Въ литературѣ одной изъ излюбленныхъ темъ становится изображеніе вымирающихъ дворянскихъ родовъ, „поколѣній, для которыхъ нѣтъ надеждъ“.

Такъ озаглавленъ одинъ изъ романовъ датскаго писателя Г. Банга.

Вильямъ Гегъ (Hög) — послѣдній отпрыскъ старинной фамиліи, вписавшей свое имя въ исторію страны. Юношей онъ уже проникается мыслью, что на немъ лежитъ святая обязанность „поднять свой родъ такъ же высоко, какъ низко онъ палъ“. Каждый день навѣщаетъ онъ церковь, гдѣ за оградой покоится прахъ его предковъ. „Здѣсь онъ чувствовалъ себя хорошо: онъ стоялъ на почвѣ, которой *они* владѣли. Здѣсь онъ не былъ одинокимъ: надъ нимъ витали ихъ тѣни. Вспоминая о прошломъ могуществѣ своего рода, мечтая о роли „искупителя“, онъ чувствовалъ, какъ „сердце его сильнѣе билось, горячѣе текла по жиламъ кровь, и безумная гордость охватывала все его существо“.

Отравленный наслѣдственнымъ недугомъ, придавленный врожденнымъ безсиліемъ, сынъ сумасшедшаго отца и чахоточной матери, онъ терпитъ позорное крушеніе. При всей его талантливости ему не дано совершить ничего великаго

ни въ качествѣ артиста, ни въ области науки, ни въ сферѣ литературы. Спаситель славы старой дворянской фамиліи, онъ падаетъ все ниже и, не желая стать негодяемъ, кончаетъ съ собою.

„Не осуждай меня,—пишетъ онъ другу наканунѣ смерти.— *Я хотѣлъ совершить подвигъ и оказался безсильнымъ.* Въ этомъ трагизмъ моей жизни. Прощай же. *Нашъ родъ вымираетъ*". Та же тема о вырожденіи древней аристократіи затронута въ пьесѣ шведскаго писателя Стриндберга „Графиня Юлія".

Послѣдній отпрыскъ дворянской фамиліи, графиня чувствуетъ, что въ ея жилахъ течетъ зараженная кровь, что она осуждена на гибель, что для нея нѣтъ надежды. „Порой мнѣ снится,—разсказываетъ она,—будто я сижу на высокой башнѣ. Когда я смотрю внизъ, у меня голова начинаетъ кружиться. И все же я прекрасно понимаю, что мнѣ *нужно* сойти; у меня только нѣтъ мужества броситься внизъ. И все-таки я знаю, что успокоюсь только тогда, когда спущусь *внизъ*, на землю. А если я сойду, я вѣроятно захочу спрятаться въ самую землю".

Отъ отца графиня Юлія унаслѣдовала слабый головной мозгъ, легко поддающійся постороннимъ внушеніямъ, а отъ матери—извращенный половой инстинктъ. Опутанная этими врожденными качествами, испорченная безалабернымъ воспитаніемъ, возбужденная праздничной сутолокой Ивановой ночи, она, наконецъ, спускается съ высоты своей башни на землю – отдается лакею, съ которымъ хочетъ бѣжать, взломивъ отцовскій шкапъ. Въ рѣшительную минуту графиня Юлія предпочитаетъ, однако, позору смерть. Для ея старой фамиліи нѣтъ надежды. „Старикъ-отецъ умретъ отъ удара, — думаетъ она.—Наступитъ конецъ. Воцарится тишина, покой, вѣчный покой. Надъ могилой графа разобьютъ дворянскій гербъ: *нашъ старый родъ вымеръ*".

Другіе представители отживавшаго барства пытались спастись при помощи „опрощенія".

Рядомъ съ типомъ вырождающагося аристократа появляется въ литературѣ типъ „кающагося дворянина".

Наиболѣе яркимъ памятникомъ этого направленія является романъ шведской писательницы Сельмы Легерлефъ „Геста Берлингъ".

Въ одномъ изъ помѣстій около озера Лефъ, въ одино-

комъ флигелѣ, отведенномъ владѣлицей имѣнія для безпріютныхъ бродягъ, жили двѣнадцать „кавалеровъ"—поэтовъ, философовъ, музыкантовъ. Между тѣмъ какъ кругомъ на желѣзныхъ заводахъ раздавались съ утра до вечера удары молотовъ, они безпечно бражничали и травили медвѣдей. Кавалеры были убѣждены, что „если бы на свѣтѣ не было ихъ, то исчезли бы игры и пляски, увяли бы всѣ цвѣты". Изгнавъ свою благодѣтельницу, они завладѣли ея помѣстьями. „Скоро зараза распространилась по всей окрестности. Сначала она коснулась желѣзныхъ заводовъ и сосѣднихъ имѣній, соблазняя людей къ грѣхамъ и несправедливостямъ. Потомъ она перешла и въ деревню, отъ одной хаты перекидываясь на другую. Всѣ жители мѣстности стали мечтать о красивой жизни, о пляскахъ и шуткахъ, объ играхъ и пьянствѣ. Повсюду воцарился духъ авантюры, духъ безпечности и разнузданности".

Только немногіе умные люди понимали опасность, грозившую странѣ отъ кавалеровъ.

„Тамъ живутъ наши враги,—говорили они, проходя мимо ихъ усадьбы,—они высасываютъ мозгъ изъ страны, отучаютъ насъ отъ труда и совращаютъ молодое поколѣніе".

Среди этихъ „кавалеровъ" особенно выдѣлялся бывшій священникъ Геста Берлингъ. Онъ пьянствовалъ и пѣлъ. похищалъ женщинъ и травилъ медвѣдей. Никто, какъ онъ, не умѣлъ такъ искусно превращать жизнь въ поэтическій праздникъ, сѣрые будни—въ радужную сказку.

Потомъ въ груди „кавалера" проснулось раскаяніе. Онъ понялъ, какъ много онъ грѣшенъ передъ труженикомъ-народомъ, понялъ, что любитъ этихъ „жалкихъ людей въ грубыхъ рубахахъ и вонючихъ сапогахъ", не умѣющихъ ни „читать, ни писать", не знающихъ, какъ „богата и разнообразна жизнь". Онъ рѣшилъ искупить свой грѣхъ!

„Отнынѣ я буду жить такъ же бѣдно, какъ живутъ мужики,—сказалъ онъ себѣ.—Я буду самъ трудиться".

Примѣру Гесты послѣдовали остальные „кавалеры". И они принялись работать не ради „денегъ", а ради „чести".

Наступила рождественская ночь. Во флигелѣ, гдѣ такъ недавно еще безчинствовали „кавалеры", умирала пріютившая ихъ нѣкогда благодѣтельница, ими потомъ изгнанная. Вдругъ въ ночной тишинѣ раздался глухой ударъ, потомъ другой, третій: на желѣзныхъ заводахъ „кавалеры" при-

нялись за работу. И Геста, стоявшій у одра умирающей, радостно воскликнулъ:

„Слышишь! Тамъ раздается твоя посмертная слава. То— не шутки пьяныхъ кавалеровъ. То—побѣдный гимнъ труда. Спи мирнымъ сномъ! Твои владѣнія станутъ пріютомъ для труда, для счастья“.

Собравъ товарищей, Геста обратился къ нимъ съ прощальной рѣчью. Они пришли какъ „рыцари“ въ „страну желѣза“, съ намѣреніемъ создать кругомъ царство радости. Стремясь къ *счастью,* они забыли *справедливость.* Какъ сочетать эти два понятія? Теперь, вступивъ на путь *отреченія, труда* и *любви,* они, наконецъ, нашли рѣшеніе вопроса. Теперь они могутъ съ спокойной совѣстью сказать: мы уготовляемъ почву для „Божьяго царства на землѣ“.

По тому же пути покаянія идутъ и офицеры, и священники, и женщины.

И скоро все измѣнилось въ „странѣ желѣза“.

„Наступаетъ свѣтлое время!“—говорили въ народѣ. „Кавалеры принялись за работу. Священникъ каждое воскресенье бесѣдуетъ съ нами о пришествіи Божьяго царства. Кому придетъ теперь охота грѣшить! Мы будемъ любить другъ друга. Такъ подготовимъ мы почву для Божьяго царства на землѣ“.

Между тѣмъ какъ старое барство, вырождаясь или опрощаясь, подавало въ отставку, шло къ закату, ему на смѣну явились новые люди—строители новаго буржуазнаго общества.

Они вышли изъ темнаго низа.

Исторія ихъ восшествія разсказана между прочимъ въ романѣ норвежскаго писателя Кьеланда „Яковъ“.

Тёррес—сынъ крестьянина—отправляется въ ясный лѣтній день въ городъ, съ цѣлью его завоевать. „И когда онъ шелъ, казалось, будто золотое сіяніе солнца врывалось въ его душу, проникало въ его глаза. Въ немъ самомъ все было золото: онъ ни о чемъ другомъ не думалъ, ничего другого не видѣлъ. Такъ шелъ онъ, весь закованный въ золотую броню, къ городу, который представлялся ему весь набитый золотомъ, золотомъ и женщинами“.

Въ городѣ деревенскій парень скоро сколотилъ себѣ капиталъ бережливостью, ростовщичествомъ и воровствомъ, и быстро пошелъ въ гору. „Онъ былъ грозой конкурен-

товъ, какъ паукъ высасывая ихъ кровь. Глаза его были вездѣ: гдѣ только можно было заработать лишній шиллингъ, онъ протягивалъ свою безсовѣстную лапу, отгоняя болѣе слабыхъ отъ добычи. Если рядомъ съ нимъ расцвѣтала скромная фирма, онъ оказывалъ давленіе на кредитъ, клеветалъ на хозяина, перебивалъ у него иностранныхъ покупателей. Онъ былъ вездѣсущъ, принимая участіе въ пароходныхъ компаніяхъ и биржевыхъ спекуляціяхъ. И передъ нимъ падали ницъ, какъ передъ новымъ богомъ—Молохомъ".

Когда Тёрресъ получилъ первый орденъ за свою полезную общественную дѣятельность, добродѣтельные обыватели глубоко призадумались: „Стоило ли послѣ этого и самому жить честно, и дѣтей пріучать къ порядочности, если ложь и жадность оказывались болѣе надежными средствами дѣлать карьеру?"

Опьяненный своимъ могуществомъ, Тёрресъ рѣшилъ сдѣлаться депутатомъ. Узнавъ, что среди рабочихъ онъ не пользуется особенной популярностью, онъ сталъ на всѣхъ перекресткахъ кричатъ, что ихъ руководители—соціалисты, хотя въ дѣйствительности они воспитались исключительно на св. Писаніи. Услужливыя газеты подхватили слова всемогущаго капиталиста и напечатали воззваніе къ полицейскимъ властямъ. Рабочіе рѣшили воздержаться отъ выборовъ, и Тёрресъ былъ единогласно избранъ депутатомъ.

Одинъ только разъ онъ выступилъ въ палатѣ.

Тёрресъ говорилъ по поводу билля о школьномъ образованіи. Онъ скромно указывалъ на себя. Сынъ народа, онъ не получилъ никакого образованія и не читалъ ни одной книги, зато онъ сохранилъ въ сердцѣ дѣтскую вѣру въ Бога, а Богъ помогалъ ему, какъ нѣкогда своему избраннику Якову. Чѣмъ шире распространится въ массахъ просвѣщеніе, тѣмъ больше опасность для наивной вѣры. Въ заключеніи своей рѣчи Тёрресъ просилъ высокую палату подчинить народное образованіе контролю церкви.

И Тёрресъ прослылъ во всей странѣ надежнѣйшимъ оплотомъ порядка и религіи.

ГЛАВА II.

Наканунѣ воцаренія капитализма. Ибсенъ.

По мѣрѣ того какъ на Скандинавскомъ полуостровѣ развивались новыя буржуазныя отношенія, въ городахъ отмирала старая патріархальная мелко-мѣщанская жизнь.

Общество стояло наканунѣ капиталистической цивилизаціи.

Этотъ захватывающій историческій моментъ лучше всего отразился въ произведеніяхъ норвежскаго писателя Ибсена.

Самъ авторъ всѣмъ своимъ міровоззрѣніемъ стоялъ, однако, на почвѣ именно этой отмиравшей мелкобуржуазной старины.

Вотъ почему въ драмахъ Ибсена процессъ превращенія Норвегіи изъ мелкобуржуазной въ капиталистическую страну изображенъ не объективно, а сквозь призму симпатій, настроеній и вѣрованій, свойственныхъ человѣку, характеръ котораго слагался въ атмосферѣ однообразной, патріархальной мѣщанской жизни.

Ибсенъ видѣлъ съ восторгомъ, какъ кругомъ расцвѣтала новая жизнь, раскрывались свѣтлыя перспективы, повѣяло воздухомъ большихъ европейскихъ городовъ.

„Мы живемъ въ бурное время перелома!" — восклицаетъ одинъ изъ его героевъ (Брендель въ „Росмерсгольмѣ"). Очень многіе изъ главныхъ лицъ въ его пьесахъ охвачены именно этимъ сознаніемъ, что наступаетъ конецъ старой обывательщинѣ, настаетъ время, когда можно свободно дышать, когда становится весело жить.

„Какое счастье, — восклицаетъ докторъ Стокманъ („Врагъ народа"), — жить среди этой молодой, всюду пробуждающейся жизни, точно брызжущей изъ всѣхъ поръ. Какое чудесное время! Вокругъ точно расцвѣтаетъ цѣлый новый міръ! Развертываются виды на будущее, видишь безчисленное множество задачъ, для которыхъ стоитъ бороться, стоитъ работать!"

Герои Ибсена съ упоеніемъ бросаются въ эту расцвѣтающую кругомъ жизнь, чтобы участвовать въ творчествѣ новаго міра. И этотъ новый міръ, который они хотятъ создать, представляется имъ очень отчетливо, какъ міръ крупно-капиталистическаго производства.

„Подумайте, — восклицаетъ консулъ Берникъ, задумавшій

проложить желѣзную дорогу къ родному городу („Столпы общества"),—подумайте, какимъ могучимъ рычагомъ послужитъ это для подъема благосостоянія всего нашего общества! Какія лѣсныя угодья станутъ доступны, какія богатые рудники откроются для разработки! Какой просторъ явится для фабричной жизни!"

Всѣ „знающіе люди" въ городѣ убѣждены, что тогда въ самомъ дѣлѣ начнется въ его жизни „новая эра". Та же жажда творчества во имя капиталистической промышленности кипитъ и въ груди Джона Боркмана, который мечталъ „объединить въ своихъ рукахъ всѣ богатства, покоящіяся въ нѣдрахъ земли", и ими потомъ „благодѣтельствовать тысячи и тысячи людей". Въ странѣ, скованной мертвящимъ зимнимъ холодомъ, онъ хотѣлъ насадить кипучую и могучую жизнь, полную лихорадочной дѣятельности. „Шумятъ, гудятъ заводы и фабрики!" восклицаетъ онъ, упоенный своимъ грандіознымъ видѣніемъ. „Работа кипитъ днемъ и ночью. Вертятся колеса, мелькаютъ валы. Приходятъ и уходятъ пароходы, соединяя народы и страны, разнося тепло и свѣтъ къ очагамъ тысячи человѣческихъ семействъ".

Новая жизнь требовала и новыхъ людей.

Капиталистическая система производства зиждется на эгоизмѣ и эксплоатаціи, и безъ нихъ не можетъ существовать.

Въ душѣ самого Ибсена, однако, унаслѣдованныя отъ мелко-мѣщанской старины настроенія были еще такъ сильны и прочны, что мѣшали ему создать вѣрные типы этихъ новыхъ строителей общества. Обыкновенно его герои обладаютъ поэтому стремленіями и аппетитами, свойственными людямъ эпохи крупно-капиталистическаго производства, противъ которыхъ, однако, рѣшительно протестуетъ ихъ натура (совѣсть), сложившаяся въ эпоху патріархальной мѣщанской жизни.

Консулъ Берникъ („Столпы общества") постоянно ссылается на примѣръ „большихъ странъ", гдѣ люди „не боятся жертвъ ради великаго дѣла", и самъ старается въ своей дѣятельности стать на точку зрѣнія этихъ „большихъ странъ": ему ничего не стоитъ выбросить на улицу рабочихъ, запятнать репутацію невиннаго человѣка, обмануть довѣріе согражданъ, пустить въ море отвратительно вы-

строенный пароходъ. Личная выгода, которую онъ умѣло маскируетъ принципомъ общественной пользы, является для него единственнымъ нравственнымъ закономъ. Свое благосостояніе онъ строитъ на разрушеніи и лжи. По своимъ взглядамъ и по своей морали онъ въ самомъ дѣлѣ—новый человѣкъ, представитель зарождающагося капитализма. Консулъ Берникъ не выдерживаетъ до конца. Подъ вліяніемъ рѣчей прежней возлюбленной (Лоны) онъ приноситъ публичное покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Совѣсть, унаслѣдованная отъ патріархальной мѣщанской старины, оказывается въ немъ сильнѣе, нежели новая мораль, созданная условіями крупно-капиталистическаго производства.

Ибсенъ надѣляетъ этимъ противорѣчіемъ между старыми инстинктами и новымъ міровоззрѣніемъ не только своихъ капиталистовъ, а также и интеллигентовъ.

Строитель Сольнесъ провозглашаетъ своимъ идеаломъ скандинавскихъ викинговъ, которые „отплывали на корабляхъ въ чужія страны, грабили, жгли, убивали людей и похищали женщинъ“. Онъ и самъ хотѣлъ бы такъ жить. У него аппетиты человѣка капиталистической эпохи. Но по существу онъ остался продуктомъ мелкобуржуазной среды съ ея гораздо болѣе гуманными отношеніями. Совѣсть его (по словамъ Гильды) черезчуръ „нѣжная“ и „хилая“, „не способная выдержать схватки“, „неспособная взвалить на себя что-нибудь потяжелѣе“: онъ поэтому постоянно бичуетъ себя за свой эгоизмъ.

Такъ точно и пасторъ Росмеръ („Росмерсгольмъ“) при всемъ своемъ вольнодумствѣ, воспринятомъ изъ расцвѣтающей кругомъ молодой жизни, не въ силахъ осуществить своей мечты (жениться на Ребеккѣ Вестъ), потому что онъ купилъ бы свое счастье цѣной разрушенія чужой жизни (жизни покойной жены). Совѣсть „предковъ“ и въ немъ оказывается сильнѣе новой морали.

Часто и ибсеновскія женщины страдаютъ этимъ разладомъ между унаслѣдованными инстинктами (совѣстью) и эгоизмомъ, свойственнымъ людямъ капиталистической эпохи. Такъ, Гильда думала отбить строителя Сольнеса у его жены, построить свое счастье на чужомъ несчастьи. Ближе познакомившись съ его женой, она уже не „смѣетъ“ протянуть руку за „счастьемъ своей жизни“. Она находитъ подобное отреченіе „нелѣпымъ“. Она сомнѣвается даже,

имѣетъ ли человѣкъ вообще „право“ такъ поступать. И все же совѣсть и въ ней сильнѣе новой морали.

Словомъ, Ибсенъ надѣлялъ, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, людей новаго времени—капиталистической эпохи—психикой, приспособленной лишь къ условіямъ патріархальной, мелкобуржуазной жизни.

Какъ только въ мелкобуржуазномъ обществѣ начинають развиваться капиталистическія отношенія, оно немедленно диференцируется на классы и группы, которые въ свою очередь вызывають къ жизни тѣ или другія партіи.

Обыватель—этотъ типическій продуктъ мелкобуржуазнаго строя—превращается неожиданно въ политика.

Именно такой моментъ диференціаціи на классы и партіи переживала современная Ибсену Норвегія.

Въ пьесѣ „Росмерсгольмъ“ самъ Ибсенъ превосходно сфотографировалъ этотъ любопытный переломъ въ настроеніи общества.

Директоръ учебнаго заведенія Кролль, всю жизнь занимавшійся исключительно своими учениками, неожиданно превращается въ „политическаго агитатора“, въ лидера консервативной партіи. Босякъ-пропойца Брендель и тотъ считаетъ своей нравственной обязанностью выступать ораторомъ на публичныхъ митингахъ. И даже робкій кабинетный ученый—пасторъ Росмеръ—чувствуетъ потребность выйти на шумную площадь для защиты своихъ идей. Въ семействахъ, гдѣ раньше царило полное единодушіе, теперь прошла рѣзкая грань между родителями и дѣтьми (семья директора Кролля). Въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ молодежь раньше безусловно довѣряла авторитету педагоговъ, она становится въ рѣзкую идейную оппозицію начальству (училище директора Кролля).

Выросшій въ обстановкѣ мелко-мѣщанскаго быта, Ибсенъ никакъ не могъ приспособиться къ этимъ новымъ политическимъ условіямъ времени. Дѣленіе общества на партіи представлялось ему страшнымъ зломъ. Люди научаются безсовѣстно клеветать другъ на друга, порочить ближняго, обманывать общество—все ради партійной выгоды, ради партійныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи либералы нисколько не лучше консерваторовъ. Они одинаково безчестные памфлетисты и агитаторы (какъ консерваторъ Кролль въ пьесѣ „Росмерсгольмъ“ и либералъ Стенс-

горъ въ комедіи „Союзъ молодежи“.) Законодателемъ жизни, творцомъ общественнаго мнѣнія становится ежедневная пресса, которую направляютъ, по словамъ домовладѣльца Аслаксена („Врагъ народа“) не редакторы, а „подписчики“, „публика“. „Мнѣніе большинства“, мнѣніе партіи становится высшимъ закономъ.

Сплоченной партіи Ибсенъ противополагаетъ одинокого (внѣпартійнаго) интеллигента. Не невѣжественная масса, а „умственная аристократія“ обязана, по словамъ доктора Стокмана, „судить и рядить“, „вѣдать и править“.

Такую внѣпартійную интеллигенцію мечтаетъ создать докторъ Стокманъ путемъ особаго воспитанія въ надеждѣ, что она снова возстановитъ уничтоженную партійной борьбой „нравственность и справедливость“. Такъ точно пасторъ Росмеръ думаетъ путемъ просвѣщенія подготовить почву для „истиннаго общественнаго мнѣнія“, мѣсто котораго теперь занимаетъ партійный предразсудокъ. Онъ самъ не принадлежитъ ни къ одной изъ враждующихъ партій. Свою главную задачу онъ усматриваетъ въ томъ, чтобы „примирить людей“, „сблизить ихъ проповѣдью любви“. „Какое бы счастье было жить,—восклицаетъ онъ,—если бы это удалось сдѣлать! Исчезли бы ненависть и ссоры. Ихъ мѣсто заняло бы соревнованіе. Глаза *всѣхъ* устремлялись бы къ *одной* и *той* же цѣли. Этой цѣлью было бы *всеобщее* счастье, созданное усиліями всѣхъ“. Классовыя и партійныя противорѣчія, свойственныя капиталистическому обществу, должны и могутъ быть уничтожены, по мнѣнію Ибсена, типическаго представителя мелкобуржуазной среды, просвѣтительной дѣятельностью внѣклассовой и потому внѣпартійной интеллигенціи.

Враждебное отношеніе Ибсена къ партіямъ доходило порой до болѣзненной маніи, до настоящей idée fixe.

Докторъ Стокманъ—этотъ alter ego Ибсена—видитъ *главное* зло современной жизни именно въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ люди безъ исключенія стали „рабами партіи“, совершенно забывая, что самая партійная группировка есть лишь слѣдствіе кипящей въ нѣдрахъ буржуазнаго общества классовой борьбы, и усматриваетъ единственное спасеніе отъ воцарившейся кругомъ лжи въ уничтоженіи партійнаго духа, въ томъ, чтобы „всѣхъ сѣрыхъ волковъ (т.-е. партійныхъ вождей) прогнать далеко

за море“, совершенно забывая, что отсутствіе партійности было возможно (до извѣстной степени) лишь въ мало диференцированномъ мелкобуржуазномъ обществѣ и станетъ вновь возможнымъ лишь въ будущемъ соціалистическомъ строѣ.

Какъ ни радовался Ибсенъ „расцвѣтавшей кругомъ новой жизни“, онъ скоро понялъ, какъ и его любимецъ докторъ Стокманъ, что она „отравлена“ въ самомъ своемъ „источникѣ“, что она представляетъ огромную опасность для (физическаго и духовнаго) „здоровья“. Эта „брызжущая изъ всѣхъ поръ“ новая жизнь „выворачивала на изнанку“ „справедливость и нравственность“, такъ что Ибсену, какъ и доктору Стокману „жить становилось страшно“.

И Ибсенъ, какъ и его любимецъ, сдѣлался „врагомъ народа“, врагомъ капиталистическаго общества.

Первоначально онъ, впрочемъ, вѣрилъ въ возможность реформировать буржуазный строй, основать его на началахъ гуманности, довѣрія, благожелательности.

Такъ, консулъ Берникъ приноситъ въ концѣ пьесы публичное покаяніе въ своихъ грѣхахъ, и даетъ обѣщаніе отнынѣ построить свои отношенія къ семьѣ и къ рабочимъ на устояхъ доброты и любви.

Если всѣ капиталисты послѣдуютъ примѣру консула Берника, думалъ Ибсенъ, то капиталистическая система производства представитъ не только болѣе совершенную въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ форму соціальнаго развитія, она не уничтожитъ и ту болѣе высокую нравственность, которая была свойственна мелкомѣщанскому укладу жизни.

Ибсенъ вскорѣ понялъ, что эта реформа буржуазнаго общества можетъ осуществиться лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Взгляды поэта начинаютъ окрашиваться въ черный цвѣтъ пессимизма.

Когда докторъ Стокманъ сталъ доказывать своимъ согражданамъ, что та новая жизнь, которую они строютъ, покоится на „лжи и обманѣ“, то противъ него ополчаются рѣшительно всѣ классы и группы общества: администрація, союзъ домовладѣльцевъ, пресса, рабочіе, обыватели и т. д. Для доктора Стокмана становится съ каждымъ

днемъ все яснѣе, что въ этомъ буржуазномъ обществѣ, которое *пока* несомнѣнно покоится на „лжи и обманѣ“, *правда* воцарится лишь тогда, когда подрастутъ новыя поколѣнія „благородныхъ и свободныхъ людей“, которыя и возстановятъ снова поруганную „справедливость“ и исчезнувшую „нравственность“.

Неутомимый борецъ за правду принимается поэтому дѣятельно, съ обычнымъ оптимизмомъ и обычнымъ энтузіазмомъ воспитывать молодежь — будущую внѣпартійную интеллигенцію — въ такомъ духѣ, чтобы она впослѣдствіи могла угнать „за море“ „сѣрыхъ волковъ“, вождей партій, творцовъ обмана и служителей лжи.

Ибсенъ скоро понялъ, что его любимый герой, его литературный двойникъ, не болѣе какъ наивный Донъ-Кихотъ.

Проповѣдывать буржуазному обществу необходимость построить свою жизнь на правдѣ, а не на лжи и обманѣ, не значитъ ли это совѣтовать ему перестать быть *буржуазнымъ* обществомъ?

Пока будутъ существовать современныя экономическія отношенія, люди всегда будутъ гнать отъ себя апостоловъ правды, какъ Грегерсъ Верле („Дикая утка“), и считать своимъ духовнымъ вождемъ доктора Реллинга (тамъ же), проповѣдующаго имъ, что „*ложь* есть жизненная стихія рядового человѣка“.

Такъ постепенно пришелъ Ибсенъ къ тому убѣжденію, что буржуазное общество не можетъ быть реформировано изнутри него самого.

Быть можетъ, его возрожденіе придетъ отъ другого класса, отъ пролетаріата?

Если вѣрить нѣкоторымъ заявленіямъ Ибсена, то онъ, повидимому, придерживался именно этого взгляда, другими словами, былъ соціалистомъ.

Когда рабочіе — соціалъ-демократы — города Троньема устроили въ честь поэта демонстрацію, онъ въ своей отвѣтной рѣчи между прочимъ сказалъ, что только аристократическій духъ можетъ возродить родное общество, а придетъ этотъ аристократическій духъ съ двухъ сторонъ: „отъ нашихъ женщинъ и нашего пролетаріата“.

Въ другой разъ, когда Ибсенъ узналъ, что пролетаріатъ столицы устроилъ ему овацію, онъ писалъ одному общес-

ственному дѣятелю, что онъ весьма сожалѣетъ, что его „способности не позволяютъ ему, къ сожалѣнію, работать непосредственно во имя освобожденія пролетаріата“. „Но вы можете сказать соціалъ-демократамъ, — прибавлялъ онъ, — что изъ всѣхъ существующихъ въ нашей странѣ классовъ наиболѣе близкимъ моему сердцу является именно пролетаріатъ. Я вѣрю, что ему принадлежитъ побѣда, и заранѣе радуюсь этой побѣдѣ!“

Такъ разсуждалъ *мыслитель*, наблюдатель Ибсенъ.

Ибсенъ же, какъ представитель мелкобуржуазной среды, относился иначе къ рабочему классу. Въ тѣхъ немногихъ пьесахъ, гдѣ онъ изображаетъ представителей пролетаріата, онъ видитъ въ нихъ не прогрессивную, а реакціонную силу. Въ „Столпахъ общества“ рабочій Ауне рѣзко протестуетъ противъ введенія новыхъ машинъ, выбрасывающихъ на улицу тысячу рабочихъ, что̀ ему, впрочемъ, не мѣшаетъ въ концѣ пьесы, когда капиталистъ обѣщаетъ стать добрымъ отцомъ своихъ подчиненныхъ, охотно согласиться на введеніе этихъ самыхъ машинъ, а въ „Врагѣ народа“ рабочіе безъ размышленій примыкаютъ къ господствующей буржуазіи въ ея борьбѣ противъ апостола правды.

Въ послѣдующихъ пьесахъ Ибсена—именно въ тотъ періодъ, когда онъ, окончательно разочаровавшись во всѣхъ разновидностяхъ мѣщанства, возлагалъ, повидимому, всѣ свои надежды на пролетаріатъ, какъ спасителя и обновителя общества, — рабочій классъ ни разу болѣе не появляется.

Въ высшей степени характеренъ также разговоръ, происходившій между Ибсеномъ и вождемъ австрійской соціалъ-демократіи Викторомъ Адлеромъ. Рѣчь зашла о партійной дисциплинѣ. Между тѣмъ какъ Адлеръ доказывалъ, что партійная дисциплина является лучшей гарантіей успѣховъ пролетаріата, Ибсенъ возражалъ, что она губитъ свободу личности. Когда австрійскій соціалъ-демократъ отчаялся переубѣдить своего оппонента, онъ бросилъ ему въ лицо: „Вы—анархистъ!“—„Да,—спокойно отвѣтилъ Ибсенъ,—я анархистъ“.

Да и какъ могъ въ самомъ дѣлѣ ждать исцѣленія отъ всѣхъ недуговъ отъ партіи пролетаріата человѣкъ, который всю жизнь съ пѣной у рта боролся противъ всякихъ

партій? Какъ могъ ждать обновленія общества отъ диктатуры пролетаріата человѣкъ, который въ гораздо большей степени вѣрилъ въ диктатуру интеллигенціи?

И въ своихъ взглядахъ на дальнѣйшее развитіе современнаго ему общества Ибсенъ былъ типическимъ представителемъ мелкобуржуазной среды.

Какъ весь тотъ классъ, изъ котораго вышелъ Ибсенъ,— классъ, занимающій промежуточное положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ,—и самъ Ибсенъ всю жизнь въ нерѣшительности колебался *между* капитализмомъ и соціализмомъ!

Дитя промежуточнаго класса, обреченнаго историческимъ ходомъ вещей на вымираніе, мелкій буржуа, не видѣвшій нигдѣ ни спасенія, ни выхода, ни въ капитализмѣ, ни въ соціализмѣ, Ибсенъ былъ безнадежный фаталистъ.

Онъ не вѣрилъ въ свободу воли, въ самоопредѣленіе личности.

Человѣкъ является въ его глазахъ не болѣе какъ продуктомъ унаслѣдованныхъ отъ предковъ физіологическихъ и психическихъ качествъ. Судьба его предопредѣляется заранѣе судьбою предковъ. Надъ нимъ виситъ, какъ въ вѣрованіяхъ индусовъ, законъ кармы. По наслѣдству передаются физическія болѣзни, разрушающія духовный міръ потомства (Ранкъ, Освальдъ). Передаются по наслѣдству и психическіе недуги, заставляющіе дѣтей повторять ошибки родителей (Нора, Регина). Сыновья наслѣдуютъ отъ отцовъ даже ихъ міровоззрѣніе, извѣстный строй идей, мѣшающій имъ устроить свою жизнь такъ, какъ бы имъ хотѣлось (Росмеръ).

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда налицо нѣтъ опредѣленно выраженной наслѣдственности, человѣкъ все же не свободенъ въ своихъ поступкахъ. Онъ всегда въ рукахъ какихъ-то невѣдомыхъ таинственныхъ внутреннихъ силъ, распоряжающихся его психикой. Его сознательная воля (разумъ) гораздо слабѣе его безсознательно-стихійной воли (Ребекка Вестъ). Человѣкъ становится въ концѣ-концовъ слѣпой игрушкой въ рукахъ какихъ-то трансцендентныхъ силъ, переселяющихся въ его душу. Строитель Сольнесъ называетъ ихъ „троллями". „Въ каждомъ человѣкѣ сидитъ такой тролль,—говоритъ онъ,—и человѣку волей-неволей приходится сдаваться". Онъ со всѣхъ

сторонъ окруженъ добрыми и злыми, черными и бѣлокурыми „бѣсами“, которые накладываютъ на него свою руку.

Человѣкъ дѣйствуетъ безсознательно не только подъ вліяніемъ унаслѣдованныхъ привычекъ и стихійныхъ влеченій, а также подъ вліяніемъ воспринятыхъ отъ прошлаго отвлеченныхъ идей и нравственныхъ постулатовъ, уже потерявшихъ всякое реальное содержаніе. „Въ насъ,— говоритъ фру Альвингъ („Привидѣнія“), — проявляется не только то, что перешло къ намъ по наслѣдству отъ отца и матери, а даютъ себя знать и всякія старыя, отжившія понятія и вѣрованія. Все это не живетъ въ насъ, и все-таки сидитъ въ насъ такъ крѣпко, что его нельзя выжить“.

Вся исторія человѣчества не есть ли она блестящее подтвержденіе теоріи несвободы человѣческой воли? Императоръ Юліанъ („Кесарь и Галилеянинъ“) сознательно стремился къ возстановленію язычества, шелъ сознательно противъ историческаго развитія, и вся его борьба, всѣ его усилія и стремленія привели только къ тому, что восторжествовали его враги, воцарилось христіанство. Въ фаталистическомъ предопредѣленіи исторіи надламывается воля личности, безсильная творить то, что задумано ею.

Съ глубокимъ пессимизмомъ смотрѣлъ Ибсенъ не только на жизнь, но и на искусство.

Собственное художественное творчество казалось ему ничтожнымъ и безполезнымъ.

Послѣднее произведеніе Ибсена, его драматическій эпилогъ „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“, есть не болѣе какъ исповѣдь глубоко разочарованнаго художника.

Скульпторъ Рубекъ создалъ въ юности превосходную скульптурную группу, изображавшую молодую женщину, „дѣву земли“, которая пробуждается отъ тяжелаго сна въ свѣтлой горной выси, а внизу, на пьедесталѣ, виднѣются лица людей, при болѣе внимательномъ взглядѣ скорѣе похожихъ на звѣрей. Художникъ окрестилъ свою статую „Воскресеніемъ“. Художникъ хотѣлъ сказать, что современныя поколѣнія недалеко ушли отъ животнаго состоянія, но уже пробуждается кругомъ новый духъ, новая жизнь — свободная, прекрасная, могучая, какъ на его группѣ, надъ звѣроподобными существами носится юная

прелестная дѣва. Скульптурная группа „Воскресеніе“ прославила ея творца. Рубекъ сдѣлался знаменитостью. Онъ лѣпилъ статуи и бюсты, которые нарасхватъ раскупались. И вдругъ его охватило разочарованіе. „Моя художественная дѣятельность кажется мнѣ такой ничтожной и пустой“,— восклицаетъ онъ. „Да развѣ въ самомъ дѣлѣ не безконечно важнѣе *жить* въ сіяніи солнца, совершать подвиги, чѣмъ до конца своихъ дней возиться съ глиной и мраморомъ!“ Рубекъ не можетъ понять, какъ онъ могъ цѣнить выше „счастья жизни“ – „статуи изъ бездушнаго матеріала“.

Художникъ хочетъ снова стать человѣкомъ.

Онъ поднимается вслѣдъ за своимъ идеаломъ, за „дѣвой земли“, пробуждающейся отъ долгаго сна, въ горы, въ свѣтлую высь — тамъ, вдали отъ стараго общества, отъ изуродованныхъ неправдой поколѣній осуществить въ реальныхъ подвигахъ ту идею, которую онъ раньше олицетворялъ только въ художественныхъ образахъ, жизнь красивую, могучую, свободную. Тщетно силится онъ увѣрить себя, что онъ не умеръ еще для этой настоящей жизни. Долголѣтняя эстетическая дѣятельность, вѣчная возня съ „бездушнымъ матеріаломъ“, съ „глиной и мраморомъ“ притупили въ немъ активную энергію, способную поднять на великій подвигъ „отреченія отъ стараго міра“. Теперь, когда передъ нимъ снова ожилъ его идеалъ, художникъ видитъ, что самъ онъ не болѣе какъ „трупъ“. Тѣмъ не менѣе онъ мужественно поднимается къ „свѣту“, къ „сіяющей красотѣ“. Осталось пройти еще только одну полосу „тумана“, потомъ онъ вступитъ на „вершину“, сверкающую въ лучахъ „восходящаго солнца“. Въ эту самую минуту лавина съ грохотомъ хоронитъ художника подъ своими снѣжными глыбами. Онъ сумѣлъ только привѣтствовать зарю новой жизни, осуществить же ее онъ не могъ на томъ простомъ основаніи, что она пробудится и расцвѣтетъ на землѣ лишь тогда, когда будутъ уничтожены тѣ общественно-экономическія отношенія, которыя существуютъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ, всѣ недостатки котораго поэтъ такъ прекрасно понималъ, и замѣнены иными формами собственности и производства, вѣрить въ которыя поэту мѣшала его мелко-буржуазная психика.

И отъ самого Ибсена, какъ отъ профессора Рубека, останется только его величавая скульптурная группа.

Внизу на пьедесталѣ изображены современныя поколѣнія мѣщанской и капиталистической эпохи, — поколѣнія, изуродованныя всевозможными семейными и общественными предразсудками, опутанныя паутиной неправды, міръ падшихъ звѣроподобныхъ людей, а тамъ наверху, въ лучахъ восходящаго солнца, носится, готовая пробудиться отъ тяжелаго сна, прекрасная душа освобожденнаго человѣчества.

ГЛАВА III.

Деклассированная интеллигенція крестьянскаго происхожденія. А. Гарборгъ.

По мѣрѣ того какъ подъ вліяніемъ развивавшагося капитализма росли города, дѣти разорявшихся крестьянъ массами устремлялись въ крупные торгово-промышленные центры, въ высшія учебныя заведенія въ надеждѣ устроиться впослѣдствіи въ качествѣ чиновниковъ, священниковъ, преподавателей, журналистовъ и т. д.

Въ городахъ появился новый слой интеллигенціи—„крестьяне-студенты".

Внѣшнюю исторію этого поколѣнія восьмидесятниковъ разсказалъ одинъ изъ наиболѣе типическихъ его представителей, Арне Гарборгъ, въ романѣ „Крестьяне-студенты".

„Нашъ мужикъ,—говоритъ съ укоризной одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, человѣкъ старозавѣтныхъ идеаловъ,—спѣшитъ какъ можно скорѣе заложить свой дворъ. Земля принадлежитъ уже не ему, а банку, въ пользу котораго онъ коситъ и пашетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наше крестьянство проникается презрѣніемъ къ своему сословію, своему труду. Крестьянинъ ни за что не позволитъ сыну остаться хлѣбопашцемъ: это было бы слишкомъ прозаично. Онъ пошлетъ его въ семинарію, а когда молодой человѣкъ ее окончитъ, онъ уже не желаетъ жить своимъ трудомъ, предпочитая существовать въ качествѣ чиновника на деньги, заработанныя другими. Такъ исчезаетъ изъ крестьянскаго сословія старая доблесть, получаются какіе-то жалкіе отбросы, образуется интеллигентный пролетаріатъ".

Весь романъ служитъ иллюстраціей къ этимъ словамъ.

То передъ нами столичный университетъ въ день пріемныхъ экзаменовъ, когда „изъ всѣхъ чердаковъ выползаютъ студенты-пролетаріи“, „голодные, оборванные, небритые“, „цѣлая армія бродягъ и босяковъ“, то дешевая кофейня въ одномъ изъ захолустныхъ переулковъ, гдѣ по вечерамъ собирается радикальная молодежь, въ шумныхъ разговорахъ обсуждая „будущее“ родной страны.

Когда Даніилъ Брантъ, главный герой романа, поступилъ въ университетъ, онъ былъ проникнутъ самыми идеалистическими побужденіями. „Крестьянинъ-студентъ,—думалъ онъ,—не долженъ заботиться о матеріальныхъ благахъ. Свои силы и знанія онъ обязанъ посвятить трудящемуся народу, его задача — стать сѣятелемъ счастья на деревенской нивѣ“.

Даніилъ скоро понялъ, что голодъ—не шутка. Онъ рѣшилъ „устроиться“. Сдѣлавъ предложеніе немолодой уже дѣвушкѣ, дочери помѣщика, онъ получилъ возможность кончить университетъ и, отказавшись отъ своихъ демократическихъ идеаловъ, зажилъ благонамѣреннымъ рядовымъ чиновникомъ.

Не лучше судьба другихъ „крестьянъ-студентовъ“.

Оторванные отъ родной матери-земли, бьющіеся изъ-за куска насущнаго хлѣба, они въ большинствѣ случаевъ кончаютъ печально и жалко, поступая на службу въ полицію, эмигрируя въ Америку, погибая отъ чахотки.

Психологія этой своеобразной группы деклассированной интеллигенціи крестьянскаго происхожденія прекрасно отразилась въ творчествѣ Гарборга.

Дитя крестьянскихъ поколѣній, столѣтіями сидѣвшихъ на землѣ и пахавшихъ поле, Гарборгъ сохранилъ на днѣ своей души инстинктивную ненависть къ городу, гдѣ царитъ разнузданная борьба за существованіе, гдѣ люди „топчутъ и давятъ другъ друга“, гдѣ у нихъ „кости изъ стали и сердце изъ камня“.

Эта ненависть проходитъ черезъ всѣ его произведенія.

Въ повѣсти „Потерянный отецъ“ герой, какъ и самъ авторъ, отправился молодымъ человѣкомъ въ столицу искать счастья. Понявъ, что въ городѣ побѣждаетъ только „сильный“, онъ, какъ и всѣ, сталъ „пожирать“ ближняго „смѣясь“ и „свободно“. Счастье оказалось не на его сто-

ронѣ. Въ „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ“ онъ потерпѣлъ крушеніе. И его потянуло назадъ, къ роднымъ полямъ и лѣсамъ, туда, гдѣ въ воздухѣ не чувствуется лихорадочное безпокойство большихъ городовъ, на сердце нисходятъ миръ и покой. Мечты о золотѣ и власти, за которыми онъ такъ слѣпо гнался, были, какъ оказалось, лишь „болотные огоньки“. Они заманили его въ трясину и погасли одинъ за другимъ.

Дитя деревни, Гарборгъ относится отрицательно рѣшительно ко всѣмъ городскимъ классамъ общества.

Въ „Крестьянахъ-студентахъ“ и „Усталыхъ душахъ“ онъ поднимаетъ настоящую войну противъ бюрократіи, „безпочвенной орды кочевниковъ“, руководящихся принципомъ „ubi bene, ibi patria“, т.-е. „отчизна тамъ, гдѣ можно нажить много денегъ“. Онъ ополчается и противъ крупныхъ капиталистовъ (иностраннаго происхожденія), мечтающихъ страну превратить въ „санаторію для англійскихъ купцовъ“, сооружающихъ гостиницы, гдѣ „норвежскій крестьянинъ обращается въ официанта, а крестьянки обязаны служить прихотямъ проѣзжихъ туристовъ“.

Не сочувствуетъ Гарборгъ и городскому пролетаріату (хотя въ бытность свою въ Германіи онъ мимоходомъ увлекся соціалъ-демократическимъ ученіемъ). „Что за жалкое будущее!—пародируетъ онъ устами одного изъ своихъ героевъ идеалы пролетаріата.—Всюду высятся фабрики и живутъ счастливые работники. Весь міръ населенъ здоровыми, просвѣщенными мѣщанами, которые пьютъ, ѣдятъ и размножаются научнымъ путемъ“.

Относясь отрицательно къ городскому строю жизни, Гарборгъ не видитъ ничего хорошаго и въ городской интеллигенціи.

Въ романѣ „Усталыя души“ онъ нарисовалъ безъ всякаго сочувствія портреты тѣхъ двухъ типовъ, на которые распалась современная буржуазная интеллигенція,—типъ декадента и типъ соціалиста. Габріэль Грамъ — потомокъ „крестьянъ-студентовъ“, волной хозяйственнаго развитія заброшенныхъ въ торгово-промышленный городъ. Чувствуя себя одинокимъ среди другихъ классовъ общества, не принадлежа ни къ городу, ни къ деревнѣ, онъ мечтаетъ о созданіи особой соціальной группы, куда вошли бы такіе же, какъ онъ, ненужные и лишніе люди. Отличительной

чертой этой „аристократіи будущаго“, какъ и аристократіи прошлаго, будетъ суровая кастовая замкнутость. Члены этой группы должны воздержаться отъ брака на дѣвушкахъ другихъ классовъ, въ особенности же простонародья, чтобы не портить „расу“. Эта интеллигентная аристократія будетъ относиться свысока и къ трудящемуся люду: „состраданіе къ голоднымъ“ будетъ въ ея глазахъ чувствомъ позорнымъ. Она отвергнетъ и соціалистическій идеалъ обязательнаго для всѣхъ труда, ибо при господствѣ послѣдняго невозможно будетъ существованіе людей съ „длинными бѣлыми пальцами“. Эта интеллигенція будетъ поддерживать и проституцію, „позволяющую дамамъ сохранить свою чистоту и свое цѣломудріе, а безъ чистыхъ цѣломудренныхъ дамъ не возможно хорошее общество“.

Грамъ скоро разочаровывается въ возможности создать эту „аристократію будущаго“. Для нея нѣтъ матеріала. Дворянство отмираетъ, буржуазія погрязла въ матеріализмѣ, военные превратились въ чиновниковъ, чиновники стали канцеляристами, интеллигенція сплошь состоитъ изъ пролетаріевъ, крестьянство разъѣдено процессомъ разложенія. Да и вопросъ еще, можно ли искусственно создать аристократію, какъ можно искусственно создать демократію?

Одинокій среди другихъ классовъ общества, не раздѣляя ни его стремленій, ни его надеждъ, Грамъ, типичный деклассированный интеллигентъ, впадаетъ въ безысходный пессимизмъ, пытается забыться въ развратѣ и въ винѣ, носится съ мыслью о самоубійствѣ. Утомленный и безпочвенный, онъ ищетъ успокоенія въ религіи Нирваны, въ буддизмѣ, потомъ въ спиритизмѣ и, наконецъ, принимаетъ католицизмъ. Для своей „усталой души“ онъ находитъ покой только въ храмѣ, гдѣ раздаются старинныя мелодіи, „пѣсни ушедшихъ вѣковъ“, гдѣ передъ алтарями мадоннъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, сіяетъ неугасающій огонь.

Интеллигенту-декаденту, потерявшему подъ собой классовую почву, Гарборгъ противополагаетъ интеллигента-соціалиста, сливающагося съ пролетарской массой, марксиста Іонатана. Въ его глазахъ Габріэль Грамъ — представитель умирающей буржуазіи (agonie de la bourgeoisie). „Старая цивилизація впадаетъ въ дѣтство! — восклицаетъ онъ. — Когда древній Римъ доживалъ свои послѣдніе дни,

люди точно такъ же бѣжали вслѣдъ за разными чудотворцами, увлекались мистеріями. А когда люди перестаютъ заботиться о насущныхъ дѣлахъ, тогда появляются на сцену гунны и германцы, народы съ крѣпкими мускулами и сметаютъ изжившееся общество вмѣстѣ со всѣми его кумирами и богами. All right!“ Въ противоположность праздному квіэтисту Граму, Іонатанъ считаетъ первой обязанностью мужчины обязанность „дѣйствовать“, высшимъ смысломъ жизни—трудъ, не дилетантскій трудъ интеллигента, а производительный трудъ рабочаго. Онъ хотѣлъ бы превратить поля и лѣса въ великолѣпный городъ съ многомилліоннымъ населеніемъ, а мужиковъ въ ихъ старомодныхъ штанахъ и съ ихъ простонароднымъ говоромъ— въ интеллигентныхъ людей, говорящихъ по-англійски, т.-е., по мнѣнію самаго автора, подъ громкимъ титуломъ соціализма укрѣпить и продлить царство „здоровыхъ, просвѣщенныхъ мѣщанъ“.

Относясь отрицательно къ городу, Гарборгъ относится отрицательно и къ его цивилизаціи.

Когда молодымъ парнемъ онъ прибылъ въ столицу (Христіанію), въ немъ еще была крѣпка религіозная вѣра, взлелѣянная родными нивами и лугами, вѣра въ Бога-отца, унаслѣдованная отъ длиннаго ряда пахарей-предковъ. Въ городѣ на него пахнуло инымъ воздухомъ, поднялись сомнѣнія, началась критика старыхъ устоевъ. Гарборгъ дебютировалъ въ литературѣ романомъ, озаглавленнымъ именно „Вольнодумецъ“. Разочаровавшись въ религіи, онъ углубился въ науки: онѣ его тоже не удовлетворили. Въ душѣ его образовалась пустота. Чѣмъ беззавѣтнѣе были раньше надежды, возложенныя имъ на науку, тѣмъ глубже онъ возненавидѣлъ ее, когда она его обманула: „пусть будетъ проклята наука за то, что она подточила въ насъ спинной мозгъ вѣры,—говоритъ одинъ изъ его героевъ,—пусть она будетъ проклята за то, что дерзкой рукой изслѣдователя она загрязнила то, что должно было навсегда остаться неприкосновенной святыней“. Разочарованіе въ наукѣ вызвало естественно въ душѣ Гарборга тоску по „Потерянному отцу“. Всѣ его герои: крестьянинъ Энохъ („Миръ“), чиновникъ Грамъ („Усталыя души“), мѣщанинъ въ „Потерянномъ отцѣ“, всѣ они — искатели Бога. „Гдѣ Ты?“ спрашиваетъ одинъ изъ нихъ. „Куда Ты скрылся? Быть

можетъ, Ты покинулъ наши сердца потому, что они стали похожи на кошельки, переполненные цифрами и счетами. О, зачѣмъ Тебя больше нѣтъ на свѣтѣ! Я отыскалъ бы Тебя и разсказалъ бы Тебѣ, какъ я боленъ, покаялся бы, какъ блудный сынъ". Всѣ герои Гарборга жаждутъ вѣры, какъ „истомленный зноемъ лугъ жаждетъ живительнаго дождя". Всѣ они готовы, какъ Вольтеръ, но по совершенно другимъ соображеніямъ, „изобрѣсти Бога", если бы Его не существовало. Религіозное чувство переплетается въ душѣ этихъ людей съ любовью къ деревнѣ. Возвращаясь изъ душнаго города, гдѣ царятъ эгоизмъ и безвѣріе, въ деревенское затишье, и чиновникъ Грамъ въ „Усталыхъ душахъ", и мѣщанинъ въ „Потерянномъ отцѣ" снова обрѣтаютъ вмѣстѣ съ душевнымъ покоемъ забытаго Бога. Прислушиваясь къ стариннымъ церковнымъ мелодіямъ, любуясь тихими сельскими пейзажами, они точно возвращаются назадъ къ тѣмъ давно „ушедшимъ временамъ", когда люди жили еще исключительно земледѣльческимъ трудомъ и зависѣли преимущественно отъ Бога, а не сосредоточивались еще, какъ теперь, въ городахъ съ ихъ девизомъ „каждый за себя и всѣ противъ всѣхъ". Здѣсь, въ деревнѣ, Гарборгъ находитъ и свои положительные типы. Представителямъ городской интеллигенціи онъ противополагаетъ какъ идеалъ интеллигента-крестьянина. Если декадентъ хочетъ обновить міръ черезъ посредство новой аристократіи, а марксистъ видитъ его спасеніе въ рабочей демократіи, то деревенскій апостолъ въ „Потерянномъ отцѣ" ставитъ возрожденіе человѣчества въ зависимость отъ торжества христіанской морали. Изъ городовъ, гдѣ люди трудятся не ради труда, а во имя денегъ, гдѣ они собираютъ „камни и навозъ", принимая ихъ за „золото", гдѣ они пляшутъ и поютъ: „велика наша власть, мы—цари вселенной", не замѣчая, что они сдѣлались „рабами", деревенскій мудрецъ, самъ Гарборгъ, зоветъ современниковъ къ простой жизни, къ „миру и любви": пусть люди перестанутъ быть эгоистами и тунеядцами, и тогда само собой безъ крови и слезъ устроится на землѣ Божье царство!

Самъ Гарборгъ такъ и поступилъ.

Махнувъ рукой на душный городъ, гдѣ царятъ эгоизмъ и безвѣріе, гдѣ одинъ „пожираетъ" другого, гдѣ живутъ поколѣнія съ „стальными костями и каменными сердцами",

онъ поселился одинокимъ отшельникомъ въ лѣсной глуши, въ пустынной мѣстности межъ горныхъ озеръ.

Въ творчествѣ Гарборга ярко отразилась такимъ образомъ психологія деклассированнаго интеллигента крестьянскаго происхожденія,—психологія „крестьянина-студента“.

Рано оторвавшись отъ деревенской среды, онъ не сумѣлъ примкнуть ни къ одному изъ городскихъ классовъ общества — ни къ мѣщанству, ни къ пролетаріату, ни къ интеллигенціи, и кончилъ свою жизнь отщепенцемъ-анахоретомъ. Свою собственную безпочвенность и порожденную ею тоску по крѣпкимъ устоямъ жизни онъ перенесъ потомъ въ душу почти всѣхъ своихъ героевъ, заставляя ихъ въ безотчетномъ безпокойствѣ мечтать то о созданіи новой аристократіи, то о возвращеніи къ крестьянскому быту, то, наконецъ, объ успокоеніи въ лонѣ католической церкви. Эти настроенія, типичныя для деклассированнаго интеллигента, переплетаются у него затѣмъ съ настроеніями, характерными для той деревенской среды, изъ которой онъ вышелъ: съ враждебнымъ отношеніемъ ко всѣмъ сторонамъ городской жизни и инстиктивной идеализаціей сельскаго быта.

ГЛАВА IV.

Поэзія интеллигентнаго пролетаріата. Гамсунъ.

По мѣрѣ того какъ въ городахъ образовывались многочисленные кадры интеллигентнаго пролетеріата, именно этотъ слой интеллигенціи поставлялъ все болѣе значительную долю писателей.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей интеллигентнаго пролетаріата въ норвежской литературѣ является Кнутъ Гамсунъ.

Въ первомъ своемъ романѣ „Голодъ“ онъ въ рядѣ потрясающихъ картинъ разсказалъ многострадальную исторію нищаго-литератора, питающагося уличными отбросами, ночующаго въ лѣсу или въ ночлежкѣ, бродящаго, какъ призракъ, по площадямъ и переулкамъ въ тщетныхъ поискахъ за хлѣбомъ. Прохожіе съ улыбкой смотрятъ на его костюмъ, оборванный и грязный, съ руганью наѣзжаютъ на него ломовики. Съ его блѣдныхъ устъ ни разу не сры-

вается ни протестъ, ни проклятіе: ему только стыдно и больно. Романъ Гамсуна вскрываетъ намъ нѣкоторыя стороны психологіи интеллигентнаго пролетарія. Въ его душѣ постоянно борются два чувства: инстинктъ самосохраненія, побуждающій его преступать существующіе законы, и альтруистическія наклонности, не переходящія, однако, въ твердое желаніе обслуживать интересы угнетенныхъ классовъ.

Въ романѣ встрѣчается одна сцена, которая довольно хорошо рисуетъ эту своеобразную и сложную психологію. Въ магазинѣ, куда зашелъ голодающій писатель, чтобы попросить въ долгъ свѣчу, ему выдали по ошибкѣ значительную сумму денегъ. Спокойно положивъ ихъ въ карманъ, онъ отправляется въ кухмистерскую обѣдать. На обратномъ пути его охватываютъ угрызенія совѣсти за совершонное преступленіе и, желая какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ присвоенныхъ чужихъ денегъ, онъ ихъ швыряетъ на столъ старушкѣ, торгующей пирожками. Понявъ несообразность своего поступка, онъ возвращается въ магазинъ и признается во всемъ приказчику. Когда послѣдній хочетъ его арестовать, онъ, однако, спѣшитъ скрыться. Дорогой его снова охватываетъ раскаяніе: „какой я подлецъ—думаетъ онъ, въ какое нелѣпое положеніе поставилъ я приказчика“. Въ эту минуту голодъ заглушаетъ въ немъ совѣсть, и онъ выпрашиваетъ у старой торговки, которой бросилъ деньги, пирожокъ. Жадно глотая кусокъ за кускомъ, онъ проходитъ мимо дома, передъ которымъ каждое утро играетъ маленькій мальчикъ, который, вѣроятно, съ восторгомъ съѣстъ кусокъ лакомаго пирога. И голодающій писатель кладетъ на окно половину своей добычи, въ надеждѣ, что завтра ее тамъ найдетъ обрадованный ребенокъ.

Такъ переплетаются въ душѣ интеллигентнаго пролетарія два чувства: инстинктъ самосохраненія, способный довести его до преступленія, и нѣжность къ беззащитнымъ и обойденнымъ, пробуждающая въ немъ желаніе стать благодѣтелемъ человѣческаго рода. При извѣстныхъ условіяхъ изъ сочетанія этихъ двухъ чувствъ получается то сложное настроеніе, которое нѣкоторыя части интеллигентнаго пролетаріата приводитъ къ террористическому (въ широкомъ смыслѣ этого слова) анархизму. Романъ

Гамсуна показываетъ далѣе, какъ въ душѣ интеллигентнаго пролетарія зарождается мистическая экзальтація.

Подавленный жестокой дѣйствительностью, изнуренный, голодный писатель не въ состояніи объяснить себѣ, чѣмъ вызвана необходимость его страданія. Онъ подыскиваетъ для нихъ причины не соціальныя, а метафизическія. Само Небо обрекло его на голодъ и лишенія, — такъ думаетъ онъ. Ему представляется, будто само Божество „пробуравило дыру въ его мозгу", будто оно своими перстами прикоснулось къ его нервной ткани и привело ея нити въ полнѣйшій безпорядокъ. Онъ убѣжденъ, что онъ—Божій избранникъ, святой мученикъ.

Странные образы родятся въ его больномъ воображеніи. Онъ задумалъ написать драму изъ средневѣковой жизни. Въ ней героиней является падшая женщина — какъ бы олицетвореніе той грязи, среди которой живётъ ея творецъ. Безобразная, тощая, съ отвисшими ушами, она точно выхвачена изъ декадентскаго романа.

Кнутъ Гамсунъ написалъ впослѣдствіи еще два крупныхъ произведенія: „Мистеріи" и „Панъ" — служащія какъ бы продолженіемъ его перваго романа „Голодъ".

Такъ какъ изображенные авторомъ люди вышли изъ мозга человѣка обезличеннаго и угнетеннаго голодомъ, то они отличаются полнымъ отсутствіемъ собственнаго достоинства. Безвольные и безличные, они любятъ унижаться не только передъ людьми, но даже передъ природой. Въ ихъ жизни бываютъ моменты, когда они готовы „лобызать ноги своихъ враговъ". Они и любовь понимаютъ не иначе какъ въ смыслѣ безусловнаго подчиненія женщинѣ. Для нихъ нѣтъ большаго наслажденія, какъ чувствовать, что „милая рука рветъ ихъ за волосы", нѣтъ большаго счастья, какъ „цѣловать руку, которая ихъ бьетъ". Порой въ лѣсу, охваченные нѣжностью къ природѣ, они, опускаясь на колѣни, „лижутъ, полные смиренія", каждый стебелекъ травы, растущей по дорогѣ.

Такъ какъ изображенные Гамсуномъ люди вышли изъ мозга, разъѣденнаго долголѣтней нуждой, изъ мозга, „пробуравленнаго" голодомъ, то они, въ большинствѣ случаевъ, — натуры патологическія, руководящіяся въ своихъ поступкахъ ирраціональными настроеніями, совершающіе странныя выходки. Нильсенъ Нагель въ романѣ „Мистеріи" ве-

детъ себя такъ дико, что обыватели провинціальнаго городка считаютъ его помѣшаннымъ. Лейтенантъ Гланъ и Эдварда въ романѣ „Панъ“, страстно другъ въ друга влюбленные, предпочитаютъ свое чувство выражать не въ ласкахъ и поцѣлуяхъ, а въ мстительныхъ, полныхъ ненависти поступкахъ.

Такъ какъ люди, изображенные Гамсуномъ, родились въ мозгу писателя, долго стоявшаго внѣ общества, то они всѣ—безпочвенные мечтатели, боящіеся малѣйшаго прикосновенія реальной дѣйствительности: они любятъ называть себя призраками „обитающими за границей міра“, „чужестранцами въ жизни“. Нильсенъ Нагель въ „Мистеріяхъ“ вѣчно витаетъ въ мечтахъ: то ему чудится таинственная башня, наполненная поющими ангелами, то къ нему является съ морского дна блѣдная утопленница съ зеленымъ крестомъ на груди. Свои мечты онъ принимаетъ за дѣйствительность, отъ которой подъ конецъ освобождается путемъ самоубійства. Ненужные и лишніе въ обществѣ, внѣ котораго такъ долго стоялъ ихъ творецъ, изображенные Гамсуномъ люди охотно уходятъ въ природу, изъ слабовольныхъ фантастовъ превращаясь въ сантиментальныхъ отшельниковъ. Когда лейтенантъ Гланъ бродитъ одинъ по лѣсу, онъ видитъ, какъ между кустами порхаетъ лѣсная фея, слышитъ, какъ она ему нашептываетъ волшебныя сказки, чувствуетъ, какъ на его губахъ горятъ ея воздушные поцѣлуи. Когда, вечеромъ, далекій горизонтъ окрашивается въ золотисто-лиловый цвѣтъ, ему кажется, будто на небѣ свершается праздникъ и подъ звуки оркестра звѣздъ по райскимъ рѣкамъ плывутъ ладьи съ разодѣтыми гостями. А когда на землю спускается ночь и на небѣ, какъ бѣлая раковина, сіяетъ луна, сердце его переполняется невыразимой нѣжностью. „Это— луна“, повторяетъ онъ страстно. Проносится вѣтерокъ. Его точно зовутъ. Вдругъ ему чудится, будто чьи-то незримыя руки вырываютъ его изъ окружающаго міра. Вѣроятно, гдѣ-нибудь вблизи стоитъ Богъ и смотритъ на него.

Въ своихъ трехъ большихъ романахъ Гамсунъ изобразилъ собственно три разныхъ момента изъ жизни одного и того же героя, — а именно интеллигентнаго пролетарія.

Сначала онъ предстоитъ передъ нами въ видѣ нищаго-

литератора, борющагося съ непосильной нуждой („Голодъ“), затѣмъ онъ превращается въ безпочвеннаго фантаста, перестающаго понимать жизнь („Мистеріи“) и кончаетъ свою карьеру сантиментальнымъ отшельникомъ, въ отчаяніи бросающимся на грудь природѣ („Панъ“).

Въ духовной физіономіи этого героя, родившагося въ воображеніи интеллигентнаго пролетарія, отчетливо выступаютъ знакомыя черты декадента: отсутствіе воли и логики, преобладаніе ирраціональныхъ настроеній, склонность къ фантастикѣ и мистикѣ, наконецъ желаніе уйти отъ жизни какъ можно дальше въ царство горъ и лѣсовъ, въ міръ мечты и сновидѣній.

ГЛАВА V.

Крушеніе антидемократической интеллигенціи. Стриндбергъ.

По мѣрѣ того какъ на Скандинавскомъ полуостровѣ воцарялись буржуазныя отношенія, по мѣрѣ того какъ слагалась демократія, часть интеллигенціи проникалась все болѣе враждебнымъ отношеніемъ къ новымъ классамъ общества, въ особенности къ пролетаріату, въ которомъ усматривала своего злѣйшаго врага. Эта часть интеллигенціи требовала безусловнаго подчиненія народной массы „аристократіи мозга и нервовъ“.

Наиболѣе яркимъ представителемъ этого теченія въ скандинавской литературѣ является шведскій писатель Стриндбергъ.

Въ ранней молодости Стриндбергъ былъ крайнимъ демократомъ, твердилъ о вырожденіи господствующихъ классовъ, проповѣдывалъ идею служенія народу, называлъ себя „герольдомъ коллективизма“.

Въ 80-хъ годахъ онъ становится ярымъ противникомъ демократіи.

Наиболѣе выдающіеся его романы, „Чандала“ и „У взморья“, кипятъ страстнымъ негодованіемъ къ народу, къ черни.

Въ романѣ „Чандала“ интеллигентъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ массой.

Научные интересы привели профессора Тёрнера въ семью

первобытныхъ цыганъ. Онъ съ ужасомъ замѣчаетъ, какъ онъ постепенно перенимаетъ отъ окружающей его тупой и невѣжественной черни ея манеру говорить и поступать, ея жесты и привычки. Онъ съ ужасомъ чувствуетъ, какъ въ немъ поднимается неодолимая страсть къ молодой цыганкѣ. Когда онъ ее цѣлуетъ, онъ испытываетъ такое состояніе, будто обнимаетъ животное. Грязная чернь грозитъ поработить аристократа-интеллигента. Профессоръ спѣшитъ спасти свой духовный міръ, свою самобытную личность. Пользуясь невѣжествомъ и суевѣріемъ массы, онъ доводитъ ея представителя (старика-цыгана) до умопомѣшательства. Когда профессоръ снова сидитъ въ своемъ кабинетѣ, уставленномъ книгами, онъ вспоминаетъ древніе законы „мудраго" Ману, на которыхъ и онъ хотѣлъ бы построить современное общество: „Пусть чернь питается только вонючимъ чеснокомъ и лукомъ и утоляетъ свою жажду изъ мутныхъ болотъ. Пусть она не умывается и не строитъ домовъ. Пусть украшеніемъ ей служитъ желѣзо, одеждой — лохмотья покойниковъ, а божествомъ — злой демонъ".

Масса не болѣе какъ „навозъ, удобряющій почву", на которой могло бы произрастать „благородное племя" аристократическихъ натуръ: „раса униженныхъ рабовъ" обязана трудиться и страдать для того, чтобы міръ хоть разъ въ продолженіе столѣтія могъ увидѣть великаго человѣка, поэта или философа, „драгоцѣнный цвѣтокъ, подобный цвѣтку алоэ".

Въ романѣ „У взморья", напротивъ, масса побѣждаетъ интеллигента.

Философъ Боргъ — такой же аристократъ „мозга и нервовъ", какъ профессоръ Тёрнеръ. Онъ видѣлъ съ грустью, какъ человѣчество возвращается вспять, къ посредственности и стадности. Въ молодости философъ написалъ обширный проектъ реформы государственной жизни, основаннный на принципѣ не народовластія, а господства аристократической интеллигенціи. Народные представители (парламентъ) заняты исключительно собираніемъ свѣдѣній, касающихся разныхъ сторонъ экономической жизни. Надъ парламентомъ возвышается совѣтъ, который и управляетъ страной, пользуясь собранными данными. Самый совѣтъ, въ рукахъ котораго находится исполнительная власть,

составленъ исключительно изъ интеллигенціи, ученыхъ спеціалистовъ, аристократовъ „мозга и нервовъ“.

Сознавая себя чужимъ въ современномъ демократическомъ обществѣ, философъ живетъ анахоретомъ, среди пустынныхъ скалъ и дикихъ шхеръ. Онъ убѣжденъ, что вражда толпы позволитъ ему сохранить „самобытность своей личности“, тогда какъ ея „дружба“ повергнетъ его въ „грязное болото“.

Въ борьбѣ съ чернью философъ погибаетъ: онъ сходитъ съ ума.

Въ рождественскій вечеръ, когда обитатели шхеръ украшали свои хаты, чтобы праздновать праздникъ всеобщаго равенства, философъ сѣлъ въ лодку и, повернувшись „спиной къ землѣ“, поѣхалъ въ открытое море. Глаза его невольно остановились на той звѣздѣ (между Лирой и Короной), которая освѣщала путь волхвамъ, пришедшимъ поклониться Христу (символу демократизма). Онъ поспѣшилъ перевести свои взоры на созвѣздіе Геркулеса, который нѣкогда освободилъ свѣтоносца-Прометея (символъ интеллигентскаго творчества). И лодка унесла въ невѣдомую даль аристократа „мозга и нервовъ“, который не желалъ подчиниться невѣжественной массѣ, не будучи въ то же время въ состояніи надъ ней господствовать, ею управлять.

Враждебное отношеніе Стриндберга къ современней демократіи привело его постепенно къ апоѳеозу среднихъ вѣковъ.

Онъ сдѣлался мистикомъ.

Исторію своего духовнаго перерожденія Стриндбергъ разсказалъ въ двухъ книгахъ: „Легенды“ и „Inferno“.

Его любимыми писателями становятся теперь всевозможные духовидцы и маги въ родѣ Сведенборга, котораго онъ называетъ „своимъ Виргиліемъ“, или французскаго декадента Сара Пеладапа. Онъ зачитывается мистическими романами, напр., романомъ Бальзака „Серафита“, провозглашая его „своимъ евангеліемъ“. Онъ погружается въ изученіе теософіи и оккультизма. „Я такъ близокъ къ загробному міру,—пишетъ онъ,—что жизнь возбуждаетъ во мнѣ только отвращеніе: снова меня охватила тоска по небесамъ“. Земля представляется ему какимъ-то адомъ—Jnferno,—населеннымъ чертями, духами и вѣдьмами. Эти незримыя силы постоянно вторгаются въ жизнь людей, руководятъ ихъ поступками, воспитываютъ и учатъ ихъ.

Съ восхищеніемъ констатируетъ Стриндбергъ тотъ фактъ, что въ значительной части, особенно французскаго, общества возрождается интересъ къ среднимъ вѣкамъ, духъ средневѣковья.

„Снова возвращаются къ намъ времена вѣры и догмы!— восклицаетъ онъ. — Молодые люди одѣваютъ монашескія рясы и мечтаютъ о монастырскихъ кельяхъ. Они пишутъ мистеріи и легенды, рисуютъ Мадонну и Христа. Магія и алхимія находятъ все больше приверженцевъ. Снова возникаютъ крестовые походы противъ турокъ и евреевъ (!!). Скоро на площадяхъ запылаютъ первые костры, на которыхъ будутъ сжигать уличенныхъ въ колдовствѣ вѣдьмъ (!!). Вереницы богомольцевъ тянутся въ Лурдъ. И само Небо даетъ отупѣвшимъ людямъ свои знаки въ циклонахъ, буряхъ и наводненіяхъ“.

И Стриндбергъ спѣшитъ принести публичное покаяніе въ своихъ грѣхахъ, въ заблужденіяхъ своей молодости, когда онъ былъ „герольдомъ коллективизма“.

„Я думалъ освободить обездоленныхъ тружениковъ, но скоро понялъ, что готовлю міру самыхъ ужасныхъ притѣснителей. Я хотѣлъ освободить молодежь отъ предразсудковъ, но скоро увидѣлъ, какъ она заражается пороками. Я надѣялся освободить женщину, но скоро замѣтилъ, что она погрязаетъ въ безнравственности. И мнѣ стало ясно, что эмансипація человѣчества—только ложь. Я знаю теперь, что жизнь для насъ не болѣе какъ исправительная тюрьма. Я беру свои слова назадъ!“

Изъ окружающаго его со всѣхъ сторонъ „царства антихриста“ Стриндбергъ обратилъ свои взоры къ вѣчному Риму. Какъ нѣкогда, въ средніе вѣка, германскій императоръ, онъ отправился паломникомъ, кающимся грѣшникомъ въ „Каноссу“.

„Только въ лонѣ матери-церкви находится гавань спасенія!“

И аристократъ „мозга и нервовъ“, съ пѣной у рта протестовавшій противъ господства большинства, противъ господства демократіи, преклонилъ свои колѣна передъ величайшимъ тираномъ западнаго міра — передъ одинокимъ изгнанникомъ Ватикана.

Стриндбергъ принялъ католицизмъ.

ГЛАВА VI.

Отношеніе интеллигенціи къ соціализму. Сельма Лагерлёфъ.

Между тѣмъ какъ одна часть интеллигенціи съ презрѣніемъ и ненавистью отворачивалась отъ демократіи, другая считала нужнымъ такъ или иначе считаться съ идеей соціализма. Въ душѣ этой интеллигенціи идеалы восходящаго пролетаріата, однако, быстро теряли свой пролетарскій характеръ и окрашивались въ особый консервативно-религіозный цвѣтъ.

Наиболѣе яркой представительницей христіанскаго соціализма въ скандинавской литературѣ является шведская писательница Сельма Лагерлёфъ.

Свои взгляды на соціализмъ она лучше всего изложила въ романѣ-легендѣ „Чудеса антихриста". Въ ту самую ночь, когда въ Виѳлеемѣ родился Христосъ, императоръ Августъ взошелъ на Капитолій. Ему хотѣлось узнать, какъ отнесутся боги къ мысли римскаго народа воздвигнуть храмъ въ честь цезаря. Кругомъ царила таинственная тишина. На вершинѣ Капитолія сидѣла въ глубокомъ раздумьи сѣдая сивилла. Она даже не взглянула на императора, который молча приступилъ къ жертвоприношенію. Вдругъ голуби взвились изъ руки Августа и потонули въ ночномъ мракѣ. Цезарь и его спутникли поникли головой. Боги были, очевидно, противъ постройки храма. Но вотъ голуби снова мелькнули бѣлымъ пятномъ и сѣли на плечи цезаря. „Ave caesar!—воскликнули придворные.—Ты и есть то божество, которому поклоняться будутъ на вершинахъ Капитолія". Отъ ихъ привѣта очнулась сивилла. Подойдя къ цезарю и указывая на востокъ, она промолвила: „Взгляни туда". Сквозь хаосъ ночи императоръ увидѣлъ убогую хату, прилѣпившуюся къ отвѣсной стѣнѣ: въ дверяхъ толпятся пастухи, молодая мать склонилась надъ младенцемъ, лежащимъ въ ясляхъ на полу. „Ave caesar,—усмѣхнулась сивилла.—Вотъ то Божество, которому поклоняться будутъ на высотахъ Капитолія. Молиться будутъ Христу или антихристу, но не смертному человѣку".

На слѣдующій день императоръ Августъ воздвигъ на этомъ мѣстѣ храмъ въ честь не себя, а новорожденнаго Бога, назвавъ его Ara Coeli.

Прошли вѣка. Погибъ гордый Римъ.

Наступили средніе вѣка.

Рядомъ съ церковью (Sancta Maria) Ara Coeli францисканскіе монахи построили монастырь. Здѣсь въ продолженіе столѣтій они стояли на стражѣ, дабы не исполнилась вторая половина предсказанья сивиллы — предсказанье объ антихристѣ.

„Они сидѣли съ опущенными на глаза капюшонами и пристально глядѣли вдаль. Взоры ихъ горѣли лихорадочнымъ блескомъ и всюду они видѣли антихриста. „Онъ здѣсь! Онъ тамъ!“ то и дѣло раздавались ихъ тревожные возгласы. И они поднимались съ нимъ на борьбу въ своихъ коричневыхъ рясахъ“.

Въ эти годы напряженнаго ожиданія единственной надеждой и единственнымъ утѣшеніемъ монаховъ была чудотворная икона Христа, хранившаяся въ церкви Ara Coeli,—икона, изображавшая младенца въ золотой коронѣ и золотыхъ сандаліяхъ. Истомленные борьбой и ожиданіемъ, они бросались передъ ней на колѣни, восклицая: „Ты непобѣдимъ! Передъ тобой склоняется вѣчный городъ. Лишь предъ тобой будутъ преклоняться на высотахъ Капитолія“.

Прошли вѣка.

Однажды пріѣхала въ вѣчный городъ иностранка. Пораженная красотой чудотворной иконы, она рѣшила ее похитить. Заказавъ художнику сдѣлать точь въ точь такую же икону, она внизу иглой, еле замѣтными буквами, въ золотой коронѣ начертала слова: „Мое царство отъ міра сего“. Укравъ икону настоящую, она на ея мѣсто поставила подложную. И монахи долгое время поклонялись, сами того не вѣдая, не Христу, а антихристу. Однажды ночью они были разбужены громкимъ стукомъ въ ворота: передъ ними стояла настоящая икона. Понявъ, что они служили земному богу, а не небесному (намекъ на свѣтскую дѣятельность средневѣковой церкви), монахи вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдились, что теперь опасность миновала, такъ какъ исполнилась вторая половина предсказанья сивиллы, и высоко поднявъ надъ головой изображеніе Христа съ изреченіемъ: „Мое царство отъ міра сего“, они бросили его въ самый водоворотъ жизни.

Прошли вѣка.

Послѣ долгихъ скитаній по землѣ икона антихриста

(т.-е. изображеніе Христа съ изреченіемъ „Мое царство отъ міра сего") очутилась въ небольшомъ мѣстечкѣ Діаманте, на островѣ Сициліи, и, совершая чудеса, одно другого неслыханнѣе, помогала народу—бѣднякамъ—бороться и существовать.

Случайно патеръ Гондо — потомокъ тѣхъ францисканцевъ, которые построили нѣкогда на Капитоліи монастырь, прочелъ надпись въ золотой коронѣ и, собравъ вокругъ себя прихожанъ, сказалъ съ горькимъ упрекомъ:

— Что вы сдѣлали, мои несчастныя дѣти! Вы пріютили у себя антихриста. Вы забыли, что у васъ есть душа. О чемъ вы думали? О благахъ міра! О чемъ вы молились? О хорошемъ урожаѣ, о насущномъ хлѣбѣ, о деньгахъ, о здоровьѣ! Врагъ человѣческій принялъ образъ Христа, чтобы всѣхъ соблазнить. Расточая кругомъ счастье, онъ сдѣлалъ васъ сынами земли.

И поднявъ высоко надъ головой чудотворную икону, онъ хотѣлъ бросить ее въ огонь, но стоявшій тутъ же молодой парень схватилъ ее и скрылся.

Народъ тружениковъ и бѣдняковъ попрежнему поклонялся иконѣ Христа съ изреченіемъ антихриста (символъ соціализма).

Патеръ Гондо отправился къ папѣ съ доносомъ. Спокойно выслушавъ его рѣчь, св. отецъ послалъ его въ городокъ Орвьето посмотрѣть на извѣстныя фрески стараго художника Луки Синьорелли, носящія названіе „Чудеса антихриста". На вопросъ папы, что же онъ видѣлъ на этихъ фрескахъ, патеръ Гондо отвѣчалъ:

— Я видѣлъ, во-первыхъ, что Синьорелли изобразилъ антихриста такимъ же бѣднымъ и незамѣтнымъ человѣкомъ, какимъ былъ и самъ Христосъ, и его антихристъ одеждой и лицомъ похожъ какъ двѣ капли воды на Христа.

— Дальше!

— Я видѣлъ, что антихристъ проповѣдывалъ такъ горячо, что богатые и знатные повергали свои сокровища къ его ногамъ. Я видѣлъ, какъ мученики ради него шли на пытки и казни. Я видѣлъ, какъ люди паломничали въ храмъ вѣчнаго мира, какъ духъ вражды былъ низвергнутъ съ неба, какъ угнетатели были сожжены громовыми стрѣлами.

Папа прервалъ рѣчь монаха:

— Твой разсказъ о событіяхъ въ мѣстечкѣ Діаманте для меня не былъ новостью. Церковь всегда знала, что придетъ антихристъ, одаренный всѣми качествами Христа,— антихристъ, изображенный на фрескахъ Синьорелли. Ты понялъ теперь, кто былъ тотъ младенецъ, съ которымъ вы боролись, котораго вы называете антихристомъ?

— О нѣтъ, св. отецъ!

— А тотъ, кто на фрескахъ Синьорелли излѣчивалъ больныхъ и заставлялъ каяться богачей, кто землю превратилъ въ рай, такъ что люди забыли о небѣ,— кто онъ?

— Не знаю, св. отецъ!

— Онъ не что иное какъ идея соціализма.

Монахъ вздрогнулъ.

Но папа спокойно продолжалъ:

— Вы, монахи, могли бы взять въ свои руки великое народное движеніе, пока оно, какъ младенецъ, еще находится въ пеленкахъ и привести его къ ногамъ Христа, и *узналъ бы антихристъ, что онъ—только копія съ Христа.* Вы, монахи, напрасно такъ боитесь этой иконы.

— Мы полюбили бы ее,—возразилъ патеръ Гондо,—если бы она, исцѣляя земныя страданья, не заставляла забывать о небесахъ.

Папа улыбнулся.

— Я разскажу тебѣ старую легенду. Когда Господь создавалъ вселенную, онъ послалъ на землю апостола Петра узнать, что тамъ дѣлается. „Всѣ плачутъ и горюютъ", доложилъ апостолъ. „Не готовъ еще міръ", сказалъ Господь и продолжалъ строить. Три дня спустя Онъ вторично послалъ Петра. „Всѣ ликуютъ и блаженствуютъ", заявилъ апостолъ. „Не готовъ еще міръ", сказалъ Господь и продолжалъ работать. Черезъ три дня Онъ снова послалъ Петра. „*Одни радуются, другіе плачутъ*", доложилъ Петръ. „Теперь міръ устроенъ", сказалъ Господь и почилъ отъ трудовъ своихъ.

— *И такъ будетъ всегда,*—закончилъ папа свою рѣчь.— Никто не сумѣетъ освободить человѣчество отъ его страданій, но многое простится тому, кто возбудитъ въ людяхъ мужество сносить эти страданія.

Какъ видно, „соціализмъ" г-жи Лагерлёфъ не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ пролетаріата!

ГЛАВА VII.

Двѣ соціальныя драмы.

Великій вопросъ эпохи—борьба труда съ капиталомъ лучше всего отразился въ двухъ драматическихъ произведеніяхъ новѣйшей скандинавской литературы.

Одно—вторая часть пьесы „Сверхъ силъ“ — принадлежитъ норвежцу Бьорнсону, другое—комедія „Люнггоръ и Кº“—датчанину Бергстрёму.

Въ первой пьесѣ соціальный вопросъ рѣшается въ духѣ анархизма.

Въ глубокомъ и мрачномъ оврагѣ—жители прозвали его Адомъ—раскинулся жалкій рабочій поселокъ.

Здѣсь „темно и холодно“. „Никто не любитъ свой трудъ“. Даже дѣтямъ не „нравится“ это мѣсто, и они бѣгутъ или къ морю, или туда, наверхъ, гдѣ „сіяетъ солнце“. Впрочемъ, они скоро возвращаются назадъ. „Кто разъ выброшенъ сюда, тому не такъ легко выбраться изъ этого ада“.

А тамъ, наверху, въ блескѣ солнца выросъ огромный, богатый городъ.

Въ „благодарность“ за то, что рабочіе „извлекли изъ земли скрытыя въ ней сокровища“, ихъ навсегда бросили въ мрачную пропасть. „Вы никогда не будете владѣть тѣмъ, чѣмъ мы теперь владѣемъ“, говорятъ рабочимъ тѣ, которые живутъ на „залитыхъ солнцемъ пространствахъ“.

На горѣ, гдѣ въ былые годы высился замокъ феодала, Хольжеръ, душа національнаго синдиката капиталистовъ, воздвигъ новую крѣпость, съ высоты которой объединенный капиталъ будетъ держать рабочихъ „подъ своимъ игомъ“, не давая имъ возможности увидѣть когда-нибудь „небо“. „Мы—основатели всѣхъ богатствъ!“ восклицаетъ Хольжеръ. „Мы строимъ города и села. Нами живутъ рабочіе. Благодаря намъ міръ украшается тѣмъ, что даетъ искусство и наука“. Только до тѣхъ поръ жизнь будетъ „полна“ и „интересна“, пока „большія состоянія останутся въ рукахъ немногихъ“. Если же большинство, не обладающее „ни традиціями, ни благородствомъ вкуса, ни привычками къ блеску и роскоши“, пожелаетъ достигнуть „власти“, на его претензіи нужно отвѣтить „пушками“.

Вѣдь если восторжествуетъ мечта соціалистовъ, если осуществится „строй коммунальный“, то всѣ люди „подведутся подъ одну мѣрку“, жизнь станетъ мрачной какъ „воскресный день въ Лондонѣ“, земля превратится въ „адъ“.

Правда, въ средѣ капиталистовъ порой раздаются предостерегающіе голоса.

„Богачи не сознаютъ своихъ обязанностей передъ другими!“ говоритъ Анкеръ. „Они расточаютъ милліоны, созданные чужими трудами, какъ будто, кромѣ нихъ, никого не существуетъ на свѣтѣ“. Они являются плохими воспитателями общества, плохими руководителями рабочихъ. „Не они ли кричатъ всѣмъ: поступай такъ, какъ тебѣ лучше и дѣлай все, что хочешь!“ „Литература“ буржуазіи вполнѣ соотвѣтствуетъ ея „дѣламъ“. „Въ ней преобладаетъ проповѣдь чистѣйшаго индивидуализма“, она „настраиваетъ на все беззаконное и безнравственное“. „Такой порядокъ,—заключаетъ Анкеръ,—при которомъ безумная роскошь существуетъ на ряду съ полнѣйшей нищетой, не можетъ долго продержаться“.

Безслѣдно теряются эти одинокіе голоса, точно выходящіе изъ глубины патріархальнаго прошлаго,—голоса, призывающіе къ примиренію, къ раздѣлу прибыли между капиталомъ и трудомъ, въ сіяющемъ, празднично убранномъ замкѣ синдикованныхъ милліонеровъ.

На службу къ капиталу идетъ церковь.

Въ лицѣ пастора Фалька она доказываетъ рабочимъ, что „нищета обладаетъ такими сокровищами, которыхъ не пріобрѣтешь ни за какія богатства“: на ней покоится „благодать“. „Бѣдняки довольствуются весьма немногимъ, живутъ въ согласіи, способны на самопожертвованіе, они терпѣливы и снисходительны“.

Къ капиталу на службу идетъ и искусство.

Для синдиката создаетъ архитекторъ дивный зáмокъ, для него его увѣковѣчиваетъ художникъ на полотнѣ.

Передовые отряды интеллигенціи въ свою очередь идутъ организовать рабочія массы.

Снимая рясу священника, объединяетъ Браттъ пролетаріевъ въ боевыя колонны для планомѣрной борьбы противъ капитала и, когда нищета внизу доходитъ до крайности, поднимаетъ ихъ на всеобщую стачку.

„Не пора ли и намъ,—говоритъ онъ толпѣ,—попробо-

вать взобраться повыше? Пусть хоть одно поколѣніе сдѣлаетъ могучее усиліе и приблизитъ всѣ будущія къ солнцу!"

Всѣ переговоры рабочаго союза съ синдикатомъ капиталистовъ не приводятъ ни къ чему.

И вотъ въ низахъ накипаетъ темная злоба, зрѣетъ мысль о насильственномъ ниспроверженіи существующаго строя.

„Почему бы намъ,—говоритъ голодная работница (Эльза),—не поджечь городъ, дождавшись ночной грозы? Со всѣхъ сторонъ! О, если бы его только поджечь!"

Та же мысль о „насиліи" вспыхиваетъ и въ мозгу неудачника-студента, интеллигентнаго пролетарія, выброшеннаго на улицу. „Отыскать бы подземные ходы, — думаетъ онъ (Отто Херръ), наполнить ихъ динамитомъ и порохомъ и..." „Сознавать, что ты, неизвѣстный, послѣ жизни, полной надежды и мечтаній, достигъ, наконецъ, цѣли своихъ желаній! Сѣсть въ колесницу, сдѣланную изъ костей милліонеровъ, топча ногами ихъ мѣшки съ золотомъ, слышать ревъ проклятій и восторговъ, гремящихъ какъ оркестръ! Какой тріумфъ!"

И та же мысль о „насиліи" охватываетъ мозгъ „кающагося" интеллигента-буржуа.

Сынъ пастора, искателя Бога, Эли Зангъ купилъ себѣ послѣ смерти отца „маленькую жалкую лачугу". Въ опрощеніи онъ думалъ найти жизнь, которая бы его „удовлетворяла". Но со всѣхъ сторонъ его обступили „страданія", видъ которыхъ для него становился нестерпимымъ. Онъ рѣшилъ однимъ ударомъ покончить со зломъ. Спасеніе міра—не въ рукахъ организованной массы, а кучки героевъ, „піонеровъ идей". Только въ нихъ живетъ „мужество", горитъ „вѣчный огонь". Прежде чѣмъ выступятъ „милліоны", нужно, чтобы пошли „тысячи". Эти „піонеры" обязаны принести себя въ жертву. Своей смертью они зажгутъ искру новой жизни. „Только такая идея живетъ", которую „мы запечетлѣваемъ смертью". Религіей піонеровъ будущаго должна быть религія „мученичества".

И Эли рѣшается.

Когда въ роскошно освѣщенномъ замкѣ собираются капиталисты, чтобы обсудить проектъ о національномъ синдикатѣ, Эли снизу взрываетъ ихъ на воздухъ.

Если въ драмѣ Бьорнсона соціальный вопросъ рѣшается

въ духѣ анархизма, то въ пьесѣ Бергстрёма „Люнггоръ и К⁰“ *) онъ рѣшается въ духѣ классовой борьбы.

Крупный капиталъ концентрируется.

Прошли тѣ времена, когда взаимныя отношенія между хозяевами и рабочими носили „патріархальный“ характеръ, когда хозяинъ „зналъ въ лицо каждаго рабочаго, зналъ его семейныя обстоятельства, его нужды и радости“, когда онъ „входилъ во все“.

Владѣлецъ предпріятія уже не занимается болѣе дѣлами, которыми вмѣсто него руководитъ наемный директоръ. Изъ организатора производства онъ превратился въ рантье.

Какъ владѣлецъ водочнаго завода, „красы и гордости страны“, Люнггоръ тратитъ свой досугъ на прихоти и капризы, на собираніе картинной галлереи.

Въ то же время и рабочіе уже давно объединились въ профессіональные союзы, коллективно рѣшающіе вопросы о заработной платѣ, объ условіяхъ найма и т. д.

Отношенія между работодателями и работниками становятся все безличнѣе.

Конкуренція отдѣльныхъ предпринимателей между собой, организованная борьба противъ нихъ пролетаріата ставятъ въ безвыходное положеніе и крупный капиталъ. Все громче раздается въ рядахъ предпринимателей боевой призывъ: организуйтесь! Изъ горнила борьбы за существованіе выходитъ новая форма капиталистическаго предпріятія—синдикатъ! Капитализмъ окончательно теряетъ свой личный характеръ.

Владѣлецъ водочнаго завода Люнггоръ всѣми силами противится вступленію въ союзъ. Три поколѣнія его предковъ трудились, чтобы сдѣлать свое предпріятіе „образцовымъ“: ужели потомство не узнаетъ, что на свѣтѣ жило семейство Люнггоръ? Это для него нестерпимо. А дѣла идутъ все хуже. Все „безумнѣе“ становится конкуренція водочнаго синдиката. „Корабль“ его предпріятія и такъ держится все больше „помпами“; приходится все „выкачивать да выкачивать“. А рабочіе устраиваютъ стачки, требуя повышенія заработной платы. Если имъ прибавить нѣсколько грошей, „просто смысла не будетъ вести дѣло“.

---

*) Есть русскій переводъ въ изд. С. Скирмунта.

Такъ, тѣснимый, съ одной стороны, объединеннымъ капиталомъ, а съ другой—нападеніями организованнаго пролетаріата, Люнггоръ, скрѣпя сердце, рѣшается вступить въ безличный синдикатъ, обѣщающій ему сохранить высокую прибыль цѣною забвенья его рода. Впрочемъ, у капиталиста остается утѣшеніе. Онъ выстроитъ художественный музей, гдѣ будутъ храниться картины великихъ мастеровъ, купленныя на деньги, отнятыя у рабочихъ, а наверху, надъ входомъ, будетъ красоваться золотыми буквами его имя: Люнггоръ!

По мѣрѣ того какъ крупная буржуазія вытѣсняется милліардерами, распадается и преобразуется ея рабовладѣльческая психика.

Въ буржуазной средѣ все чаще слышится голосъ ея „кающихся" дѣтей.

Жена владѣльца водочнаго завода не находитъ себѣ мѣста съ тѣхъ поръ, какъ во время стачки повѣсился рабочій Ольсенъ. Каждый грошъ, проходящій черезъ ея руки, кажется ей „окровавленнымъ". Она положительно задыхается подъ бременемъ „вѣчнаго страха". Ничто не помогаетъ, ни „добровольная бѣдность", ни филантропическія затѣи. Она чувствуетъ, что ея привилегированное положеніе основано на „грѣхѣ". Когда во главѣ завода на мгновеніе становится ея сынъ, мечтающій построить отношенія между капиталомъ и трудомъ не на враждѣ, а на сотрудничествѣ, она точно оживаетъ: наступаетъ „величайшая минута ея жизни". Когда же попытка сына кончается неудачей, когда выясняется, что рабочіе хотятъ взять свое не какъ „подарокъ", а „съ бою", она снова погружается въ тоску. Будущее надвигается не такое, какимъ она себѣ его „рисовала". На свѣтѣ нѣтъ мѣста для „милосердія и благотворительности". Кругомъ лишь громче раздается грохотъ битвы. Если нельзя примирить капиталъ съ трудомъ, если приходится выбирать между капиталомъ и трудомъ, то ей остается только одно: искать защиты въ крѣпости капитализма, гдѣ можно по крайней мѣрѣ спокойно умереть, разъ на свѣтѣ нельзя спокойно жить.

Если мать принадлежитъ къ типу кающихся, то сынъ ея — отщепенецъ и протестантъ!

Яковъ долго чувствовалъ себя чужимъ въ родномъ

домѣ, лишнимъ на землѣ. Жизнь казалась ему такой „безнадежной“. Онъ не видѣлъ ничего, за что можно было бы взяться съ „радостью“. Чтобы разсѣяться, онъ поѣхалъ путешествовать. Въ Саксоніи, въ Бирнбахѣ, онъ присутствовалъ на митингѣ рабочихъ. Онъ понялъ, что кругомъ зрѣетъ и растетъ „великое движеніе“. Домой онъ вернулся обновленнымъ. Въ его душѣ странно переплетались вывезенныя изъ-за границы соціалистическія идеи съ настроеніями хозяина, унаслѣдованными отъ предковъ. Въ результатѣ скрещенія этихъ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній, въ его головѣ родилась мысль о необходимости примиренія капитала съ трудомъ. Рабочіе встрѣтили его свистомъ. Тогда въ его душѣ спадаетъ послѣдній налетъ буржуазныхъ воззрѣній. Изъ „реформиста“ онъ превратился въ „ортодокса“. Яковъ понялъ, что „идеалъ“ болѣе разумнаго общежитія нельзя провести въ жизнь „мирнымъ, спокойнымъ путемъ“. Къ нему ведетъ не сотрудничество классовъ, а классовая борьба. И если мать, разочарованная, возвращается въ лоно капитала, то ея сынъ, отрезвленный, становится въ ряды пролетаріата.

Сознательнѣе становится и рабочій классъ.

Начитавшись „бунтарскихъ книжекъ“, сынъ повѣсившагося рабочаго Ольсена, Эдвардъ, какъ Спартакъ въ извѣстномъ романѣ, далъ клятву отомстить за смерть отца. Бывали минуты, когда онъ своими руками готовъ былъ задушить заводчика Люнггора. Потомъ онъ понялъ, что это—„ребячество“. Взглянувъ на жизнь „шире“, онъ выяснилъ себѣ, что корень зла—не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ „общественныхъ условіяхъ“. Помиловавъ капиталиста, онъ рѣшилъ бороться противъ капитала. „Стóитъ только предложить міру золото по дешевой цѣнѣ,—думалъ онъ,—и существующаго общественнаго строя какъ не бывало“. Онъ сдѣлался фальшивымъ монетчикомъ. Но въ тюрьмѣ онъ долженъ былъ сознаться, что „этотъ планъ никуда не годится“. И вотъ, очутившись на свободѣ, онъ, какъ и хозяйскій сынъ, становится въ ряды организованнаго пролетаріата, и когда рабочіе съ пѣніемъ боевыхъ пѣсенъ демонстрируютъ передъ окнами капиталиста, громче другихъ раздается его торжествующій голосъ: „Близокъ день, друзья-товарищи!“

Такъ рѣзко раскалывается общество на два противоположныхъ класса.

Всѣ попытки „серединныхъ людей“ смягчить враждебность интересовъ филантропіей или сотрудничествомъ разсѣиваются передъ лицомъ жестокой дѣйствительности.

Для буржуазіи, какъ и для пролетаріата, становится яснымъ — выражаясь словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы,—что изъ всѣхъ „формъ существованія“, до сихъ поръ выработанныхъ человѣчествомъ, „единственной достойной“ является *борьба*!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Англія.

стр.

Глава I. Буржуазія и пролетаріатъ въ первой половинѣ XIX в. 1

„ II. Отношеніе интеллигенціи къ соціальному вопросу Карлайля. Идеализація старины 6

„ III. Критика капиталистическаго строя съ мелкобуржуазной точки зрѣнія. Диккенсъ 13

„ IV. Критика капиталистическаго общества съ христіанской (церковной) точки зрѣнія. Кингсли. 19

„ V. Критика капиталистическаго строя съ эстетической точки зрѣнія. Рёскинъ. 23

„ VI. Распространеніе среди интеллигенціи соціалистическихъ идей. В. Моррисъ 27

„ VII. Искусство въ соціалистическомъ обществѣ. 32

Германія.

Глава I. Превращеніе Германіи въ капиталистическую страну. Гибель мелкаго производства. Романъ Крецера „Мастеръ „Тимпе“ 37

„ II. Мелкобуржуазная интеллигенція. Тяга къ соціализму 41

„ III. Психологія деклассированнаго интеллигента. . . . 45

„ IV. Возвращеніе интеллигенціи въ лоно буржуазіи . . . 48

„ V. Возникновеніе соціальнаго реализма 53

„ VI. Поворотъ литературы къ романтизму 59

„ VII. Крушеніе романтическаго индивидуализма 63

„ VIII. Вліяніе капиталистической системы на психику общества 66

„ IX. Возникновеніе импрессіонистическаго стиля 71

„ X. Распространеніе въ обществѣ фаталистическаго міросозерцанія 74

СТР

„ XI. Новая драматическая техника 76
„ XII. Отношеніе соціалъ-демократіи къ литературѣ эпохи капитализма 79

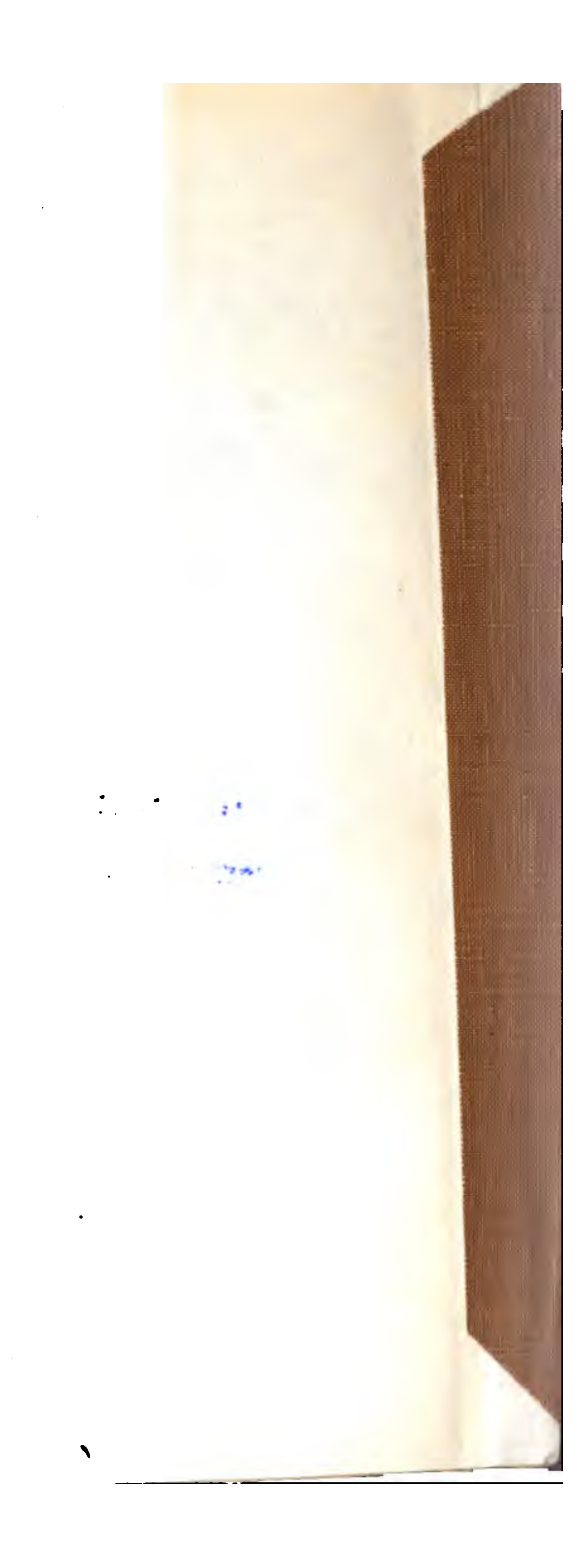
Австрія.

Глава I. Литература буржуазной интеллигенціи. Романтики. 84
„ II. Тяготѣніе интеллигенціи къ буддизму. М. Яничекъ . 90
„ III. Литература демократической интеллигенціи. Ф. Лангманъ 93
„ IV. Отраженіе соціальнаго вопроса въ драмѣ 97

Скандинавія.

Глава I. Гибель старой жизни 102
„ II. Наканунѣ воцаренія капитализма. Ибсенъ 107
„ III. Деклассированная интеллигенція крестьянскаго происхожденія А. Гарборгъ 118
„ IV. Поэзія интеллигентнаго пролетаріата. Гамсунъ . . 124
„ V. Крушеніе антидемократической интеллигенціи. Стриндбергъ 128
„ VI. Отношеніе интеллигенціи къ соціализму. Сельма Лагерлёфъ 132
„ VII. Двѣ соціальныя драмы 136

стр.
76
79
84
90
93
97
102
07
18
24
28
2
6



Stanford University Libraries
3 6105 005 619 866